

Сборник трудов Советской России

П. К. Иншаков

ДЕЛА И ДНИ

Григорий Васильевич Кирьянов

*Люди
Советской
России*

П. К. Иншаков

ДЕЛА И ДНИ

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1982

57(069)
И74

Художник **И. С. Клейnard**

И $\frac{1603000000-104}{M-105(03)82}$ 93-82

57(069)

© Издательство «Советская Россия», 1982 г.

1

Однажды в воскресный день, когда на пляже рядом с мостом была масса купающихся,

Григорий сказал своим друзьям:

— Сейчас взберусь на ферму и прыгну.

— Да что ты, с ума сошел?! Высота-то какая, страшно смотреть! Разобьешься.

— А вот посмотрим, разобьюсь или нет? Двух смертей не бывает, а одной не миновать,— с вызовом бросил Григорий.

— Гриша, не надо. Расшибешься — отговаривали его друзья.

— Да он трусит! — подзадоривали другие.

Григорий молча взошел на мост, взобрался на перила моста. Сотни глаз были устремлены на юношу, поднявшегося на головокружительную высоту. Со всех сторон слышались крики:

— Вы посмотрите на этого сумасшедшего!

— Слезь сейчас же!

— Сорвешься, костей не соберешь!

— Господи, ну что за молодежь пошла!

— Он чокнутый, не иначе.

Григорий глянул вниз: дух перехватило, и сердце сжалось от страха. А тут еще кричат со всех сторон:

— Нет, вы смотрите, он на самом деле сейчас прыгнет.

— Куда глядит милиция?

Потом все как по команде замолчали и затаили дыхание.

Григорий измерил глазами расстояние до воды, определил, где более глубокое место в реке у моста, чтобы не стукнуться головой о дно, а еще хуже — не угодить на деревянные сваи. Было страшно, но он уже не мог повернуть назад, гордость мальчишеская не позволяла. Сделав усилие над собой, он взмахнул руками и прыгнул головой вниз.

Толпа, глядевшая на смельчака, так и ахнула.

— Ой боже!

— Убьется!

— Пропал парень!..

Удар головой о воду был таким жестким, что на какое-то мгновение Григорий потерял сознание. Выбрался на поверхность, сделал глубокий вдох. Перед глазами каруселью вертелась река, люди, мост. С берега ему рукоплескали, кто-то кричал: «Молодец! Здорово!» Григорий не подал виду, что больно ушиб голову, что едва не разбился, и постарался как ни в чем не бывало выбраться из воды. «Надо было прыгать «ласточкой» и у воды руки выбросить перед собой ладонь к ладони», — подумал он.

«Может, еще прыгнуть?» — мелькнула шальная мысль.

А кругом кричали, аплодировали. И он снова забрался на ферму и повторил прыжок — теперь уже по всем правилам...

...Детство не баловало Григория Кирьянова. До пятого класса он рос слабым и хилым. Может, потому, что после смерти отца нужда долго держала семью в цепких руках. Но несмотря на внешнюю неказистость, Григорий сызмальства был отличным пловцом. В школе никто не мог тягаться с ним в плавании по скорости и дальности.

Как-то услышал он от школьного физрука:

— Чтобы стать сильными, ловкими, красивыми, надо систематически заниматься спортом.

Григорию запомнились эти слова, потому что ему очень хотелось быть сильным, выносливым и красивым. В шестом классе он полюбил черноглазую, веселую и гордую Нину Кузнецову. Глаза просмотрел на нее во время перемен. Бывало, станет в сторонке и не сводит с нее взгляда, когда она с подружками прохаживается по коридору или разгуливает по двору. Нина казалась ему самой умной, самой красивой из всех девочек школы.

Как-то на большой перемене Григорий стоял у окна в коридоре и как замороженный смотрел на Нину. Она шла под руку с Линой Полищук и Раей Волковой. Проходя мимо, перехватила его взгляд и насмешливо спросила:

— Чего пялишь на меня свои зенки?

— А разве нельзя?

— Нельзя. Запрещаю! — и показала язык.

— Он влюблен в тебя по уши,— сказала подружка Рая Волкова.

— Вот еще! — фыркнула Нина и покраснела.

Девочки пошли дальше, не обращая на него внимания, а он выскочил во двор и весь урок пробродил там, мучимый безнадежным отчаянием. Ах, если бы он был красивым и сильным, она не дерзила бы ему, не насмешничала, не показывала бы язык! Чего бы он не сделал ради нее! В мечтах он совершал необычайные подвиги, один дрался и побеждал мальчишек всего класса и даже всей школы, а то и «Маньчжурии» — рабочей окраины Пензы, защищая Нину от обидчиков.

Памятуя слова физрука, Григорий записался в спортивный школьный кружок, стал в нем самым активным участником. Увлечение спортом часто приносило ему лав-

ры победителя на многих школьных соревнованиях по гимнастике, плаванию, прыжкам в воду. Григорию присвоили спортивный юношеский разряд. Каждый свой завоеванный на соревнованиях приз он мысленно посвящал Нине. А она по-прежнему не обращала на него внимания, проходила мимо, насмешливо щуриглаза, надменная и гордая.

Прошло два года. Григорий работал уже на заводе учеником токаря, ходил в вечернюю школу рабочей молодежи, а любовь к Нине не проходила. Он занимался спортом, товарищи завидовали его успехам в соревнованиях, атлетической фигуре, тугим бицепсам.

Десятиметровая вышка для прыжков в воду на реке Суре с некоторых пор стала казаться Григорию совсем не высокой: с нее прыгают даже девчонки. Он начал прыгать с моста — с высоты 18 метров. Разведет руки и летит «ласточкой». Не много находилось смельчаков прыгать с такой высоты да еще недалеко от деревянных свай. Как хотелось ему, чтобы эти его прыжки видела Нина. Она знала о них и за глаза называла его «ненормальным». Над деревянной фермой моста проходил деревянный брус, покрытый железом. С вершины этого бруса до воды было не меньше 25 метров, а то и больше. Григорий давно присматривался к нему. А что, если прыгнуть оттуда?

Потом прыжки с головокружительной высоты для него стали привычными. Взберется на ферму, откуда виден весь город, — и полетел «ласточкой», не забыв потом выбросить руки перед собой ладонь к ладони.

— Смелый парень! — говорили о нем люди.

А еще вместе со своими дружками Федькой Рыжим, Колькой Горячевым и Володькой Андреевым увлекались они кулачными боями, выступая против «маньчжурских» ребят.

Давно это было, но память хранит картины юности, как будто все происходило совсем недавно. А за спиной Гри-

горя Васильевича осталось многое: Отечественная война, противотанковая артиллерия, сражение на Курской дуге и Днепре, ранения, госпитали... После войны комсомольская работа, учеба в институте, партшколе.

И вот который уже год он на партийной работе...

2

Инструктора Краснодарского краевого комитета партии Григория Васильевича Кирьянова пригласил к себе первый секретарь. Поздоровался, предложил сесть, осведомился о здоровье. Это несколько насторожило Кирьянова. «Что-то не так», — подумал он. Первый секретарь не так уж часто приглашает к себе инструкторов, обычно они получают задание от заведующего отделом или его заместителя. Кирьянов уже четыре года работал в отделе строительства.

Перед секретарем лежала папка с его личным делом. Он раскрыл ее, полистал, остановил внимание на анкете.

— Вы окончили строительный техникум, а раньше — Высшую партшколу и пединститут — факультет истории. Так? — спросил секретарь.

— Точно, окончил.

— Потом работали председателем районного комитета по физкультуре и спорту, первым секретарем райкома комсомола в Пензе.

Секретарь перекинул несколько листов.

— На секретариате мы решили рекомендовать Министерству мелиорации и водного хозяйства вашу кандидатуру на пост начальника Азово-Черноморской бассейновой инспекции по охране и использованию водных ресурсов. Работа там поставлена плохо. Прежний начальник Бубликов ушел на пенсию.

— Что-то не очень ясно представляю себе охрану и рациональное использование водных ресурсов,— признался Кирьянов.

— Охрана вод от загрязнения — это, можно сказать, проблема глобального масштаба.— Немного помолчав и внимательно, изучающим взглядом посмотрев на Кирьянова, секретарь спросил: — Понятна задача?

— Понятна, Григорий Сергеевич.

— Учтите, вам придется начинать почти с нуля. Там нужен хороший организатор и грамотный руководитель. Поэтому мы и остановились именно на вашей кандидатуре.

— Спасибо за доверие.

Это было в 1967 году.

Работу свою на новом месте Кирьянов начал с того, что накануне предупредил сотрудников, чтобы они без опоздания, ровно в девять, явились на совещание. Ему надо было познакомиться со всеми людьми, спросить, как они думают работать дальше.

Кирьянов не стал дожидаться опоздавших, начал совещание. Во взгляде каждого он читал мысли: «Что ты за человек, как поведешь работу?»

Когда прошло уже немало времени, один за другим стали подходить опоздавшие.

— Вам, товарищи, видимо, надо было делать персональные приглашения — выходить на работу без опоздания? — строго спросил Кирьянов.— Для вас что — не существует трудового законодательства? Опоздали на целый час, не попросили даже разрешения присутствовать па совещании. Давайте раз и навсегда договоримся: на работу ли, на совещание — являться без опоздания.

— Это что, угроза? — услышал в ответ.

— Пока предупреждение.

— А потом что будете делать с нами?

— Там будет видно. Но прямо скажу: нарушать трудовую дисциплину не позволю никому.

Все присутствовавшие на совещании сразу почувствовали, что новый начальник — это не прежний добродушный и покладистый Георгий Васильевич Бубликов. Этот, по-видимому, может не только урезонить, но и прибрать к рукам особо строптивых.

— Меня назначили возглавлять нашу водоохранную инспекцию,— продолжал Кирьянов.— Я знал, что в коллективе с дисциплиной не совсем благополучно, а сегодня сам убедился в разболтанности отдельных работников. Среди вас есть коммунисты. И я уверен, что нам удастся общими силами навести порядок. В интересах дела я не остановлюсь даже перед тем, что кое-кого, возможно, попрошу с нами расстаться.

— Не слишком ли лихо начинаете? — спросил один.

— Потихе бы на крутых поворотах,— вставил другой. Это вывело Кирьянова из терпения.

— Послушайте! Кто будет мешать мне наводить порядок, вступать в пререкания, я вынужден буду попросить того покинуть помещение,— сказал он сурово.

— Вот как?!

— Вы находитесь на государственной службе, получаете зарплату. Так будьте добры соблюдать дисциплину. Товарищ главный инженер, прошу вас, введите меня в курс дел.

Поднялся мужчина средних лет.

— Наша инспекция — молодое еще учреждение,— начал он.

— Позвольте, мне известно, что она существует пять лет. Так ведь? — перебил его Кирьянов.

— Ну, допустим, так. Это ничего не значит в нашем новом деле. А вы, наверное, не знаете, что такое дюжина человек на два края — Краснодарский и Ставропольский.

И всего одна машина. Учтите и то, что у нас инженеры с высшим образованием получают в месяц 90 рублей. А вот техник-гидролог Ваня Шатилов получает и того меньше — 70 рублей.

— И почти постоянно в командировках. Дома редко бываю,— добавил Иван Шатилов, самый молодой сотрудник в инспекции, работавший со дня ее образования.

— Слабая работа нашей инспекции объясняется еще и тем, что возглавлял ее слабый руководитель. Хозяйственной косточки в нем не было, умения работать с людьми, руководить коллективом. Он у нас просто отбывал служебную повинность в ожидании пенсии,— сказал главный инженер.

— Мне известно, что вы как главный инженер вместо того, чтобы помочь навести порядок, преодолеть трудности, ничего не предпринимали,— заметил Кирьянов, пристально глядя в лицо главного инженера.

Тот не растерялся.

— Это не так, товарищ Кирьянов. Я не раз писал в крайком партии и в другие инстанции, чтобы освободили нас от Бубликова.

— Ну, предположим, что ваш прежний начальник не сумел руководить коллективом, наладить работу. А вы как главный инженер, заместитель начальника, куда смотрели?

Он стушевался. По лицам сотрудников Кирьянов увидел: люди правильно поняли его упрек и теперь всем им было неловко.

— Ну, знаете... Я же не был начальником. А Бубликов... В общем, не давал развернуться в полную силу.

— Неправда! Ложь! — выкрикнули сразу несколько человек.

Главный инженер сердито посмотрел на своих коллег.

— Ну ладно. Посудите сами, Григорий Васильевич, ка-

кие были у нас трудности на первых порах. Трое наших инспекторов контролировали два края. А на их территории почти нет очистных сооружений. Все промышленные предприятия и жилищно-коммунальные здания крупных городов и курортов неочищенные сточные воды сбрасывают в водоемы. Что мы могли сделать?

— Применять санкции,— ответил Кирьянов.

— Применяли,— вздохнул главный инженер.— Что толку с того, что оштрафуешь директора на 50 рублей, а он не платит. Говорит, только через суд. Подашь в суд, а там отменяют штраф.

После этого выступления, в котором было много правды, никто не хотел говорить.

— Что, товарищи, нечего больше сказать? Или вы дела инспекции держите от меня в секрете? — усмехнулся Кирьянов.

— Какие там секреты? — заметил Георгий Кириллович Хавалджи, старший бухгалтер инспекции.— Что греха таить, плохо работали. И пьянки были у нас, и прогулы, и склоки, и всякие дразги, будь они прокляты. Надоело все это. Неверно, что во всем виноват ваш предшественник Георгий Васильевич Бубликов. Неправда это. Все мы виноваты в плохой работе и в том, что дисциплины у нас нужной нет. Есть и объективные причины: у нас одни нехватки и неувязки. Помещения для лабораторий и контрольные тесны, оборудования в лабораториях кот наплакал, и с транспортом плохо. Командировки на перекладных отнимают много времени. Мы не успеваем даже изучать состояние вод в двух морях и многочисленных реках. А водные наши бассейны загрязняются с нарастающей быстротой, это в будущем может обернуться катастрофой для Кубани и Ставрополя. В моря и реки мощными потоками идут неочищенные сточные воды. А в сельском хозяйстве дело обстоит и того хуже. Там пока никакого конт-

роля. Признаться, мы даже не знаем толком, как там обстоят дела с водопользованием. Прямо скажу, Григорий Васильевич, дальше так работать нельзя,— отрезал старший бухгалтер Георгий Кириллович.

— Вот теперь начинается деловой разговор,— улыбнулся Кирьянов.— Имеются ли у вас устав или инструкции, определяющие наши задачи и функции, всей инспекции и каждого работника?

— Кое-что имеется, но все это не то. Работаем как бог на душу положит,— ответил Гришучков.

— Полнейшая самостоятельность,— подтвердил техник Шатилов.

— Почему же вы не ставили вопрос перед главком или министерством об увеличении штата? — спросил Кирьянов.

— Об этом спросите у Бубликова! — выкрикнул кто-то.

— Георгий Кириллович правильно сказал, что в слабой работе инспекции повинны все ее сотрудники, а вы как главный инженер и заместитель начальника — особенно. Георгия Васильевича Бубликова вы считаете повинным чуть ли не во всем. А я имею другое мнение об этом человеке. Кое-кто тут не только не помогал, но старался всячески ему мешать, чтобы скорее выжить,— сказала инженер Пинаева.

— Вранье!

— Это поклеп на всех?!

— Не будем дискутировать по этому поводу. Так вот, насчет увеличения штатов. Вы ждали, пока вам поднесут дополнительные штатные единицы на блюде. Нет, так не бывает. Под лежачий камень вода не течет. Надо было добиваться, воевать,— подчеркнул Кирьянов.

— С нами никто не считается!

— Нас гонят с заводов!

— Значит, не смогли создать себе авторитет,— заметил Кирьянов.

- Дело не в авторитете...
- А в чем?
- В том, что привыкли работать по старинке.
- Слишком много у нас вод, лесов и земли, вот и транжирим все это направо и налево,— сказал Гришучков.
- Надо людям систематически разъяснять и доказывать...
- Начальников предприятий убеждать?
- Да, и начальников предприятий. Везде и всюду, всем и каждому аргументированно доказывать, к чему ведет загрязнение вод, бесхозяйственное их расходование. Выступать на собраниях, слетах, совещаниях предприятий, партийно-хозяйственных активах, на сессиях местных Советов. Использовать для этих целей все средства массовой информации — печать, радио, телевидение. Вы хотя бы в газетах выступали за все время существования водоохранной инспекции? — спросил Кирьянов.
- Кажется, пока нет,— ответил Шатилов.
- Ну вот, видите! А в партийные органы обращались за поддержкой и помощью?
- И этого не было.

3

Первые дни Григорий Васильевич ознакомился с работой водоохранной инспекции, с состоянием водных ресурсов в городах, на курортах, в сельских местностях. Приходил на службу раньше всех и позже всех уходил. Вечерами просиживал за изучением документации, за чтением литературы по гидрологии, по географии морей и рек Северного Кавказа. В рабочее время присматривался к сотрудникам, изучая, кто на что способен. Надо было знать, на кого можно опереться на первых

порах в повседневной работе, в наведении порядка в коллективе, в разрешении всевозможных внутриведомственных конфликтов. А опереться ему было на кого: хотя бы на инженеров Валентину Пинаеву, Бориса Устенко, Константина Гришучкова, Георгия Хавалджи, Ивана Шатилова. Эти сразу поверили в Кирьянова и пошли за ним. Некоторые, их было немного, пока присматривались к новому начальнику, сомневаясь, что ему удастся добиться сколько-нибудь положительных результатов в деле охраны вод. Мол, что он понимает в нашем деле, этот бывший партийный работник!

Но Кирьянов не терял надежды, что с помощью коллектива призовет к порядку, приучит добросовестно относиться к служебным обязанностям всех работников. Кое-кто не мог смириться с тем, что Кирьянов не дает поблажки нарушителям трудовой дисциплины. Посыпались жалобы и анонимки во все инстанции. Расчет у клеветников был простой: начальство не любит разбираться в жалобах, постарается избавиться от руководителя, который не умеет ладить с сотрудниками.

Однажды Кирьянов получил из Пензы телеграмму: при смерти сестра. Он срочно вылетел на родину.

Недоброежелатель Кирьянова немедленно написал доклад, обвиняя своего начальника в том, что он для личных целей использует служебные командировки.

Вернувшись с похорон, Кирьянов в конторе увидел женщину-ревизора; она как раз проверяла поступившую на него жалобу, которую написал склочник и пьяница, стоявший тут же.

— Григорий Васильевич, а я проверяю поступившую на вас жалобу,— сказал ревизор.

— О чем?

— О том, что вы якобы для личных целей выписали себе командировку в Пензу.

— Клевета! — вспыхнул Кирьянов.— Да, в Пензу я ездил по личным делам, хоронить родную сестру. Но командировку себе не выписывал. Можете проверить сами.

— Проверила. Факт не подтвердился.— Женщина посмотрела на доносчика.— Что же это такое, если не злостная клевета?!

— Не может быть! Командировка была,— растерянно бормотал оскандалившийся клеветник.

— И не стыдно вам?! Пьете, разводите склоки, клеветаете... Ведь вы член партии! И партия может спросить с вас,— сказал Кирьянов.

Клеветник выругался и рванулся к двери.

В тот же день он подал заявление об уходе с работы по собственному желанию.

Этот позорный случай долго не давал покоя Кирьянову. Самого Григория Васильевича приняли в кандидаты партии на фронте в 1944 году. Он помнит, что членам партийной комиссии заявил тогда: «Если погибну, прошу считать меня коммунистом...»

После войны, имея вторую группу инвалидности и часто находясь в госпитале, Кирьянов засиделся в кандидатах. Когда немного окреп, подал заявление о принятии его в члены партии. Первичная организация единодушно удовлетворила его просьбу, и он нетерпеливо ожидал приглашения на бюро райкома.

Настал долгожданный день. Кирьянов сидит в приемной и волнуется. А собственно, чего волноваться? По случаю отсутствия первого секретаря райкома заседание бюро ведет второй секретарь — родной брат Иван Кирьянов.

И вдруг на бюро случилось такое, чего Кирьянов никак не ожидал. Брат не то строгим, не то сердитым голосом говорит:

— Немного подлечится, пойдет работать, тогда и вер-

немся к решению этого вопроса. Вношу предложение — пока воздержаться.

Григорий не поверил своим ушам, весь сжался, побледнел. Может, это злая шутка? Нет, Кирьянов-старший не любил подобных шуток. Члены бюро были за то, чтобы принять в члены партии Кирьянова-младшего, а Иван настаивал на своем и настоял.

Григорий болезненно переживал такой неожиданный оборот дела, даже слег опять в постель.

Жили братья Кирьяновы всегда дружно. Иван, будучи намного старше Григория, заменил ему отца, был его первым наставником. И вдруг такое!

Как-то встретил Ивана на улице и сделал вид, что не заметил, хотел пройти мимо не поздоровавшись: такая обида была у него на брата. Но Иван схватил его за руку.

— Ты что же это не здороваешься?

— Еще спрашивает,— буркнул Григорий, глядя себе под ноги.

— Не злись, Гриша. У тебя вся жизнь еще впереди. Вот пойдешь работать...

— Так не принимают на работу инвалидов второй группы. Ты думаешь, приятно мне лежать в госпитале, обивать пороги поликлиники?

— Понимаю, Гриша. Сам прошел через это.

— По существу, ты отказал мне в доверии. Неужели я не достоин быть в партии, если бы даже имел первую группу инвалидности?

Спустя некоторое время Григория Васильевича приняли в члены партии. Иван объяснил ему, почему он так поступил с ним тогда на первом бюро райкома: было рекомендовано принимать в партию в первую очередь рабочих и колхозников, тех, кто непосредственно занят на производстве. Поэтому Иван Васильевич не хотел давать повод кому-либо обвинить его в семейственности...

Работа отнимала все силы. Много мешало Григорию Васильевичу. Как же изводили его жалобщики и склочники! Сколько они портили ему крови и нервов! Придет поздним вечером домой мрачный, с головной болью и взвинченными нервами, ночью мучается бессонницей. Стало опять пошаливать сердце. Но Григорий Васильевич молчал, не хотел портить настроение жене.

— Тебе нездоровится, Гриша? Или устал? Не умеешь ты работать нормально, работаешь на износ.

— Нет, Лида, не в работе дело. Замучили доносы, анонимные жалобы и эти комиссии по проверке жалоб.

— Бросил бы ты свою инспекцию. У тебя ведь не одна специальность. Иди в нашу организацию. Или в школу преподавателем истории,— советовала Лидия Николаевна.

Но не в характере Кирьянова было отступать перед трудностями. И хоть бывало ему порой невольно, в глубине души он понимал, что никуда не деться.

4

Другой брат Кирьянова
Петр был одним из актив-
тивных комсомольцев села

Раевка Пензенской области. В годы коллективизации он принимал участие в раскулачивании сельских богатеев, искали спрятанный ими в землю хлеб, руководил агитбригадой. Кулачье давно точило на Петра зубы. Сколько раз мать предупреждала его:

— Поберегся бы, сынок. Богатые селяне вон какие озлобленные ходят, как бирюки. В коммунистов и комсомольцев стреляют все время, хаты жгут. Чего доброго...

— Волков бояться, в лес не ходить. Пусть кулаки боятся нас, потому как им скоро каюк! — самоуверенно отвечал Петр.

— Зверье перед гибелью завсегда лютует,— говорил отец.

— Ну и пусть лютует. Все одно песенка их уже спета.

Подошла пора идти Петру в армию. Четыре призывника вечером засиделись в избе комсомольца Филиппова. Известно, что в таких случаях обычно водку пьют, песни затягивают, а утром с отяжелевшей головой в сопровождении родных и близких отправляются на призывной пункт. Но в избе Филиппова тихо, на столе ни бутылки, ни снеди.

А за окном в темноте, словно призраки, выплыли две тени. Затаились у окна, настороженно заглядывают в избу. У одного в руке обрез, у другого — топор. Не подозревали призывники, что полчаса назад в доме озлобленного кулака была поставлена на карту жизнь одного из них — Кирьянова или Филиппова: спросили, кого убирать первым. Одни настаивали — начать с Кирьянова, другие — с Филиппова, оба под стать друг другу, оба успели достаточно насолить кулачью села.

— Мужики, чего шумите попусту? — вмешался бородастый детина.— В таких случаях кидают жребий.— Вынул из кармана медный пятак.— Ежели выпадет орел, первым убрать Кирьянова, решка — Филиппова.

На этом и порешили. Бородач подбросил к потолку монету, она, кружась, со звоном упала на деревянный пол.

— Орел!

— Ну вот и начинайте с Петра Кирьянова. С богом, мужички! — напутствовал убийц бородач.

Петр Кирьянов, ничего не подозревая, сидел против окна, что-то рассказывал своим товарищам. Грохнул выстрел, голова Петра безжизненно упала на стол, на чисто выскобленной столешнице темным пятном растекалась кровь.

Трое комсомольцев, опомнившись от неожиданного вы-

стрела, выскочили из избы в надежде задержать убийцу, обшарили двор и огород. Ни души, лишь лай встревоженных выстрелом соседских собак нарушал тишину.

Филипповы жили недалеко от Кирьяновых. В избу прибежали отец и мать Петра, сестры и маленький Гриша. На всю жизнь мальчонке запомнился брат Петр, будто он спал, опустив голову на стол. А на сиявшей белизной столешнице — алая кровь.

О смерти Петра родители сообщили сыну Ивану, который работал секретарем волостного комитета комсомола.

— Разыщу бандитов, сам прикончу их,— заявил он.

— Не марай руки, сынок. Сколько волк не шkodит, он шкурой расплачивается. И на этих извергов суд найдется,— отговаривал отец.

А через неделю после похорон Петра ночью кулачье вломилось в избу Кирьяновых. Мать с детьми укрылась в подполье. Отца зверски избили: он в селе был одним из первых, кто отбирал у помещиков и богатеев землю.

— Прикончить бы тебя, как твоего Петруху. Да не такие мы кровожадные, как вы нас рисуете. Это ты своих сыновей настропалил против нас. Хочешь жить, немедля уматывайся из села, чтобы и духу тут кирьяновского не было. Не уедешь, будешь жалеть. Не только тебя, всю семью уничтожим,— грозили кулаки. Били обрезаем по голове, а когда отец упал, топтали ногами, приговаривая, задыхаясь от лютой злобы: — Это тебе за агитацию. За все наши обиды.

Кирьянову часто вспоминался и такой эпизод из детства. На рабочей окраине Пензы по улице ехала подвода, груженная мешками. Голодный мальчуган нюхом чуял: в мешках съестное. Прицепившись сзади, он перочинным ножичком надрезал угол мешка, из него посыпались, словно из сказочного рога изобилия, румяные пряники. Возница заметил воришку, схватил его за шиворот, бросил на

землю и принялся избивать кнутами, пока тот не потерял сознание...

После окончания семилетки Григорий поступил на велосипедный завод учеником токаря. Вечерами ходил в школу рабочей молодежи и в 1942 году окончил десятый класс. Кирьянову не было семнадцати, когда фашисты без объявления войны напали на нашу Родину. Он, как и многие молодые рабочие завода, рвался на фронт.

Пришел на вокзал. Через Пензу днем и ночью шли на запад эшелоны с солдатами и оружием. На первом пути стояли товарные вагоны с пехотинцами. Узнал, что направляются в сторону Сталинграда.

— Братцы, возьмите меня с собой.

— Чего это, паря, поперек батьки в пекло лезешь? Ай приспичило? — смеются добродушные сибиряки. Все молодые, веселые, будто едут на прогулку, а не на войну.

— Невтерпеж уже ждате мобилизации! — жаловался Кирьянов.

— Ну, ежели ждате нестерпимое, полезай. Сейчас отправляемся...

5

Заведующая туапсинской гидрохимической лабораторией Лидия Николаевна Юрченко

проснулась, как обычно, рано. В раскрытое окно мягкий морской бриз нес влажную прохладу и вместе с нею — специфический запах нефтеперерабатывающего завода. Лидия Николаевна в семье ложилась позже всех, а вставала самая первая. Надо приготовить завтрак, а то и обед, покормить детей, старшего сына проводить в школу, младшего — в детский сад, а мужа — на работу. Сунув ноги в тапки, Лидия Николаевна потянулась,

накинула халатик и отправилась в кухню. Готовила завтрак, а мысли были уже заняты производственными делами. Запах нефти раздражал и вызывал досаду: опять завод выпустил в море нефть. Хоть и собрали ее по настоянию Лидии Николаевны, но ведь не исключено, что это повторится и завтра, и послезавтра. Проспал или прозевал оператор, переполнилась емкость — и нефтепродукты попали в канализацию, а потом в море.

Надо было настойчиво бить тревогу, требовать, чтобы завод быстрее завершил строительство очистных сооружений, перешел на замкнутый цикл водопользования. Все тянут, все откладывают, все чего-то ждут, оправдывая эту затяжку то нехваткой рабочих, то денег на строительство, то материалов. Сколько раз она ставила этот наболевший вопрос перед главным инженером завода, директором, перед горисполкомом и даже горкомом партии. Директор согласен — надо форсировать строительство очистных сооружений, обещает горкому и горисполкому принять все меры, даже дает срок завершения строительства. Но практически ничего не меняется. А ведь сколько раз объясняла Лидия Николаевна инженерам и лаборантам, операторам технологических установок, что нефть даже в малом количестве сильно отравляет морскую воду, губит планктон, мальков рыб, загрязняет пляжи. Ведь нефть относится к самым ядовитым веществам, таким, как сурьма, ртуть, бор, фтор и другие. Кому-кому, а уж нефтяникам это должно быть известно.

Настойчивость инженера Юрченко знали в городе и во всем районе все кто был причастен к сбросу сточных вод и водозабору.

— С характером женщина!

— Таковую не проведешь.

— Из-за нее и строгача схлопотать легко.

Особенно недолюбливали Юрченко портовики. Она на

моторке успевала за день осмотреть всю акваторию порта, и от ее глаз ничего не ускользало. Вон в порту на виду у всех плавают деревянные и картонные ящики, мусор, а вон видна радужная пленка нефти. Дальше от порта какой-то танкер выбросил в открытое море балластные воды, масляная полоса расплзлась на десятки квадратных километров. Беда с этими танкерами. Порожним рейсом он идет, наполнив свои танки на одну треть морской водой, как балластом, иначе судно теряет остойчивость, а при сильном шторме может перевернуться или разломиться. В емкостях остается много всяких осадков, грязной нефти, иногда ее накапливается до сотни тонн. И все это с балластной водой сбрасывается в море. Своих, советских моряков, Лидия Николаевна уже приучила сливать балластные воды в специальные береговые отстойники. Бывает, что иной нерадивый капитан в погоне за премией и выбросит грязные воды в море. Но это случается редко. Хуже с чужеземными моряками: они в ночное время по пути к нефтеналивному пирсу, сбросив балласт, становятся под погрузку. Пока водоинспекция докопается, чей танкер нашкодил в море, виновника и след простыл. Капитана советского танкера в таком случае можно оштрафовать, а то и передать дело прокурору для привлечения к строгой ответственности. Иностранца же не удержишь в порту, ибо за каждый час простоя государство должно рассчитываться штрафом в иностранной валюте. Пока водоохранная инспекция обнаружит в море пролитую нефть, ветер и течение перемещают нефтяное пятно.

Водоинспектор Лидия Юрченко с горечью думает о том, что далеко не все еще понимают истину: беречь природу — значит беречь Родину. У одних это непонимание от нерадения к делу, у других — от малой культуры, у третьих — от безответственного отношения к таким вопросам. После меня хоть потоп. К тому же легче работать по старинке.

Заказывают проекты, получают через Стройбанк ссуды на строительство объекта, договариваются с подрядчиками. На пустырях вырастают громадные жилые комплексы или заводские корпуса. Это хорошо. Но вот наступает пора сдачи новых объектов. А где очистные сооружения? Их нет. Они часто даже не запланированы. Видите ли, заказчики говорят, что эти сооружения обходятся очень дорого, до тридцати процентов от стоимости объекта. Недальновидные руководители из-за сиюминутных выгод не думают о последствиях такой бесхозяйственности. И тут начинают разгораться конфликты между водоинспекцией, с одной стороны, и заказчиками и подрядчиками — с другой. Водоинспекция не дает разрешения на сдачу объекта, строители и заказчики нажимают на инспекцию, жалуются на нее во все инстанции. В межведомственные баталии втягиваются даже министерства.

А ведь строители да и заказчики — инженеры, техники, крупные хозяйственники — люди культурные и технически грамотные. Но им-то каждый раз и приходится доказывать, убеждать, объяснять часто простейшие истины — к чему приводит загрязнение рек, морей и других водоемов.

Лидия Николаевна шла в направлении нефtezавода и обдумывала по дороге предстоящий разговор с администрацией. Работ по завершению строительства очистных сооружений и переходу на замкнутый цикл водопользования осталось не так уж много. Затяжку строительства даже трудно объяснить.

6

В приемной секретарь сказала Лидии Николаевне, что у директора сейчас идет важное производственное совещание и что сегодня он никою не принимает. К тому же он завтра с главным инженером

уезжает в Москву. Словом, инспектору дали понять: на скорую встречу с начальством рассчитывать не приходится.

— Совещание у него, говорите? Это очень кстати! — обрадовалась Лидия Николаевна и направилась к двери, обитой дерматином.

— Минуточку, товарищ Юрченко! Посторонним присутствовать на совещании у директора не положено.

— Разве я посторонняя?

— Пойду доложу.

— Не утруждайте себя.

Войдя в кабинет, где действительно шло заседание, Лидия Николаевна почувствовала на себе сердитый взгляд директора, увидела на его лице досаду и поняла: встреча с нею для него больше чем нежелательна. Все присутствующие, как по команде, повернули лица в сторону вошедшей.

— Здравствуйте, товарищи!

— Вы ко мне? — вместо приветствия спросил директор. Выражение досады на его лице сменилось откровенным негодованием.

— Да, к вам. Давно хотела попасть на вашу планерку, — спокойно ответила Лидия Николаевна и тут же с улыбкой спросила: — Простите, может, мне нельзя присутствовать? У вас секретное совещание?

— Нет, почему же... Но... — замялся директор. — Раз уж пришли, оставайтесь. Собственно, что у вас ко мне? — Ему неожиданно пришла спасительная мысль — выслушать сотрудницу гидрохимической лаборатории в присутствии своих коллег, хоть и знал, какие вопросы привели ее сюда.

— Меня интересует, когда, наконец, будет завершено строительство очистных сооружений и когда ваш завод перейдет на замкнутый цикл водопользования?

— Товарищ Юрченко, я же тысячу раз говорил вам, что не время сейчас практически решать эти вопросы,— в голосе директора слышались металлические нотки.

— Но вы тысячу раз заверяли госинспекцию, горком партии и горисполком, что строительство завершите в ближайшее время. Однако все ваши заверения и обещания пока остаются на бумаге,— спокойно ответила Лидия Николаевна.

Все присутствующие внимательно наблюдали за словесным поединком между их шефом и водоинспектором. Директор говорил раздраженно, с трудом сдерживая себя, чтобы не сорваться и не наговорить женщине грубостей, а та с подкупающей улыбкой на лице говорила спокойно, как при встрече на улице с хорошо знакомым человеком. Это его и обезоруживало.

— Побыли бы вы в моей шкуре.

— Вы думаете, нам легче работать и спокойнее жить? Нас четверо, а мы обязаны контролировать побережье Черного моря от Тамани до Адлера.

— У нас квартальный план под угрозой срыва, а вы все об одном и том же,— заметил главный инженер.

— Вы всегда прикрываетесь производственными планами,— сказала Лидия Николаевна. Не любила она конфликтовать, но как вести себя в такой ситуации, когда тебя чуть ли не гонят в шею? — Вот и сейчас вы пытаетесь отмахнуться от меня.

— От вас отмахнешься!..

— Товарищи,— начала Лидия Николаевна, стараясь говорить спокойно,— у меня создается такое впечатление, что будто я надоедаю вам ради каких-то пустяков или корыстных целей. Поймите меня правильно, нельзя так дальше. Вы же знаете, что есть Основы водного законодательства СССР и союзных республик, есть Водный кодекс, наконец, строжайшие указания, циркуляры, приказы Минис-

терства мелиорации и водного хозяйства СССР. Ваше производство в основном-то и загрязняет акваторию Туапсинского порта...

— Почему только наше производство? А портовики? Танкерный флот?

— О них особый разговор. Близ вашего завода нельзя купаться жителям города и отдыхающим. Пишут нам: окунешься в море — потом не отмоешься от мазута. Так стоит ли из-за этого «удовольствия» ехать за столько километров!

— Пусть не купаются где попало,— заметил кто-то.

— Для этого имеются оборудованные пляжи.

— Ну, знаете...— Спа сокрушенно пожала плечами.— Чувствую, что нам вообще бесполезно вести разговор на эту тему.

— Вот и отлично! — воскликнул один из присутствующих.

Лидия Николаевна укоризненно посмотрела на директора.

— И ваше такое мнение?

— Нет, почему же...— Он понял, что его сотрудник допустил по отношению к работнику госинспекции бестактность, и решил исправить положение: — Вот что, товарищ Юрченко, прошу вас этот нелегкий разговор отложить еще на некоторое время. Сейчас я просто не готов к нему.

— И прошлый раз вы говорили мне то же самое.

— Поймите, у нас план под угрозой! — Лицо директора выражало теперь скорее безнадежное уныние, чем неприязнь к этой женщине. Он знал, что лучше договориться с ней, чем переносить этот разговор в горком, а то и в министерство. Там не станут уговаривать.

— Понимаю, вам, нефтяникам, за планом некогда думать ни о чем другом. Пусть загрязняется море, пусть

гибнет рыба, пусть болеют люди, лишь бы любой ценой выполнить план.— Лидия Николаевна окинула собравшихся строгим взглядом.— Все вы люди образованные, технически грамотные, и мне просто неловко напоминать вам об элементарных истинах.

— Даю вам слово, вот в присутствии моих коллег, исправим положение — все силы бросим на очистные сооружения и к осени все сделаем. Одновременно будем переходить и на замкнутый цикл водопользования,— заверил директор...

Директор Туапсинского нефтезавода выполнил свое обещание: был введен замкнутый цикл водопользования, а позже завершены работы по сооружению очистной системы полной биологической очистки.

7

Кирьянов часто выезжал в командировки, знакомился с водным хозяйством двух краев. С ним на первых порах ездил гидротехник Иван Шатилов, хорошо осведомленный о положении дел с водными ресурсами Краснодарско-Ставропольского региона.

В частых и долгих поездках Кирьянов и Шатилов разговаривали на различные темы. Обычно Иван задавал вопросы, а Кирьянов охотно на них отвечал.

— Григорий Васильевич, вот вы говорили, что без отрыва от работы закончили среднюю школу, потом строительный техникум, Высшую партийную школу и пединститут. Как это вам удалось?

— Секрет прост: нужно очень захотеть.

— Значит, нужна сила воли?

— Сила воли — это осознанная необходимость,— ответил Кирьянов.— Вот и тебе, Иван Егорович, настоятельно

советую поступить на заочное отделение гидротехнического института, пока молодой, не обзавелся еще семьей.

— Я слышал, что вы, Григорий Васильевич, войну кончили инвалидом второй группы. Как же вы работали, учились? — поинтересовался Шатилов.

Кирьянов молчал, как бы ушел в свои мысли, потом медленно начал говорить:

— На этот вопрос коротко не ответишь. В 1944 году, когда советские войска вели бои на территории фашистской Германии, меня в звании сержанта направили учиться в Высшее военно-морское училище в Ленинграде. Но закончить его не удалось из-за ранений, полученных на фронте, в истребительной артиллерии. В госпитале меня комиссовали как инвалида второй группы.

И тут я снова вспомнил добрые советы школьного физрука: если хочешь быть здоровым, занимайся спортом. Вот я и занялся им, занялся основательно, и это действительно помогло мне восстановить надорванное войной здоровье. По утрам усиленная физзарядка по особой системе, потом упражнения на турнике, брусьях, летом плавание, прыжки с вышки, которыми чуть ли не с детства увлекался. Но это еще не все, я занимался еще и борьбой самбо, и классической, гириями. Мать начала даже опасаться за меня, особенно когда я поднимал двухпудовые гири. «Не навредил бы себе, сыночек. Давно ли лежал в госпитале?» — тревожилась она. И не только она, все домочадцы удивлялись, откуда у меня силы берутся.

Так я стал спортсменом-перворазрядником. Отказался от инвалидности, начал оформляться на велосипедный завод токарем. Неожиданно приглашает меня к себе председатель городского комитета физкультуры и спорта и предлагает работу председателя районного комитета по спорту. Я начал было отказываться, ведь до войны работал на заводе токарем пятого разряда. Посоветовался со

старшим братом Иваном, он был вторым секретарем райкома партии. Тот говорит, соглашайся. Поможем. Ты же спортсмен-перворазрядник. Принял я этот комитет по физкультуре и спорту, который состоял-то всего-навсего из одного председателя и находился при райисполкоме.

Трудно было мне, не имея никакого опыта организатора, начинать в комитете с нуля. Но помогал советом брат, секретарь райкома комсомола Анатолий Круглов. И мало-помалу спортивные дела в районе начали налаживаться. Два года я проработал председателем районного комитета по спорту. На соревнованиях по всем видам спорта наш район занимал первое место в городе, брал первые призы. Чтобы поддержать престиж района, я и сам участвовал во многих соревнованиях.

А через два года меня избрали первым секретарем райкома комсомола. Здесь столкнулся я с гораздо большими трудностями, чем в комитете по спорту. Там я быстрее освоился с работой, потому что хорошо знал спорт и сам был дипломированным спортсменом. А тут надо было все постигать заново. Порой опускались руки, и я собирался просить первого секретаря обкома Василия Ивановича Милоседова, чтобы освободили меня от должности секретаря райкома. Но об этом он и слушать не хотел. Мне старались помочь и одновременно критиковали, а один раз в областной газете «Молодой ленинец» появилась большая статья Василия Шумилина, в которой крепко выдали мне за плохую работу. Я сразу хватался за все, ну и ясно — результаты были плачевны. Не сразу освоил я искусство организатора, научился выступать с докладами, на представительных собраниях.

Два года проработал я секретарем райкома комсомола. Потом меня послали учиться в пензенскую областную партийную школу. С радостью встретил это, потому что учиться мне хотелось, а вскоре пришла мысль — посту-

ходить на заочное отделение пединститута на исторический факультет. Историю любил я со школьной скамьи. Получится из меня партийный работник или нет — еще вопрос, а специальность иметь надо. Основные гуманитарные дисциплины на истфаке примерно были одни и те же, как и в партийной школе, только там проходили их по сокращенной программе. Я успешно закончил школу, потом, работая инструктором райкома партии, заочно получил диплом педагогического института.

— А когда же вы учились в строительном техникуме? — спросил Шатилов.

— Когда работал инструктором Ставропольского крайкома партии в отделе строительства. Мне надо было хорошо разбираться в строительных делах. Что знаешь, Иван Егорович, за плечами не носить.

— Это верно! Даю вам, Григорий Васильевич, слово коммуниста: осенью подаю заявление в институт на заочное отделение.

— Правильное решение. Словом коммуниста не разбрасываются. Дал слово — выполняй. Осенью проверю. И еще мой дружеский совет — занимайся спортом. Расскажу тебе один эпизод, когда меня выручило то, что я имел хорошую физическую закалку. Я освоил приемы самбо. Как-то вечером иду с девушкой по парку, дорогу нам загородили четыре высоких парня. У одного в руках увесистая палка. По кургузым кепчонкам, по сапожкам с низко насунутыми голенищами я догадался, с кем имею дело. Один из них бесцеремонно хватает мою девушку и тащит в сторону, остальные скалят зубы. Недолго думая, я с силой оттолкнул хулигана. И тот упал. Девушка отскочила в сторону, смотрит испуганно по сторонам, кого бы кликнуть на помощь. Все четверо встали передо мной, изощряясь в матерщине. Понял я, без потасовки тут не обойтись. А поблизости ни души.

Чего греха таить, бывает ведь так: видят ребята, как в общественном месте куражатся пьяные хулиганы, пристают к девушкам, но проходят мимо, не решаясь призвать к порядку безобразников. Я начал было увещевать хулиганов, а они еще пуще ярились, один показал мне финку. Девушка умоляет меня не связываться с ними. А я знал, все равно они теперь просто так не успокоятся, чего доброго, избыют, а то и прирежут. Подумал я, что на фронте не робел перед вражескими танками и в рукопашной схватке, а тут... Они пьяные, а я трезвый, хорошо владею силовыми приемами.

Один из парней замахнулся на меня, но не ударил. Главарь, постукивая палкой о землю, подзадоривал дружков, чтобы они избili меня. Решение созрело моментально: наступление — лучший способ обороны. Мгновенно выхватываю у заводилы палку и обрушиваю на его голову, потом на того, кто грозил ножом, и он шлепается на землю. Я принялся дубасить палкой всех подряд, и это ошеломило пьяных хулиганов. Главарь, получив два удара по голове, первый бросился наутек. Тому, кто грозил мне ножом, я не дал убежать, обезоружил его и хотел отвести в милицию. Он принялся упрасивать отпустить его. Мне стало противно, не захотелось больше возиться с ним, и я с силой оттолкнул его от себя...

— Но пьяные хулиганы могли вас прирезать,— заметил Шатилов.

— Волков бояться, в лес не ходить. Я ведь знал повадки хулиганов. Не раз приходилось мне с комсомольцами утихомиривать пьяных дебоширов. Они любят покуражиться, если заметят, что их боятся. А прижми их, покажи смелость, сразу пасуют. Я к тому рассказал этот случай, что каждый молодой человек должен быть спортсменом, владеть самбо и другими приемами самообороны.

Кирьянов добился не только увеличения штатов головной инспекции, но и создания новых территориальных отделений — гидрохимлабораторий в Новороссийске и Ейске, Сочи и Ставрополе, Невинномысске и Ессентуках, Краснодаре, Армавире, Славянскена-Кубани и в Буденновске. Это значительно улучшило условия работы по рациональному использованию и охране вод.

После того как в Сочи была открыта гидрохимлаборатория, Юрченко назначили заведующей лабораторией и одновременно заместителем начальника Сочинского участка водоохранной инспекции. И тут пришлось начинать с нуля, а работы было побольше, чем в Туапсе. Участок Большого Сочи простирался только по берегу Черного моря на 164 километра.

В Большом Сочи значительная часть неочищенных сточных вод сбрасывалась в открытое море. Старые санатории не имели очистных сооружений. Последние годы новые здравницы выросли со сказочной быстротой. Пляжи от Туапсе до Адлера, благоустроенные и неблагоустроенные, в разгар курортного сезона буквально усеяны отдыхающими, съезжающими сюда со всех уголков Союза. На Сочинском курорте лечатся и отдыхают миллионы людей, в том числе и из многих зарубежных стран.

Нелегко было и Кирьянову возглавлять бассейновую инспекцию. Проблемы, одна острее другой, требуют немедленного решения. Загрязняются моря, мелеют и умирают степные реки, бесхозяйственно расходуется питьевая вода, в горах идет усиленная вырубка леса, но не везде восполняется новыми посадками. А реки Северного Кавказа питаются за счет горных ледников. Талые и атмо-

сферные осадки уносят в горные реки массу смытой почвы, которая заиливает водохранилище, нарушает экологическое равновесие главной водной артерии двух краев — Кубани. Начальнику бассейновой водоинспекции придется на всех уровнях доказывать, спорить, убеждать в важности решения этих проблем.

Понимал, очень хорошо понимал Кирьянов, что во всех филиалах бассейновой инспекции — сочинском и туапсинском, новороссийском и ейском, ставропольском и кавминводском — трудностей хоть отбавляй. Мало очистных сооружений, медленно внедряется в производство замкнутый цикл водопользования, почти повсеместно нарушается водное законодательство.

— Надо нам и впредь действовать настойчиво и энергично, не допускать поблажки нарушителям Водного кодекса, разъяснять и требовать, применять санкции вплоть до закрытия домов отдыха, турбаз, если их руководители игнорируют наши требования, — давал указания Кирьянов.

Позже, в 1974 году, когда на базе бассейновой водохранной инспекции образовалось управление, получившее больше прав, возник крупный конфликт между сочинской гидрохимлабораторией и строительной организацией из-за новой гостиницы «Москва». Бывший начальник лаборатории Семилетов в те дни находился в отпуске, и вся тяжесть конфликта легла на плечи Юрченко, которой принесли акт о сдаче-приемке гостиницы. Она спросила про раба:

— А как же с очистными сооружениями?

— Скоро будут, — спокойно ответил строитель.

— Когда будут закончены, тогда я подпишу акт.

— Не много ли берете на себя?

— Нет, не много.

— Гостиницу ждут. На нас нажимали все, кто был

причастен к ее строительству, чтобы мы быстрее его заканчивали. Она вот где сидит у меня! — Прораб показал на свою коричневую от загара шею.

— А помните, сколько раз я напоминала вам, заказчику, подрядным организациям об очистных сооружениях? Настаивала, спорила, требовала. Вы уверяли меня, начальника нашего управления, что строительство очистных сооружений завершите ко времени сдачи в эксплуатацию главного корпуса. А теперь просите меня подписать акт приемки?! Так вот, пока строительство ее еще не завершено, акт я не подпишу, — решительно заявила Лидия Николаевна.

— Как это не завершено?! Пойдемте посмотрим. Все в ажуре, до последнего винтика. Не гостиница, а дворец! Украшение всего Сочи!

— Сколько номеров в гостинице?

— Семьсот пятьдесят.

— А клиентов в ней будет больше в два раза. Сколько загрязненной воды ежедневно будет сбрасывать гостиница в море?!

— Не считал.

— Вот и плохо, что не считали. А мы подсчитали.

— Стоки пойдут по городскому канализационному коллектору на очистные сооружения.

— Они давно уже перегружены сверх всяких нормативов и не смогут принять больше ничего, — добавила Лидия Николаевна.

Поняв, что так просто с этой женщиной ему не договориться, прораб решил прибегнуть к обычному в таких случаях приему — запугиванию.

— Так. Значит, отказываетесь подписывать акт? И это железно? — с вызовом спросил он.

— Да, железно. Пока не закончите строительство очистных сооружений.

— Вас заставят подписать! — самоуверенно заявил строитель.

— Посмотрим.

— Так поступают только бюрократы. Сидят тут на нашей шее...

И завертелась межведомственная канитель. На водоканализационную инспекцию посыпались жалобы во все инстанции. Вышестоящие ведомства и учреждения сначала просили не «тянуть резину», а закончили окриками:

— Вы отдаете себе отчет в своих неумных поступках?!

— Вполне.

— Да вы понимаете, на что поднимаете руку? Это же гостиница-люкс!

— Значит, и требования к ней должны быть повышенные.

— Не подпишете акт?

— До ввода в строй водоохранной системы.

— В таком случае мы обойдемся и без вас. Подумаешь! Вы еще пожалеете.

Лидия Николаевна по телефону доложила обо всем Кирьянову.

— Нажимают со всех сторон. Что делать, Григорий Васильевич?

Кирьянов всегда предупреждал своих работников, чтобы они не злоупотребляли правами, не упорствовали во имя ложной принципиальности. В каждом конкретном случае надо находить правильное решение, сообразуясь с обстановкой. Стране нужны новые промышленные предприятия, трудящимся — жилье...

— В каком состоянии очистные сооружения в Сочи? — спросил Кирьянов.

— В незавершенном.

— Много там еще работы?

— В том-то и весь вопрос, что немного. Если взяться

за них как следует, можно завершить за неделю, а то и раньше.

— Тогда держитесь. Не подписывайте акт. Завтра буду у вас.

Григорий Васильевич умел вести деловой разговор с руководителями всех рангов. Его не запугаешь угрозами, он способен убедить самых несговорчивых. Не в его характере отступить, если он чувствует свою правоту, если на его стороне законы и общественное мнение.

Дебаты были жаркими. Теперь уже наступали на Кирьянова все, кто был заинтересован в быстрейшем приеме комфортабельной гостиницы «Москва». Дело дошло до красных организаций, а потом и до министерства. И все же победу в этом остром конфликте одержало бассейновое управление. Строителей строжайше предупредили и обязали в срочном порядке завершить работы по окончанию очистных сооружений. Генподрядчик вынужден был обязать строителей работать день и ночь, без выходных, бросив на объект всю необходимую технику и рабочую силу. На городских очистных сооружениях круглые сутки не угасали синие всполохи электросварки, слышалось гудение мощных моторов.

Вскоре строители торжественно рапортовали об окончании работ. Сочи стал первым городом на побережье Черного моря, где возведены водоохранные сооружения. Количество их будет расти и достигнет мощности, способной обработать 90 тысяч кубометров в сутки.

— Давно бы так,— сказала Лидия Николаевна, подписывая акт. Она все эти дни следила за строительством и каждый день информировала Кирьянова по телефону.

В новые комфортабельные номера «Москва» приняла сотни отдыхающих и лечащихся.

Все радовались, что распахнула свои двери для отдыхающих такая роскошная, удобная гостиница. Только у

Лидии Николаевны было на душе невесело. До конфликта в горисполкоме ей обещали улучшить квартирные условия, дать более просторную квартиру. Теперь же жилотдел отказал в ее просьбе.

9

Григорию Васильевичу всегда казалось, что время летит неумолимо быстро. Не успел закончить то, что наметил на сегодня,— и дня уже нет. Часто приходилось задерживаться и по вечерам, чтобы не откладывать на завтра то, что нужно сделать сегодня. В вечерние часы он мог более внимательно ознакомиться с дневной почтой, заготовить ответы на многочисленные запросы и предписания главка и министерства, продумать план работы на завтра.

Не один год он уже возглавлял водоохранное учреждение и успел освоить новое для себя дело. Вначале ему казалось, что трудно будет работать год-два, пока он не наладит работу инспекции. Но время шло, работа налаживалась, а дел не убывало. Наоборот, с каждым месяцем их становилось все больше. Одни разъезды по двум соседним краям отнимали у него уйму времени. «Работать в темпе» — любимая его поговорка. От каждого сотрудника Кирьянов требовал максимальной отдачи. Ведь всюду, на любом объекте, куда бы ни поехал инспектор, приходилось вести серьезный разговор.

Теперь люди управления работали в тесном контакте с партийными и советскими органами. Если не могли договориться по какому-то неотложному принципиальному вопросу с директором предприятия, шли в местный Совет, в райком или горком партии. Кирьянову помогало еще и то, что он по несколько лет работал в Ставропольском,

потом в Краснодарском крайкомах партии, знал их работников, а также работников их горкомов и райкомов партии, и его там знали. Никогда он не упускал подходящего момента выступить в том или ином крае на собрании партийного или хозяйственного актива или сессии местного Совета. Того же самого он требовал и от своих подчиненных. Все начальники отделов управления, как правило, выступали со статьями в газетах, использовали для пропаганды местное радио, телевидение.

В 1967 году в газете «Правда» появилась статья «Контролеру право вето». В ней Кирьянов нарисовал довольно неприглядную картину положения, в котором находится водоохрана в двух индустриальных краях Северного Кавказа. Ежегодно вводятся здесь в строй десятки промышленных предприятий, но многие из них не имеют очистных сооружений и с первых же дней своего существования начинают загрязнять водоемы. Например, в Краснодаре ежедневно сбрасывалось в реку Кубань до 150 тысяч кубометров неочищенных сточных вод. А всего в бассейн Кубани каждые сутки поступало до одного миллиона кубометров сточных вод.

«Когда-то не только по нижнему течению, но и в верховьях Кубани,— писал Кирьянов,— водились ценные породы рыб. Сейчас ее стало очень мало. Загрязнение Кубани — одна из причин снижения уловов рыбы ценных пород в Азовском море».

Кирьянова тревожило серьезное положение на всем Черноморском побережье Кавказа, где в «чашу здоровья» только в пределах Краснодарского края ежедневно сбрасывалось полмиллиона кубометров неочищенных вод.

В статье говорилось и о том, что государство отпускает большие средства на строительство очистных сооружений. Но эти средства не осваиваются из года в год. Проекты таких устройств, поступающие в инспекцию, на согласо-

ние, имеют много грубых технических просчетов, из-за чего затягивается сдача сооружений в эксплуатацию.

«По действующим инструкциям следует останавливать такое предприятие до ввода в действие очистного сооружения. Однако никто не решается это сделать: будет сорван план. Убытки от простоев поддаются точному определению и пугают своими размерами. Убытки же от спуска грязных сточных вод в реку не принимаются в расчет. Хотя они порой во много раз больше тех, которые будут нанесены в случае остановки предприятия».

Кирьянов ставил вопрос о том, что надо усилить службу водоохраных учреждений. Обязанности у них громадные, а права урезаны до минимума: «Сейчас вопросами охраны водных источников занимаются многие подразделения различных министерств и ведомств. Назрела необходимость создать общесоюзный орган охраны природы, обладающий действенными правами «вето» во всем, что касается сбережения природных богатств».

Статья в «Правде» сыграла громадную роль в укреплении водоохраных инспекций. Это фактически послужило началом коренной реорганизации Азово-Черноморской бассейновой инспекции. После выступления газеты в Краснодарском и Ставропольском краях были проведены краевые партийно-хозяйственные активы с повесткой дня «Об охране водных ресурсов и строительстве очистных сооружений». Оба крайкома партии приняли соответствующие постановления.

Кирьянов добился также того, что его записку о состоянии водоемов, их охране и разумном водопользовании обсудили в горкомах и райкомах Ставропольского и Краснодарского краев и наметили конкретные меры по охране вод.

Прекрасна автострада Краснодар — Джубга. Серая лента асфальта, будто стремительная

горная река, течет под скаты автомашины, то вытягивается по равнине, то серпантинном вьется между сопок, то круто взбирается на склоны и опять быстро скатывается вниз. Направо и налево лежат горные увалы в буйной заросли кавказских лиственных лесов, а вдали возвышаются один над другим горные хребты, затянутые голубой дымкой.

Григорий Васильевич смотрит перед собой сквозь стекло белой «Волги», а мысли его далеки от этих мирных просторов. Чаще всего с поразительной ясностью всплывают перед ним картины трехсуточного сражения с вражескими танками на опушке лесного урочища Толстое, когда истребители вместе с пехотой преградили гитлеровским войскам путь из Березовки на Обоянь. Это было в июле 43-го года, недалеко от знаменитой Прохоровки, на Орловско-Курской дуге.

По вытоптанному, изрытому разрывами снарядов пшеничному полю, вздымая пыль, мчались на опушку леса серые глыбы танков с белыми крестами на броне. Они выползали из балки, что находилась метров в семистах от леса. Между танками смутно виднелись, будто в тумане, силуэты автоматчиков. Танки шли напролом, чтобы огнем и гусеницами подавить батареи, укрытые на опушке леса.

Один за другим выходят из строя истребители танков. А пополнения все нет и нет. Рядовой Кирьянов — подносчик снарядов, он же и заряжающий, и наводчик. С каждым часом редеют батареи артдивизиона, вместе с людьми выходят из строя пушки.

А гитлеровцы все лезут и лезут. Поле между балкой и

опушкой леса усеяно их трупами, там и тут застыли на месте или горят вражеские танки.

Жарко. Мокрая от пота гимнастерка неприятно липнет к разгоряченному телу. От жажды пересохло во рту, потрескались губы. Поблизости ни колодца, ни речки, ни озера. Кажется, все живое в урочище Толстое уничтожено артиллерийским и авиационным огнем, и лишь обшарпанные, но уцелевшие стволы деревьев стоят, не склоняясь, под этим свинцовым шквалом.

Когда танки, не выдержав меткого огня советских истребителей, отвалили обратно в балку, на лесное урочище со стороны Березовки наплывала очередная армада пикирующих бомбардировщиков. И тогда вокруг воцаряется ад крошечный: пикирующие «юнкеры», свист сброшенных бомб, разрывы, треск сраженных деревьев — все сливается в один оглушающий грохот и огонь, затмивший солнце в этот яркий летний день. Кирьянову кажется, что после очередной бомбежки с воздуха в лесу не останется ни одной живой души.

На исходе второй день. В батарее разбиты все пушки, из личного состава в живых осталось только четверо. Они ведут огонь по немецким танкам из пушек соседнего артполка. Враг рвется на Обоянь, его танки и автоматчики уже близко от лесной опушки...

Наступила тревожная, пугающая неизвестностью тишина.

Противник с характерной для него пунктуальностью ровно в шесть утра обрушил шквальный огонь пушек и минометов на опушку леса, на расположение пехоты, потом перенес огонь в глубину рощи. В то утро бой разгорался с невероятным ожесточением.

Кирьянов раньше, до этого боя, не мог представить себе такого напряжения, хотя и участвовал во многих сражениях. Все забилось, затаилось в земле, которая дрожа-

ла и, казалось, издавала тяжкий стон от невероятного огня артиллерии и авиации. Только наблюдатели то и дело осторожно высовывали из окопов головы в касках, чтобы не пропустить начало атаки вражеских танков и пехоты. И вот передалось по цепи:

— Приготовиться к отражению танков!

Комбат Галушко припал к прицелу. Как и ранним утром, танки, вынырнув из лощины, шли клином по большаку и его обочинам: впереди неуклюжие, громоздкие «тигры», за ними «пантеры» с длинными стволами пушек и самоходные артиллерийские установки «фердинанды». На броне машин сидели автоматчики. Танки на полной скорости устремились в направлении Обояни. Первыми открыли по ним огонь из противотанковых ружей бронбойщики, чьи окопы были впереди траншей пехотинцев. Пехота ударила из пулеметов и автоматов по броне, по гитлеровцам, и те вмиг очутились на земле. Танки стремительно накатывались на позиции пехоты, ведя на ходу огонь из пушек и пулеметов.

Закусив до боли нижнюю губу, Кирьянов сам наводил на цель орудие и вел огонь. Дружков подавал ему снаряды. Промахнуться тут было трудно. Правда, не каждый снаряд попадал в уязвимое место танка.

— Есть еще один! — крикнул Кирьянов, когда третьим снарядом заставил остановиться стальную машину. Вскоре из всех щелей танка пополз черный дым, и потом стали вырываться языки пламени. Из открывшегося люка выскакивали гитлеровцы и падали под пулями наших стрелков и автоматчиков.

Вот «пантера», обойдя горевшую машину, устремилась на батарею Галушко и вскоре оказалась в секторе обстрела пушки Кирьянова. Первым снарядом он перебил ей гусеницу, а когда она крутнулась на месте и оказалась к нему боковой броней, он метким выстрелом угодил в мо-

тор, и машина загорелась. Впереди все заволочло дымом и пылью, и танки, что находились поближе, едва были различимы, как сквозь туман. Еще один танк мчался на батарею.

— Эх, Витя, умирать, так с музыкой! — в исступлении крикнул Кирьянов, быстро орудуя механизмом наводки. Выстрел, другой. Но машина замерла в полусотне метров от пушки Кирьянова только после четвертого выстрела.

Не выдержав меткого огня нашей истребительной артиллерии, вражеские танки начали пятиться назад под прикрытием тяжелых машин, боясь подставлять свои более уязвимые бока под жерла пушек.

В батарее осталось всего две исправные пушки. На исходе снаряды. Когда их подвезут? Обстановка сложная и неясная: нет связи ни со штабом дивизиона, ни со штабом дивизии. И некого послать на связь.

А со стороны села Березовка опять наплывала армада пикирующих бомбардировщиков, небо потемнело от этого черного коршуны. Первая эскадрилья в двадцать машин, дико завывая сиренами, вошла в пике и, сбросив бомбы, отвалила в сторону, а на бомбометание заходила вторая эскадрилья, за нею третья...

Самолеты особенно яростно бомбили опушку леса, чтобы уничтожить противотанковые батареи.

Не успели отбомбиться самолеты, как из ложины снова выползли серые стальные глыбы. Мало осталось пехотинцев, но держались они до последнего патрона, до последней гранаты, прицельным огнем отсекая автоматчиков от танков. Истребители подпустили грозно рокошущие машины поближе и открыли по ним огонь прямой наводкой: подбили и подожгли еще несколько машин.

Захлебнулась и эта атака. Но опять бомбардировщики осатанело бомбили рощу. С косогора села Березовка били

вражеские пушки, видно, на колокольне церквушки сидел коррективщик.

— Без еды еще можно было как-то терпеть,— вспоминает Кирьянов.— Но особенно мучила людей жажда.

Комбат Галушко ночью ушел на поиски штаба, чтобы доложить об обстановке, договориться о пополнении и добыть снарядов, продовольствия, воды. Рано утром он вместе с новым пополнением истребителей возвращался на позиции батареи. Они везли с собой снаряды, продукты, воду. Грузовик тащил на буксире пушку. Комбат был уже в нескольких километрах от урочища Толстое, когда его остановил генерал, командир соседнего соединения, которое вело бой с вражескими танками, и приказал повернуть туда, где гремела напряженная канонада, где люди истекали кровью, где артиллеристам не хватало снарядов...

Для истребителя танков Кирьянова начался третий день чудовищных испытаний. Первый бой в этот день длился два часа. Два долгих до бесконечности часа с 60 неприятельскими танками сражались остатки батарей и разрозненных подразделений пехоты 727-го стрелкового полка. Дрались до последнего снаряда и патрона, дрались до последнего вздоха, на одном упорстве. Кирьянов уже был дважды ранен в рукопашной схватке: в грудь и голову, в окровавленных бинтах, с черным от порохового дыма лицом.

Когда была отбита очередная вражеская атака, он сказал своему боевому другу:

— Может, поживем еще, Витя. Лезут, гады, напролом. Эх, глоток бы водички холодной, родниковой.

...Все реже слышались выстрелы противотанковых пушек. Кирьянов понимал, что долго не продержатся оставшиеся в живых артиллеристы и пехотинцы. Вон они, немецкие автоматчики, опять лезут в атаку. Впереди шесть танков. Осколком снаряда Кирьянову разодрало бок, пулей

ранило ногу, но вгорячах он не чувствовал боли и не было времени перевязать раны. Отбить бы еще и эту атаку...

Не было приказа отступить, и каждый, кто еще был жив или легко ранен, не покидал поля боя. Пехотинцев, как и артиллеристов, в строю остались единицы, и то большей частью раненные или контуженные. Заметно было, что и гитлеровцы на этом участке выдохлись, не бросают уже много танков и автоматчиков, но все же атакуют. И так весь третий день: атака за атакой.

Вот вспыхнул от меткого выстрела Кирьянова еще один вражеский танк, седьмой по счету...

Истребители и пехотинцы с честью сдержали клятву, данную Родине: не пропустить через свои позиции противника. Сколько их полегло на опушке урочища Толстое!

Из артиллеристов-истребителей и пехотинцев, занявших оборону на опушке, каким-то чудом осталось в строю четыре человека, среди которых был и рядовой Кирьянов.

— В этой отчаянной битве,— вспоминает командовавший сражением генерал-полковник И. М. Чистяков,— воины из стоявших здесь насмерть подразделений, в том числе Галушко, Кирьянов, Петров и их товарищи-батарейцы, сделали невозможное. Благодаря их необыкновенной легендарной отваге 219-я стрелковая дивизия 6-й гвардейской армии сумела сохранить основные силы для наступления... Мы считали, что на рубеже урочища Толстое никто из бойцов 45-го отдельного истребительного противотанкового артдивизиона не уцелел.

Григорий Кирьянов чудом вышел живым из ада. Выжил, наверное, потому, что судьба сберегла его для будущих поколений, которым он смог бы рассказать о пережитом.

Навсегда сохранит он в памяти тот неравный бой на огненной Курской дуге и все, что пережил тогда со своими

фронтowymi товарищами, и это навеки запечатленное им выльется в слова песни:

Разве можно забыть нам с тобой сорок третий.
Помнишь, Курская битва тогда полыхала.
И советский солдат, уходящий в бессмертье,
Был сильнее огня и надежней металла.

Песня эта, написанная Григорием Кирьяновым в соавторстве с поэтом Олегом Левицким (композитор Виктор Темнов), впервые прозвучала в исполнении Людмилы Зыкиной у Мемориала героям Курской битвы под Белгородом 5 августа 1978 года в день тридцать пятой годовщины в честь освобождения Орла и Белгорода...

11

Настала пора, решил Кирьянов, коренным образом перестраивать всю деятельность бассейновой и периферийных инспекций. Необходимо усилить бассейновую инспекцию, превратить ее в территориальное управление не только по формальному принципу, но и фактически, то есть сделать это учреждение более действенным и авторитетным по своим функциям.

Такой важнейший принципиальный вопрос Кирьянов поставил перед Министерством мелиорации и водного хозяйства Российской Федерации, а позже — перед союзным министерством и главком.

В министерстве и главке говорили ему:

— У вас, товарищ Кирьянов, громадный аппетит. Вы — самый беспокойный начальник.

— А как же иначе? Я же требую не для себя, а для улучшения дела по охране вод.

— Какая разница — будет она называться бассейновой инспекцией или управлением?

— Громадная. Я не раз уже объяснял и в докладных записках и в газетных статьях.

— Знаем. Читали ваши статьи. Водоохранное дело в стране молодое, оно не накопило еще достаточного опыта. Мы считаем, что пока не наступила еще пора преобразовывать инспекции в управления. Вы представляете, Григорий Васильевич, сколько эта перестройка потребует новых штатных единиц, транспорта, денежных средств и прочего?

— Но это дело стоящее, оно окупит себя с лихвой.

— Вы первый из наших начальников бассейновых инспекций требуете коренной перестройки. Подумаем, советуемся со специалистами, учеными.

И вопрос о реорганизации инспекции откладывали на неопределенное время. Но Кириянов не успокаивался, он продолжал настаивать, доказывать, убеждать, памятуя о том, что под лежащий камень вода не течет...

По окончании рабочего дня Кириянов собрал сотрудников на пятиминутную оперативку.

— Товарищи, мы знаем, что реки загрязняются не только сточными водами, но и всяким хозяйственным мусором,— начал он.— Не раз я проверял две набережные улицы Краснодара. Пустыри там превращены в мусорные свалки, например между пристанью и кожевенными заводами. Я запретил сбрасывать туда мусор, но жители кидают его теперь прямо в Кубань, причем делают это рано утром или поздно вечером. Соберут за день кучу всякого сора, а потом его в реку, и, как говорится, концы в воду. Так что завтра в четыре утра мы выйдем на патрулирование набережных, дежурить будем до девяти часов.

Большинство сотрудников встретили предложение начальника без особого энтузиазма.

— Только этого нам не хватало!

— Мало того, что мы работаем как заводные, а тут еще патрулирование.

— Скоро мы превратимся в дворников и мусорщиков.

А заведующая лабораторией Валентина Клещенко прямо заявила:

— На это милиция есть. Пусть она и патрулирует набережные.

— У милиции и своих дел хватает. Речь идет об охране реки, и тут именно мы должны действовать,— возразил Кирьянов.

Утром на патрулирование набережных вышли все сотрудники, в том числе и Валентина Клещенко. Увидев Кирьянова, она подошла к нему.

— Простите, Григорий Васильевич. Вчера я была не права. У меня муж болен, и к тому же я была взвинчена.

— Так бы сразу и сказали. Самое плохое в этом не то, что вы бы не вышли на дежурство, а то, что во всеуслышание отстранились, не указывая причины. Вы ведь командир производственного участка, и я как начальник должен опираться прежде всего на коммунистов и комсомольцев нашей инспекции,— ответил Кирьянов.— А сейчас можете вернуться домой.

— Да нет уж, останусь. Я и сама казнила себя всю ночь за свою горячность,— призналась Валентина Семеновна.

Вместе с другим сотрудником инспекции Гришучковым она заняла место для дежурства. Вскоре они увидели вышедшую из калитки бабку. Она несла два ведра с мусором и направлялась прямо к реке.

— Доброе утро, бабуся! — приветствовала ее Валентина Семеновна.

Та остановилась, прикрыв ведра подолом длинной темной юбки. Клещенко и Гришучков подошли к ней.

— Так, значит, ни свет ни заря, пока на улице никого нет, тайком мусор в реку?!

— А чего? Я ничего. Я только вышла со двора поглядеть,— испуганно лепетала старуха.

— Как фамилия? — спросил Гришучков.

— А тебе она зачем?

— Чтобы составить акт и дело передать в суд.

— В суд? За что же?

— За то, что мусором загрязняешь реку. За это строго наказывают,— припугнул Гришучков.

— Неграмотная я, деточка, не читала таких законов, чтобы ни за что ни про что осудили. А вы видели, чтобы я сор бросала в реку? А? То-то и оно! — нашлась вдруг старуха, обретя спокойствие.

— Так у тебя ведра с мусором!

— Так не бросала же я мусор в реку! Не пойманный не вор.

— Не отпирайся, бабуся, хуже будет. Мы из инспекции по охране вод. Как фамилия? — Клещенко достала из сумочки блокнот.

— Деточки, родненькие, простите старую дуру. Не буду больше. И внукам и правнукам закажу.— Бабка положила к глазам фартук.

— Ладно, бабуся. На первый раз прощаем, не станем передавать дело в суд. Но чтобы больше этого не было.

— Не будет! Вот вам крест святой! — Старуха перекрестилась.

Вторым попался мужчина средних лет, который тащил к берегу целый мешок мусора. Ему не дали дойти до берега, остановили, составили акт.

— На первый раз уплатите по исполнительному листу штраф. Поймаем второй раз, пеняйте на себя.

— Чем штрафовать да тюрьмой грозить, лучше позаботились бы, куда нам этот мусор девать. На других ули-

цах ездят машины-мусоросборщики, а у нас — кто во что горазд. Свалка-то у черта на куличках. Не понесу же я туда свой мешок.

Доводы оштрафованного были резонными, и Гришучков, Клещенко и другие доложили об этом Кирьянову. В то утро патруль водоинспекции задержал на двух набережных пятьдесят человек, многих из них оштрафовали. По настоянию Кирьянова позже участковый милиционер обошел все дворы и предупредил жителей, что согласно советским водоохраным законам те, кто загрязняет реки всяким мусором, будут привлекаться к строгой ответственности.

После этого среди жителей набережных улиц прошел слух, что по утрам дежурит гражданский патруль, а по ночам — милицейский: кое-кого уже наказали штрафом, а иных будут судить.

Работники инспекции вскоре добились того, чтобы набережные улицы обслуживали специальные автомашины-мусоросборщики.

12

Начало охраны вод в нашей стране было положено сразу после Октябрьской революции, когда Ленин в своей работе «Набросок плана научно-технических работ» предложил при организации промышленности особо учитывать водные силы. В ленинском плане электрификации России, принятом в 1920 году, наряду с широким использованием «живой силы водных потоков» предусматривалась и защита вод от загрязнения. По инициативе Ленина в первые же годы Советской власти в целях охраны водоемов от загрязнения сточными водами был создан центральный комитет водоохранения («Цент-

роводохрана»), а все работы по облагораживанию воды были признаны ударными, то есть велись убыстренными темпами.

Уже через год после свершения Октябрьской революции был издан Декрет «О лесах», в 1919 году — об охоте, охране водоемов и об организации первых природных заповедников; в 1920 году — Декрет об охране фауны Белого моря и Северного Ледовитого океана; в 1921 году — указ об охране природы в садах и парках; в 1922 году — об упорядочении рыбной ловли...

В 1962 году были образованы инспекции по использованию и охране водных ресурсов. После этого было принято Водное законодательство Союза ССР и союзных республик в 1970 г.; Водный кодекс РСФСР в 1972 г.

Первые шаги водоохранной инспекции в зоне Краснодарского и Ставропольского краев были чрезвычайно трудными.

Еще четырнадцать лет назад в этих двух краях Северного Кавказа очистных сооружений насчитывались единицы, а заводы, комбинаты, фабрики, жилые районы росли с молниеносной быстротой. Из водных источников забиралась чистая питьевая вода, а возвращалась она туда загрязненной, кишасей мириадами болезнетворных микробов и ядовитыми отходами производства.

Начинать с нуля всегда трудно. У бассейнового воднадзора трудности подчас возникали потому, что привыкли люди к бесхозяйственному отношению к природе, к водным богатствам. У нас, мол, много рек и морей, и на наш век водички хватит. Кирьянову и его сотрудникам приходилось постоянно вести разъяснительную работу. Сколько выдержали они споров, сколько исписали бумаги — не сосчитать!

Водный баланс Краснодарского края достаточно велик. На протяжении 1254 километров край омывают два не-

замерзающих моря. В крае протекает 576 малых и больших рек, находится 7 крупных водохранилищ, свыше 6500 артезианских скважин. Общий сток поверхностных и подземных вод, по подсчетам ученых, равен 21,1 миллиона кубических километров в год.

Но с каждым годом увеличивался выброс в водоемы загрязненных вод.

Из реки Кубани для залива орошаемых рисовых плантаций забирается более трех миллиардов кубометров воды в период вегетации риса. Из них большая часть используемой воды, содержащая гербициды, поступает опять в реки Кубань и Протоку, в дельтовые плавни, где нерестятся ценные породы рыб.

Не лучше обстояло дело с чистотой водоемов и в соседнем Ставропольском крае, который значительно беднее поверхностными водами. Вот и приходится работникам водохранного управления воевать за их чистоту, за рациональное использование вод...

Кирьянов не переставал добиваться коренной перестройки бассейновой инспекции. Оставшись вдвоем с главным инженером Ярмаком после работы, они прикидывали, продумывали, как дальше строить работу. Идея реорганизации обрела уже реальную форму. На одной из планерок Кирьянов рассказал об этом руководящему составу водоинспекции, рассчитывая, что сообщение об образовании управления коллектив встретит восторженно. Но получилось другое. Выслушав сообщение начальника, люди молчали, и он не мог определить, как они приняли его идею.

— Разве имеется уже приказ о реорганизации? — спросил кто-то.

— Приказа еще нет, но он будет. Это пока проекты.

— Не рано ли, Григорий Васильевич?

— Зачем брать на себя такие хлопоты?

— Справимся ли с такими большими задачами?

— Мы и сейчас едва тянем. С ног уже сбились.

По этим репликам Григорий Васильевич понял: одних пугает увеличение работ, другие просто не понимают, к чему он затеял это, а третьи — это он заметил по усмешкам и недовольным лицам — думают, что при прежнем начальнике жилось спокойнее и работалось легче.

Но Григория Васильевича не смутило, что не все сотрудники уверены в необходимости перестройки бассейновой инспекции. Он добился своего: были образованы территориальные бассейновые управления по регулированию использования и охране вод в республике.

13

С Леонидом Петровичем Ярмаком Кирьянов познакомился у своего товарища полковника Шаповалова. После первого же знакомства инженер Ярмак произвел на Кирьянова благоприятное впечатление: стройная, атлетическая фигура, умное, выразительное лицо, аккуратно подстриженные волнистые черные волосы и небольшие усики, собранность и энергия — все в его облике располагало к нему окружающих, вызывало симпатии. Когда бы ни пришел Кирьянов к Шаповалову, молодой инженер возился с магнитофоном, телевизором или кинокамерой.

— Мне нравится твой зять, — сказал как-то Кирьянов Шаповалову.

— И мне нравится. Работяга, мастер на все руки. Изобретатель. И семьянин хороший.

— Где он работает?

— Технологом на заводе.

— Мне бы такого инженера, Федор Антонович.

— А ты предложи ему.

— После электроники и слушать небось не захочет, чтобы перейти в инспекцию.

— И все-таки предложи, попробуй. Человек он живой, думающий, может, заинтересуется новым делом.

Кирьянов решил поговорить с Ярмаком.

— На вашем заводе, наверное, интересно работать? — спросил он, когда тот просматривал на свет недавно проявленную киноплёнку.

— Да, конечно, — ответил Ярмак довольно безразличным тоном.

— Нравится вам ваша работа?

— Работа как работа. Не обижаюсь. А что? — насторожился инженер.

— Не пошли бы вы работать, Леонид Петрович, в наше ведомство инженером? — спросил Кирьянов, пристально глядя в глаза Ярмаку.

— В водоохранную инспекцию? Слышал о ней.

— Имеете о ней представление?

— Да, конечно. Кое-что читал в газетах и журналах. Охрана вод, окружающей среды при нынешней научно-технической революции становится проблемой номер один.

Кирьянову понравился ответ Леонида.

— У нас работа для вас нашлась бы подходящая. Дело наше новое, перспективное, мы, можно сказать, пионеры своего рода, первопроходцы. Словом, подумайте над моим предложением.

Кирьянов не ошибся в молодом инженере. В 1973 году Леонид Петрович Ярмак стал сотрудником бассейновой водоохранной инспекции. Он быстро освоил новое для него дело. В основном Ярмак поначалу занимался экспертизой проектов очистных сооружений и системами оборотного цикла водопользования на промышленных предприятиях. Без его визы бассейновая инспекция не давала разрешения на строительство предприятий.

А через год, в 1973 году, инспекция была преобразована в Азово-Черноморское бассейновое управление по регулированию использования и охране вод в Краснодарском и Ставропольском краях. Несоизмеримо вырос объем работы, а вместе с ним появилась и масса новых трудностей и проблем. Азово-Черноморское управление было первым во всей системе Министерства мелиорации и водного хозяйства Российской Федерации. Поэтому-то на плечи Кирьянова пали и самые большие трудности нового дела: не было ни инструкций, ни соответствующих положений о деятельности таких управлений. Кирьянову и Ярмаку пришлось самим составлять эти инструкции, распределять обязанности и функции каждого отдела, продумывать структуру ведомства в целом.

Для молодого инженера реорганизация водоинспекции была экзаменом на зрелость, и он с блеском выдержал его. Ярмак оказался не только технически грамотным инженером, но и хорошим организатором и изобретателем. Он получил два запатентованных авторских свидетельства в области автоматики. Радио, электроника, фото- и кино-съемки — все это его очень увлекало. Теперь к этому добавилась еще и цветомузыка...

В водоохранном управлении Ярмак нашел то, о чем тосковал, работая на заводе,— широкое поле деятельности, где он мог приложить свои способности, знания, выдумку.

14

Кирьянову позвонил из района инспектор:

— Тут построили многоэтажный жилой дом, а к городской канализации не подключили. Приемочная комиссия уже приняла его в эксплуатацию.

— Как же вы могли допустить, чтобы в вашей зоне сдавали объекты без вашего ведома? — сердито спросил Кирьянов.

— Я не знал об этом доме.

— В своей зоне надо знать все, а тем более — где и когда собираются вводить в эксплуатацию новые объекты. Ну так что же вы предприняли?

— Запретил сдавать дом до ввода в строй канализации. Опломбировал. А пломбы сорвали, не приняли мои протесты, послали меня ко всем чертям.

— Кто?

— Все — и заказчики, и подрядчики.

— В райком партии обращались?

— Нет.

— А в райисполком?

— Обращался. Там меня не поддержали. Сказали, что дом давно ждет много семей рабочих. Мол, узнают о моих пломбах, худо будет. Не знаю, что и делать.

Кирьянов посмотрел на Ярмака, сидевшего у его стола.

— Леонид Петрович, завтра утром отправитесь на место происшествия и разберетесь во всем. Если найдутся какие-либо возможности пустить стоки нового дома в общий коллектор канализации, пусть сдают дом. А если нет, не давайте согласия. Примите все меры, чтобы немедленно приступили к устройству канализации и до ее окончания не подписывайте акт, — распорядился Кирьянов.

— Завтра выеду, — коротко ответил Ярмак.

— Не церемоньтесь с теми, кто творит безобразия.

По приезде на место Ярмак выяснил, что дал команду сорвать пломбы директор крупного завода. Пришел к нему.

— Опять из бассейнового управления?! — Директор растерялся. Он понимал — предстоит неприятный разгово-

вор.— Скажите, меня нет,— предупредил он своего секретаря.

— Так я уже сказала, что вы у себя.

— Ну тогда скажите, что я очень занят и сегодня никого не принимаю. А завтра утром отбываю в командировку, причем длительную.

Секретарша так и сказала Ярмаку. Тот понял тактический ход директора — избежать объяснения за сорванные пломбы.

— У него совещание?

— Нет, просто занят неотложными делами.

Женщина с виноватой улыбкой смотрела на молодого человека с пышной копной темных волнистых волос.

— Я сам спрошу у него, когда он сможет принять меня.

— Пожалуйста,— ответила добродушно молодая женщина.

Ярмак молча раскрыл дверь и вошел в кабинет директора.

— Я из бассейнового управления.

— Очень приятно. Но сегодня я никого не принимаю. Приходите завтра к концу дня.

— Я отниму у вас только одну минуту.

— Ладно. Что у вас? Только прошу покороче,— кисло сказал директор, глядя на часы.

— Я тоже очень занят срочными делами, а вынужден был выехать к вам, чтобы выяснить на месте причину ЧП,— сказал Ярмак, которому директор даже не предложил сесть.

— Какое там ЧП? — спросил директор, прикинувшись, что ничего не знает.

— Вы распорядились, чтобы ваш комендант сорвал пломбы с дверей нового дома?

— Какие такие пломбы? Какого дома? Ничего не

знаю, ничего не понимаю,— начал было юлить директор.

— Если ничего не понимаете, то зачем дали распоряжение сорвать пломбы? Дом-то не закончен.

— Как не закончен? У меня имеется акт приемочной комиссии. Тут все в порядке: подписи и гербовая печать.

— Покажите акт.

Директор достал из сейфа кожаную папку и извлек из нее акт. Ярмак бегло познакомился с ним.

— Я не нахожу тут подписи нашего представителя.

— Какого вашего представителя? На кой он тут нужен? — усмехнулся директор. — Дом-то строили не вы. Знаете, во что он нам обошелся?

— Знаю. Меня интересует, куда вы будете девать стоки многоквартирного дома? Там же нет канализации? — спросил Ярмак.

— А это дело не мое. Я заказчик. Идите объясняйтесь с подрядчиком. Мне и без ваших пломб хватает дел,— сердито заявил директор и встал, давая этим понять, что аудиенция окончена. — Всего хорошего!

— Подождите, товарищ директор. Поскольку вы дали команду сорвать пломбы...

— Да что вы все — пломбы, пломбы?! — вспыхнул директор. — Не давал я такой команды. Вот что, товарищ, как вас там?.. Я очень занят. Прощу!

— Оставить вас в покое? — спросил с усмешкой Ярмак.

Директор неприязненно измерил его прищуренными глазами, покачал головой: мол, ну и нахал! Он явно терял самообладание.

— Хорошо! Кабинет ваш я оставляю, если вы уж так заняты срочными делами. Но вас, товарищ директор, в покое не оставляю. Учтите, вам придется держать ответ перед судом.

Директор широко раскрытыми глазами посмотрел на Ярмака.

— За какое такое преступление?

— Мало того, что допустили грубейшее нарушение водного законодательства, так вы еще отдали распоряжение сорвать с дверей наши пломбы. Это дело мы передадим в прокуратуру для привлечения вас к уголовной ответственности. А пломбы я навешу новые. Попробуйте сорвать их второй раз.— Ярмачик круто повернулся и направился к двери.

Упоминание о прокуратуре бросило директора в жар.

— Черт! Молодой, а задиристый как петух. И где он такой взялся на мою голову!

Схватил телефонную трубку, набрал нужный номер.

— Алло! Мне нужен председатель райисполкома. Нет его? Вот тебе и раз! Ну давайте заместителя. Здорово! Это я. Понимаешь, тут какая ситуация. Ворвался ко мне в кабинет без разрешения этакий юнец с усиками, из водной инспекции или как ее там. Из бассейнового управления. Понимаешь, напустился за сорванные пломбы. Грозится передать дело в прокуратуру.

— Гони их, этих инспекторов, к чертовой бабушке! Много их тут, всяких ревизоров! Рабочим нужно жилье, а они затеяли волюнку,— звучал в трубке голос заместителя председателя райисполкома.

— Спасибо, дружище! Так я и сделаю.

Директор набрал новый номер телефона.

— Алло! Комендант? Это я. Сейчас к новому дому подойдет этакий мальчик с усиками, водный инспектор. Ты не давай ему вешать на дверях новые пломбы. Гони в шею. Понятно?

— Я вас понял. Ваше указание будет выполнено.

Когда Ярмачик появился возле нового дома, там у каждого подъезда на страже стоял человек. Леонид Петрович хотел взяться за ручку двери первого подъезда, но здоровенный детина загородил дверь.

— Минуточку! Извиняюсь, гражданин хороший. Чего вам тута надобно? — спросил он, грозно сверкая глазами.

— А вы кто такой? — спросил Ярмак.

— Извиняюсь, мы тутошние. А вот какого рожна вам тут надо? Дом еще не заселен, и дверь на замке.

— Вот и хорошо.

Леонид Петрович не торопясь достал из кармана пломбы.

— Извиняюсь. А ну-ка отойдите от двери,— строго приказал детина.

Подошел комендант.

— Гражданин, вы что тут затеваете? — спросил он.— Кто такой будете?

— Инженер бассейнового управления.

— Не знаю такого управления и знать не хочу! — вызывающе заявил комендант.— Чего вам тут надобно?

— Дом принят комиссией без нашего ведома, не имеет канализации, вот я и прибыл из Краснодара его опломбировать.

— А кто вам разрешит сделать это? Сегодня начнем заселять дом.

— А с канализацией как же?

— Это меня не касается.

— А подумали вы и члены вашей комиссии, куда пойдут сточные воды из этого дома?

— На это у нас начальство имеется.

— Пломбы сорвали вы?

— Ну я, а чего?

— Ответите за это.

— Чего, чего? А начальство у нас для чего существует? Нехай оно и держиг ответ за свои распоряжения. Мне приказано никого из посторонних не пускать к дому, я и выполняю приказ начальства. А вас прошу отойти от двери. И вообще не советую вмешиваться в чужие дела. Дом

мы построили для его величества рабочего класса, а вы затеваете тут чего-то. Прошу подобру-поздорову отойти от двери, и спрячьте свои штучки-дрючки, не то...

— Что «не то»?

— За своеволие ответите.

— Своеволье? Вот здорово! Своеволье допустили вы, сорвав пломбы. И ответите за это безобразие. А если паче чаяния сорвете и эти пломбы, вам будет гарантировано три года отсидки,— сказал Ярмач.

На коменданта это возымело такое же отрезвляющее действие, как и на директора перспектива знакомства с прокуратурой.

— А ежели мне был дан такой приказ — никого не пускать к дому?

— Кто дал вам такой приказ? Опять директор?

— А кто же еще может мне приказать?

Леонид Петрович легонько отстранил от двери коменданта.

— Так вот, пломбы я навешу повторно. А если у вас появится желание их сорвать, советую подумать о последствиях.

Комендант сник, отошел от двери.

— Я человек маленький. Надо мной этих начальников... А за чужие грехи отвечать не желаю.

Опечатав дом, Леонид Петрович пошел в райком партии, рассказал первому секретарю о своем разговоре с директором завода, потом с комендантом.

— Представьте себе, сегодня дом заселили бы,— начал Ярмач,— и вот из него хлынул бы поток сточных вод, минуя городскую канализацию, в реку, дальше — в море. Какая бы вонь стояла вокруг. Отсюда инфекционные болезни...

— Факты безобразные,— согласился секретарь райкома,

— Такие факты надо пресекать своевременно и строго. На директора завода мы наложим штраф, а за срыв пломб дело передадим в прокуратуру для привлечения его к судебной ответственности. Мы уж постараемся, согласно законодательству, довести это дело до логического конца. В назидание другим,— сказал Ярмак.

— А может, на первый раз не следует обращаться в судебные органы, ограничиться штрафом? Ну, а мы по своей линии сделаем соответствующие внушения товарищам,— посоветовал секретарь.

Зазвонил телефон.

— Слушаю. Что, что? Он сидит у меня. Ну и что? Ты дал указание гнать его от нового дома? Напрасно. Почему не посоветовался со мной? Ты, наверное, не читал постановления об охране вод. И конечно, не знаешь о водном законодательстве? Так вот, дело на тебя и директора завода бассейновое управление передает в прокуратуру для привлечения к строгой судебной ответственности. Всел! Всего хорошего!

Ярмак собирался уходить.

— Одну минуточку. Присаживайтесь. Так как же насчет жилого дома? У нас очень плохо с жильем. Рабочие давно ожидают квартиры. Все они уже распределены.

— Мы разрешим ввести дом в эксплуатацию, только когда его подключат к городской канализации. Там-то и работы всего недели на две.

— Это само собой разумеется. Приложим все силы, чтобы быстрее завершить работы,— пообещал секретарь райкома.

— И еще буду просить вас помочь мне собрать в городе людей, причастных к строительству. Я познакомлю их с водным законодательством, поговорю с ними об охране вод,— попросил Ярмак. По совету Кирьянова он всегда старался

разрешать сложные конфликты при участии партийных органов.

— Хорошо, я подскажу это председателю райисполкома. Прошу вас, не надо на директора завода и зампредрика передавать дело в прокуратуру. Они и так получают по первое число. А сейчас прошу извинения за неосведомленность и грубость этих товарищей.

— Постараюсь учесть вашу просьбу.

В райисполкоме заместитель председателя извинился перед Ярмаком и тоже попросил не давать дальше ходу этому неприятному ЧП, заверив, что все требования водохранной инспекции будут выполнены.

15

Когда водная инспекция была преобразована в управление, встал вопрос, кого назначить на должность главного инженера? Кирьянов, не колеблясь, решил выдвинуть на этот пост Леонида Петровича Ярмака. Он сразу оценил в инженере творческий, энергичный подход к делу. Большинство же сотрудников управления выбор этот встретило неодобрительно. Многие сомневались, сможет ли такой молодой человек справиться с большими и ответственными обязанностями главного инженера. А заведующая лабораторией Валентина Семеновна Клещенко с присущей ей прямоотой, без обиняков, сказала Ярмаку:

— Не обижайтесь на меня, голубчик, но для этой должности вы еще не созрели.

Ей часто приходилось сталкиваться по работе с главным инженером.

— Вы считаете, что я еще молод или есть и другие соображения?— спросил Ярмак.

— Да, и молоды. А мне предстоит работать под непосредственным вашим началом. Вы уж не обижайтесь на меня. Я люблю говорить правду в глаза, даже начальству.

— Спасибо, Валентина Семеновна, за откровенность. Поживем, увидим. Хотя я не так уж и зелено молод. Мне уже 27. В таком возрасте многие ученые, инженеры стали профессорами, академиками, авторами больших научных открытий,— ответил Леонид Петрович.

Надо признать, не только в управлении кое-кого смущала молодость главного инженера.

Кириянов не отступал, он убеждал, доказывал, настаивал. Обратился к министру Корневу, и тот дал согласие. Кириянов был твердо убежден в способностях своего инженера. А позже такое же мнение о Леониде Петровиче сложилось у всех работников управления и в главке.

И та же заведующая лабораторией Валентина Семеновна Клещенко первая призналась, что с Леонидом Петровичем ей работать стало легче.

За годы работы инспекции накопилась масса папок со всякими делами. Леонид Петрович теперь добрался до них, и они навели его на мысль, что нужно создать специальную картотеку. Им была разработана строгая система учета. Учет все время усложнялся и отнимал у работников много времени, так как производился старым примитивным способом. Ярмак пришел к мысли—применить в деле учета электронно-вычислительные машины, с которыми он уже имел дело на заводе. Поделился своими задумками с Кирияновым.

— Идея великолепная! А справимся ли мы с нею своими силами?

— Справимся! Будем привлекать и своих смежников— Главкубаньрисстрой. Думаю, что его начальник Николай Алексеевич Огурцов пойдет нам навстречу.

— Дело нужное.

Конечная цель управления водоохраны — максимально уменьшить сброс сточных неочищенных вод в реки и моря. Для этого необходимо взять на строжайший учет все объекты, которые загрязняют водоемы, изучить характер их загрязнения.

Вторая задача, без которой не может быть осуществлена первая, — это всемерно ускорить переход на замкнутый цикл водопользования.

И наконец, третья задача — установить строжайший учет и регулирование забора воды в городах и сельских районах. В этом направлении предстоит сделать еще многое, особенно в сельском хозяйстве.

16

Вода! Григорий Васильевич прочел о ней много научных работ.

Он теперь знал, что это самый распространенный в мире и в то же время самый загадочный минерал. Вода окружает нас со всех сторон. Это моря и океаны, реки и озера, ледники и айсберги, это облака и влага земных недр. В воде зародилась жизнь на нашей планете. Она питает все живое, всю растительность. Да и сам человек на 63 процента состоит из воды.

Вода — это не только питательная среда для всего живого, но и грозная стихия. Мировой океан ежегодно поглощает сотни человеческих жизней. Волны цунами, ураганы, тропические ливни, смерчи причиняют людям громадные бедствия. Ураган, пронесшийся над Пуэрто-Рико, захватил в океане и обрушил на землю два с половиной миллиарда тонн воды. А в 1737 году в Бенгальском заливе 30-метровая волна цунами потопила целую армаду —

20 тысяч парусных судов и лодок и около 300 тысяч человек. В ноябре 1755 года португальская столица Лисабон была почти полностью разрушена цунами.

Казалось бы, этот вездесущий минерал, выраженный в формуле H_2O , пора изучить досконально. Но он таит в себе еще немало загадок. Ученые до сих пор не знают, как произошла вода, занимающая на планете такое большое место. Существует несколько гипотез. О воде написано много научных трудов, и все-таки она продолжает ставить загадки.

Мы еще не знаем всего, что таит в себе H_2O и какие сюрпризы она припасла для нас. Нам известно лишь хорошо, что вода нас поит и кормит, дает свет и тепло, электроэнергию, заставляет работать машины, движет по рельсам поезда.

Вода — источник жизни на Земле.

В воде Мирового океана содержатся почти все элементы таблицы Менделеева. В морях сейчас добывают 20 процентов нефти, 10 процентов газа.

Но не все еще понимают, что хоть и много воды на планете, а к ней надо относиться уважительно и бережно, беречь ее чистоту, по-хозяйски пользоваться ею. При современной научно-технической революции, невероятном росте и развитии индустрии не только реки и озера, но целые моря превращаются в помойные ямы. Например, турецкие ученые пришли к печальному выводу: Мраморное море гибнет у них на глазах. По сообщению газеты «Сон Хавадис», ежегодно танкеры вместе с балластными водами сбрасывают в Мраморное море более 4 миллионов тонн нефти. Отходы промышленных предприятий, горы мусора на некогда великолепных пляжах, сброс канализационных вод в море привели к тому, что редкий смельчак рискнет здесь теперь искупаться...

В кабинете начальника бассейнового управления Кирь-

янова слушали инженера-гидролога Валентину Федоровну Пинаеву о состоянии вод реки Кубани в пределах краевого центра — города Краснодара. Рядом с начальником за небольшим приставным столом сидел, как обычно, главный инженер Ярмач, дальше за длинным полированным столом — начальники служб.

Гидролог Валентина Федоровна, держа в руках записную книжку, информировала собравшихся:

— В Краснодаре ежедневно сбрасывается в Кубань до трехсот тысяч кубометров сточных вод...

— Значит, стоки все увеличиваются, — заметил Кирьянов. — Сколько тысяч проходит полную биологическую очистку?

— Меньше половины, примерно сто двадцать пять тысяч.

— Мало, — вздохнул Кирьянов. — Удивляюсь, как не отравили еще всю рыбу в Кубани!

— Немного ее уже осталось, только та, что приспособилась к отравленным водам, — пояснила Клещенко.

— Будут медлить со строительством второй очереди очистных сооружений, погибнет и выжившая рыба. И не только в Кубани, а и в лиманах Приазовья, — сказал инженер Гришучков.

— Картину нарисовали вы, Валентина Федоровна, довольно мрачную, — сказал Кирьянов. — В каком состоянии сейчас находится вторая очередь городского очистного сооружения?

— Строится она так же медленно, как и первая очередь системы. Проектная мощность второй очереди рассчитана на 275 тысяч кубометров в сутки. Боюсь, что повторится старая история. Пока завершится строительство, количество стоков увеличится в два-три раза, и новая очистная система не в состоянии будет обработать эти стоки, — сказал Ярмач.

— Плохо! Тут и наша вина. Мы, видно, недостаточно настойчиво требуем форсировать строительство второй очереди. Нам никто не простит, если мы допустим, что реку Кубань превратят в канализационный коллектор, а Азовское море — в помойную яму, — с горечью сказал Кирьянов. — Кстати, Валентина Федоровна, как у вас насчет контактов с нашими смежниками: санэпидемстанцией, лабораториями водопроводно-канализационного хозяйства, Обществом охраны природы? Помните, мы уже говорили об этом на одной из наших планерок? — спросил Кирьянов.

— Мы установили с ними связь, обо всем договорились. Все как будто приветствуют эти контакты в работе, но пока ничего существенного сказать не могу, Григорий Васильевич. Пока одни слова, — призналась Пинаева.

— Это плохо. Надо единым фронтом наступать на «водных браконьеров».

— Из Новороссийска опять звонил Сысоев. Какой-то иностранный танкер сбросил в открытое море балластные воды на пути к Шехарису. Десятки тонн сырой нефти расползлись по акватории, — сообщил Ярмак.

— Не удалось установить, чей танкер?

— Нет, не удалось, трудно сделать это.

— Знаю, что нелегко. А надо. И привлекать преступников к строгой уголовной ответственности. Надо попытаться установить контакты с моряками-пограничниками, гражданской авиацией, чтобы они помогли нам выявлять такие танкеры. Будут и у нас на службе самолеты и вертолеты. Я дал уже заявки на них, — уверенно заявил Кирьянов.

— Вертолет нам необходим, он очень облегчит нам работу по контролю рек и морей. Особенно важен дозор над верховьями рек, где идет интенсивная вырубка леса, — говорил Ярмак.

— У нас слишком мягкое, а вернее, либеральное отношение к тем, кто варварски относится к водным и лесным богатствам,— заметил Глухих.

— Верно, Евгений Антонович. Мы слишком деликатничаем с ними,— согласился Кирьянов.— Что для директора штраф в 50 рублей? Буду ставить вопрос о более суровых мерах наказания злостных нарушителей водного законодательства. А пока надо написать председателю крайисполкома докладную записку об истинном положении водных ресурсов края, в том числе и в Краснодаре. Я уже докладывал ему об этом. Но разговор к делу не подошьешь. Не могу никак договориться с нашими руководителями. Хочу повозить их на катере по Кубани, чтобы они воочию увидели, как выглядит река вблизи краевого центра.

Раздался телефонный звонок. Кирьянов взял трубку.

— Слушаю, Иван Егорович? Здравствуйте! Что, опять ЧП на Невинномысской шерстомоечной фабрике?

— Мы с начальником невинномысской гидрохимической лаборатории Анатолием Федоровичем Лыхиним проверяли отстойники фабрики. Они наполнены до краев. Это создает угрозу прорыва сточными водами обвалования накопителей-отстойников. Сотни тысяч кубометров отравленных стоков хлынет на окрестные поля, потом в Кубань. Будет катастрофа. Наше мнение — необходимо приостановить производство хотя бы отдельных цехов, а то и всей фабрики,— звучал в трубке тревожный голос.

— Говорили об этом с директором?

— Он и слушать не хочет об остановке цехов. Что делать, Григорий Васильевич? Положение создалось критическое?

— Ждите меня. Выезжаю немедленно.

Кирьянов вздохнул, положил трубку на рычаг.

— Новая неприятность. Сколько раз мы предупреждали директора фабрики! Я лично говорил об этом в край-

коме и крайисполкоме Ставрополя. Обещали форсировать строительство на фабрике очистных сооружений. А воз и ныне там,— раздосадованно проговорил Кирьянов.

— Я тоже не раз доказывал директору фабрики и заместителю Ставропольского крайисполкома по строительству, что дальше тянуть с очистными сооружениями нельзя. Нужно делать что-то существенное, а они каждый раз перед угрозой прорыва дамбы отделявались полумерами: подсыпают земляной вал и на этом успокаиваются,— сказал Ярмак.

— Леонид Петрович, я выезжаю сейчас же в Невинномысск, а вы тут займитесь докладной запиской на имя председателя крайисполкома.

17

Для Григория Васильевича частые командировки в Ставрополье не были обременительными: в молодые годы он работал там в крайкоме партии.

Белая «Волга» мчится по автостраде Краснодар — Армавир — Ставрополь. По кубанским равнинам и Ставропольскому плато дороги прямы до утомительной скуки, особенно для водителей, однообразная езда невольно навеивает дрему.

— Григорий Васильевич, вы бы рассказали что-нибудь о войне,— просит водитель Петр Пахтусов.

Кирьянов знает, ребята любят слушать про войну и каждый раз просят его об этом. Подумал, перебирая в памяти эпизоды. А их на его фронтовых дорогах было достаточно.

— Наши войска,— начал Кирьянов,— одержав победу на Курской дуге, с боями продвигались на запад. Под го-

родом Тростянец противник, засевавший в низине, встретил наши передовые части плотным огнем пушек и минометов. Последовал приказ. пехоте окопаться на гребне. С высоты было видно, что гитлеровцы вели огонь из леса. Спуск с косогора был крутой. Внизу у подошвы ската, правее и левее дороги, тянулся земляной вал, за ним росли кустарник и редкие деревья. Там и затаился противник.

Пока разведка пехоты изучала обстановку, подошел наш противотанковый полк, которым командовал подполковник Шоничев. Ему доложили обстановку. Наша батарея остановилась недалеко от гребня, ожидая дальнейшего распоряжения. Командир полка, осмотрев низину, что-то сверил по карте, поговорил с разведчиками, только что вернувшимися из балки, где их обстреляли немецкие автоматчики. Шоничев подозвал к себе нашего комбата Давиденко.

— Надо бросить в балку одну, а следом вторую пушку. Они укроются внизу за земляным валом и будут поддерживать огнем пехоту. Первый расчет спускается левее дороги, второй — правее, выдерживая необходимый интервал.

Подполковник глянул на меня, узнал, поздоровался.

— Старший сержант Кирьянов, ваше орудие пойдет первым. Возьмите отсюда хороший ход и как можно быстрее вниз, чтобы вражеские артиллеристы не успели поймать вас в прицел. Укроетесь за земляным валом и будете действовать, сообразуясь с обстановкой. Ваша задача — поддерживать пехоту. Задача ясна?

— Точно так! — ответил я.

— Действуйте.

— Жми на всю железку! — приказал я водителю.

Машина с пушкой на буксире рванулась вперед. Спуск с косогора хоть и был крутой, но ровный. Машина прыга-

ла по целине так, что того игляди опрокинется пушка. Мой шофер Хмара прямо-таки виртуоз.

Проскочили мы метров сто, когда рядом с нами начали рваться снаряды. Но мы благополучно достигли земляного вала, приготовили оружие к бою. По ту сторону вала я увидел пушки, грузовики, повозки, замаскированные ветками. Судя по тому, что немцы не окапывались, можно было догадаться — они не станут здесь долго задерживаться. Лошади обозников стояли в упряжках, пушки прицеплены к машинам, два станковых пулемета за кустами. На нескольких машинах сидели уже автоматчики, видимо, ожидая приказ отступить дальше.

Я встал за наводчика и повел беглый огонь по пушкам противника, по скоплению машин и подвод. Растерявшийся враг не сразу открыл ответный огонь. Смотрю, с косогра, следуя нашему примеру, скатывается второе наше оружие. Мы прикрыли его огнем. Заухали немецкие пушки, в ответ наверху заговорили наши батареи. По склону развернутой цепью скатывалась наша пехота.

— Бой был скоротечный. Противник под прикрытием своих пушек и пулеметов поспешно откатывался на запад,— закончил рассказ Кирьянов...

И снова белая «Волга» ходко катит по глади асфальта, что серой бесконечной лентой пролегла впереди и теряется в туманной дымке полей Ставрополя. По сторонам бегут поля поспевающей пшеницы, цветущего подсолнечника, ряды зеленой кукурузы с саблевидными листьями. Вон на бахче будто кто-то специально разбросал зеленые полосатые мячики. От подсолнечного цвета даже в машину льется густой медовый аромат. Мириады ярко-рыжих головок как по команде повернулись навстречу солнцу да так и замерли в ожидании его выхода. Над полями про-

носятся быстрокрылые ласточки, в вышине, распластав могучие крылья, парят орлы-степняки. Зеленеют лесополосы, придающие полям обжитой вид. Вдоль лесопосадки буйно зеленеют травы, они сейчас в разгаре цветения. От голубых, лиловых, белых, желтых и розовых цветов рябит в глазах. Над цветами порхают нарядные бабочки и жужжат басовитые шмели.

Григорий Васильевич любит степь во все времена года, она всегда по-своему красива. Но особенно хороша она весной, когда зеленым морем широко разольется до самых синих гор. В теплом воздухе звенят хрустальные колокольчики жаворонков, слышен задорный свист перепелов, где-то в брачном танце поскрипывает коростель. Степь весной и летом, если хорошенько вслушаться, всегда наполнена шорохом колосьев, стрекотанием кузнечиков, мелодичным пением степных птиц, а вечером — сюрканьем сверчков.

— С каким бы удовольствием я полежал на траве в тени лесополосы! — говорит Кирьянов.

— Остановить машину? — спросил шофер. — Выбирайте место получше.

— На обратном пути найдем для отдыха укромное место. А сейчас надо поспешать в Невинномысск. Представляешь, Петя, стоки прорвут десятиметровой высоты земляные валы отстойников, и лавина зловонных и ядовитых отходов шерстомойки хлынет вот на такие чудесные поля, ухоженные заботами земледельцев, политые потом, согретые лаской хлеборобов. Погибнут сотни гектаров пшеницы, подсолнечника, кукурузы. Погибнет все живое на их пути, — с чувством сказал Кирьянов.

Стремительно мчится белая «Волга», позади уже остались равнинные поля плодородной Кубани, город Кропоткин, потом Армавир. На Григория Васильевича вдруг нахлынули воспоминания: в молодости он несколько лет ра-

ботал в этом крае, начинал в Невинномысском горьком партии. Потом его перевели в аппарат крайкома. И эта, не всегда и не всюду щедрая на урожаи, маловодная земля так же мила и дорога его сердцу, как и благодатная Кубань. В те годы он объездил и исходил пешком из конца в конец все Ставрополье. И каждый раз, приезжая в этот край, Григорий Васильевич волновался и радовался, что снова видит хорошо знакомые места, где он провел несколько лет своей молодости.

Машина стремится вдаль, туда, где на горизонте синееет гряда Главного Кавказского хребта. Вон уже видны ледники Фишта, а дальше — двуглавого Эльбруса. По сторонам все так же бегут поля пшеницы, цветущего подсолнечника, ровные, хорошо ухоженные рядки кукурузы. Ставропольские хлеборобы не хуже кубанских умеют ценить и холить землю, и она отдает им сторицей...

Григорий Васильевич так погрузился в воспоминания, что не заметил, как машина остановилась у ворот шерстомоечной фабрики. Здесь уже ожидали его начальник невинномысской гидрохимлаборатории Лыхин, старший инженер Иван Шатилов. Из рядового гидротехника после окончания заочного института он вырос до старшего инженера, потом стал заместителем начальника управления.

— Приехали, Григорий Васильевич! — сказал водитель.
— Да?! Быстро.

Невинномысская фабрика — огромное предприятие, поставляющее камвольным комбинатам страны первично обработанную естественную шерсть. После мойки и химической обработки сырой грязной шерсти в воде остается много вредных химических веществ, мелких частиц шерсти, грязи. Фабрика не имела своих очистных сооружений, пользовалась примитивными котлованами, в которых отстаивались сточные воды. Тяжелые частицы оседали на дно, вода фильтровалась естественным путем. В этих кот-

лованах — отстойниках за несколько лет скопилось большое количество загрязненных до предела вод и осадков в виде жидкого ила. Котлованы были обнесены земляными валами, которые местами достигали десятиметровой высоты. Сточные воды вместе с илом вот-вот прорвут земляные преграды.

Григорий Васильевич вместе со своими инженерами обследовал все отстойники. Угроза прорыва земляных валов была вполне реальной. В некоторых местах стоки уже перехлестывали через обвалование.

Кириянов зашел к директору фабрики. Тот встретил его неприветливо, зная, что начальник водоохранного управления пожаловал к нему отнюдь не с дружеским визитом. На приветствие Кириянова ответил вызывающе:

— Ну что, приехал закрывать фабрику? Ничего не выйдет!— С Кирияновым у него неоднократно уже были серьезные разговоры о строительстве очистных сооружений, о ненадежности примитивных отстойников. Кириянов не раз настаивал, требовал, чтобы дирекция приступила, наконец, к строительству водоочистительной системы, проекты которой были уже давно готовы. Однако строительство все откладывалось.

— Товарищ директор, неужели вы не понимаете, что не сегодня, так завтра может произойти катастрофа? Стоки прорвут или размоют дамбы, а они уже стали ненадежными, тогда что будете делать? Кому придется отвечать за вас? Ущерб народному хозяйству будет нанесен громадный, и вы очутитесь на скамье подсудимых. Но страшнее другое. Ядовитыми отходами своего производства вы отравите реку — главную водную артерию Краснодарского и Ставропольского краев, отравите тысячи людей, все живое в реке и Краснодарском водохранилище. Я уже не говорю о том, что тысячи гектаров земли вы лишите плодородия,— говорил Кириянов.

— Ну зачем сгущать краски?— усмехнулся директор.

— Я не сгущаю, а говорю дело.

— Это перестраховка. Столько лет фабрика работала и ничего, а тут ваши работники вдруг панику подняли.

— Поймите, это не перестраховка, а серьезная тревога. Если вы срочно не предпримите что-либо существенное для предотвращения катастрофы, наше управление вынуждено будет ставить вопрос о прекращении производственной деятельности вашей фабрики.— заявил Кирьянов.

— Это вы сделаете только в том случае, если перешагнете через мой труп,— выпалил директор.

— Бросьте говорить глупости. Лучше подумайте, что можно сделать для предотвращения аварии.

— Да вы знаете, что каждый день простоя нашей фабрики—это миллионы рублей убытка государству. Мы снабжаем шерстью сотни текстильных предприятий. У нас на производстве занято пять тысяч рабочих. Кто будет платить им за простой? Я или вы?

Оба—и директор и начальник управления—были каждый по-своему правы. Директор не имел ни морально-го, ни юридического основания приостанавливать производство даже на одни сутки. Кирьянов в свою очередь не имел права допускать, чтобы произошла авария, грозящая тяжелыми последствиями. Он поехал к первому секретарю крайкома, нарисовал ему тревожную картину. Тот выслушал и ответил:

— Производство это союзного значения, и ни я, ни председатель крайисполкома не имеем права отдать распоряжение приостановить его. Вам придется обратиться в свое министерство.

Кирьянов связался с министром мелиорации и водного хозяйства Российской Федерации Корневым. Его не было

на месте. Позвонил министру союзного министерства Алексеевскому. Но он находился в командировке, а без него никто не решится дать распоряжение приостановить работу фабрики. Надо обращаться в Министерство легкой промышленности. Кирьянов шлет туда тревожную депешу. Не получив ответа, решает немедленно вылететь в Москву и там добиться ясности.

А как же с фабрикой? Пока он будет ездить, выяснять в министерствах вопрос, может произойти непоправимое. И Кирьянов идет на смелый шаг, на самую крайнюю меру. Пользуясь правом вето, он приостанавливает производственную деятельность фабрики, пломбирует цеха, а чтобы не сорвали пломбы, оставляет в Невинномысске своих сотрудников Шатилова и Лыхина, садится в самолет и отбывает в Москву...

Пока добирался, кончился рабочий день. Это было в пятницу. Впереди два нерабочих дня. С большими трудностями Кирьянов добыл номер телефона министра легкой промышленности и позвонил ему на дом, проинформировал об угрожающей обстановке на Невинномысской фабрике и приостановке ее производственной деятельности.

— Мне уже сообщил об этом директор фабрики. Он уверял меня в другом. Звонили и из Ставропольского крайкома. Там товарищи согласны с вашим решением. Не преувеличиваете ли вы, товарищ Кирьянов, относительно угрожающей ситуации?— спросил министр.

— Нет, не преувеличиваю. Уверяю вас, товарищ министр, если бы я не принял этих срочных мер, могла произойти катастрофа.

— Не вовремя вы приехали к нам. Работники министерства уже все разошлись по домам. Завтра суббота. Ну добре, если уж дело сделано, завтра же соберу экстренное совещание специалистов. Там и решим, что делать

дальше. Жду вас у себя в министерстве в десять утра. Всего хорошего!

Ночь провел Кирьянов без сна, в тревожном ожидании утра, обдумывая свое предстоящее выступление на совещании у министра. В своих министерствах, союзном и федеративном, ему было легче разговаривать, легче найти общий язык. А тут...

Ровно в десять он был в кабинете министра. Там за столом сидели уже несколько человек. Видно, они собрались тут полчаса назад и успели обменяться мнениями о создавшейся ситуации на Невинномысской фабрике.

— Ага! Вот и главный виновник — товарищ Кирьянов! Присаживайтесь, пожалуйста.

— Прошу извинить. Только я, товарищ министр, не виновник. Я спасаю от затопления сотни гектаров плодородной земли, от загрязнения ядовитыми стоками главную водную артерию Ставропольского и Краснодарского краев, а значит, хочу предотвратить от заболевания инфекционными болезнями тысячи людей,— ответил Кирьянов.

— Вы шуток не понимаете, товарищ Кирьянов.— На симпатичном лице министра добродушная улыбка.— Ну что же, мы готовы выслушать вас в деловой обстановке. Расскажите нам все: что там за надвигающаяся катастрофа? Почему вы приостановили работу фабрики?

Кирьянов знал, что на таких представительных совещаниях выступление должно быть предельно лаконичным и максимально доказательным. За ночь он успел продумать, как лучше, убедительнее доложить о сложившейся на фабрике ситуации. Слушали его внимательно, не сбивали с мысли репликами. Министр все время одобрительно кивал головой, то ли подбадривая Кирьянова, то ли соглашаясь с его доводами. Изредка министр задавал какие-то вопросы, чтобы уточнить отдельные моменты. Кирьянов отвечал на них четко и логично.

Выслушав Кирьянова, министр сказал:

— Так. Все ясно. Ну и что надо предпринимать, чтобы фабрика работала? Верю, что в Невинномысске положение создалось действительно угрожающее. И хорошо, что вы, товарищ Кирьянов, вовремя забили тревогу. Есть такая русская поговорка: пока гром не грянет, мужик не перекрестится. А ведь мы фабрике отпустили большие средства для строительства очистных сооружений. Так ведь?

— Точно!— ответил один из присутствующих и назвал внушительную сумму.

— И если мне не изменяет память, была уже готова проектная документация?

— Совершенно верно.

— Так почему же еще не начато строительство?— голос министра вдруг утратил мягкость и добродушие.

— Говорят, что в крае трудно с подрядными организациями. Это большое строительство.

— Знаю, что немалое. А строить надо.— Министр окинул взглядом участников совещания.— Ну так как же нам быть? Фабрике не рабстать и ждать, пока построят очистные сооружения? Но этим мы вынудим приостановить производство сотен текстильных предприятий, они останутся без сырья. Нет, на этот путь мы не встанем, не имеем права вносить хаос в нашу промышленность. Прошу, товарищи, высказаться по этому вопросу.

Все были такого же мнения: нельзя держать закрытой фабрику в ожидании, когда построят очистные сооружения. Предлагали разные варианты, чтобы предотвратить угрозу прорыва обваливания отстойников. Министр решил: в тот же день послать в Невинномысск специалистов во главе со своим заместителем, чтобы эта представительная комиссия на месте ознакомилась с положением и приняла необходимые меры.

— Комиссии вылететь сегодня же, поскольку время не

терпит. Средства необходимые мы отпустим. А все остальное — подрядчиков, рабочих, технику, материалы найти на месте. А вас, товарищ Кирьянов, попрошу вылететь вместе с комиссией, помочь ей там разобраться в обстановке, ну и оказать помощь, чтобы местные органы приняли все меры для материально-технического обеспечения аварийных работ. Комиссия на месте договорится, чтобы немедленно приступили к строительству очистного сооружения. Все ясно, товарищи?— спросил министр.

— Все ясно!— ответил за всех заместитель министра.

— Товарищ Кирьянов, у вас есть еще вопросы или претензии к нашему министерству?

— Нет.

— Ну тогда в добрый час!

В тот же день комиссия прибыла в Невинномысск, обследовала отстойники.

— Да, положение действительно угрожающее,— сказал заместитель министра.

Вместе с комиссией Кирьянов договорился в крайкоме и крайисполкоме, что строительные организации края бросят все силы на ликвидацию угрожающего положения на фабрике. В понедельник масса людей — специалистов и рабочих, много механизмов уже работали на утолщении и наращивании обвалования отстойников: мощными насосами откачивали отстоявшиеся стоки через специальные фильтры в общегородскую канализацию и на очистные сооружения химкомбината.

Директор ахал и хватался за голову: фабрика ежедневно несла миллионы убытков.

— Зато мы спасли чистую воду реки Кубани, которая дает жизнь двум краям, а может быть, и предотвратили вспышку инфекционных заболеваний, спасли тысячи человеческих жизней. А это дороже миллионов рублей. Но учтите, товарищ директор, это все-таки полумеры. Необ-

ходимо немедленно приступать к строительству очистных сооружений. Ваше министерство на этот счет дало соответствующие указания. А наше министерство и управление возьмут строительство под свой строжайший контроль. Обо всем этом комиссия вашего министерства договорилась уже в крайкоме и крайисполкоме...

18

Когда очистные сооружения для Краснодара были построены, настала пора принимать объект в эксплуатацию. В приемочную комиссию вошли: представитель министерства текстильной промышленности, так как строительство велось за счет хлопчатобумажного комбината, работники строительной организации и другие лица, имеющие отношение к возведенному объекту. От водохозяйственного управления представительствовавал главный инженер Ярмач. Проектировщик доложил о готовности сооружения: его основные работы закончены, систему можно пускать под нагрузку. Возражений не было, и заседание шло к концу. Подрядная организация радовалась, что с плеч свалилась громадная тяжесть. Нелегко давался строителям этот объект. За несколько лет они вынули десятки тысяч кубометров грунта, уложили массу железобетона. Ни у проектировщиков, ни у строителей не было необходимого опыта в сооружении таких очистных сооружений.

Но вот просит слово главный инженер бассейнового управления Леонид Петрович Ярмач. Все члены комиссии с недоверием смотрят на него: что он может сказать и что вообще он понимает в вопросах строительства, тем более таких — первых в краевом центре очистных сооружений полной биологической очистки с пропускной способностью

125 тысяч кубометров сточных вод ежедневно. Однако заявление этого молодого человека произвело впечатление грома среди ясного неба.

— Как представитель бассейнового водоохранного управления заявляю, что не согласен с мнением членов комиссии. Объект в эксплуатацию принять нельзя.

— Что, что? Повторите, молодой человек.

— Я против того, чтобы объект считать готовым для приема.

— Это почему же? — спросил обескураженный подрядчик.

Леонид Петрович Ярмак, не раз бывая на стройке, внимательно ознакомился с нею, с проектом. К этому времени он имел уже ясное представление об очистных сооружениях разного типа, недаром не один месяц работал в управлении экспертом по этому виду строительства. Ярмак видел, что в проекте допущены грубые просчеты, настаивал в свое время, чтобы подрядчик исправил ошибки. Но с его мнением тогда не захотели считаться.

Теперь же на вопрос докладчика Леонид Петрович ответил общими словами:

— Я внимательно ознакомился со строительством и пришел к твердому убеждению — оно еще не готово, его надо доводить.

— А почему вы так убеждены? Давайте конкретнее, — сказал начальник СМУ.

— Ваш мастер участка и прораб знают. Об этом я говорил им еще в процессе строительства, — ответил Леонид Петрович.

— Черт знает что! — злился начальник СМУ. — Вы что, специалист по очистным сооружениям? Вы их строили? Проектировали?

— Нет, я был экспертом по их проектированию, изучал действующие уже системы.

— Ах, вы только изучали готовые, а не строили! Разве это дает вам право ставить вето на готовое сооружение?! — спросил подрядчик.

— Нет, вы послушайте, что он говорит! Сооружение не готово для сдачи в эксплуатацию! — возмущался про-
раб. — Столько лет строили его, вбухали в это миллионы
рублей. И он бракует! Ему, видите ли, не жалко народных
денег, уйму затраченного труда!

— Я не вижу ничего такого, что дает право браковать
работу, — говорит представитель комбината. — Ну, а если
имеются отдельные недоработки, как это часто бывает в
каждом строительстве, можно устранить их на ходу. Са-
ми же торопили нас с этим строительством.

— Да что с ним дискутировать!

— Правильно! Мы люди занятые, нам некогда зани-
маться празднословием. Если все за то, чтобы принять
проект, так чего тянуть резину? — говорил начальник СМУ.

— Дайте же мне высказаться, я ведь тоже член прие-
мочной комиссии, — просит Ярмак. Воспользовавшись на-
ступившим затишьем, он начал излагать свои доводы: —
Во-первых, не подведена резервная электролиния. В слу-
чае прекращения подачи электроэнергии надолго остано-
вятся вся система.

— Это мелочь, — сказал один из членов комиссии.

— Нет, это не мелочь, — возразил Леонид Петрович. —
Кроме того, не проведено комплексное испытание установ-
ленного на сооружении оборудования, практически оно
не готово к приему сточных вод.

Ярмак начал перечислять крупные недоработки, кото-
рые станут серьезной помехой в работе системы. Его все
время перебивали, не давали развить мысль, шумели, ста-
рались сбить с толку, торопились подписать приемочный
акт. Ну что значит этот молодой человек против таких
специалистов, как они?! Приемочный акт был подписан.

В нем не было только подписи представителя бассейнового управления.

Леонид Петрович обо всем доложил своему начальнику. Кирьянов внимательно выслушал его, вникая во все детали, и согласился с ним. Сам по образованию строитель, он понимал, что очистные сооружения не готовы для эксплуатации. Кирьянов, как и Ярмак, держал все время под своим контролем их строительство. Жаль, что строители не прислушивались к настойчивым требованиям Ярмака — по ходу строительства кое-что существенно изменить.

— Вы правы, Леонид Петрович. Но учтите, ваше возражение, а вернее, ваше вето будет встречено в штыки не только комиссией. Вам надо хорошо подготовиться к разговору в горисполкоме, а может, и повыше. Нужны очень веские доказательства.

Ярмак еще и еще раз продумал все вопросы, все взвесил, проверил свои выкладки.

Конфликт был перенесен сначала в горисполком. И там не могли договориться. Ярмак стоял на своем, рьяно приводя конкретные доказательства, и кое-кто начал сомневаться в своих скоропалительных заключениях.

Вскоре конфликт был перенесен в краевой комитет партии. Там представитель хлопчато-бумажного комбината, начальник СМУ, проектировщик, подрядчик и прораб пытались навязать секретарю крайкома свою точку зрения, убеждали, что надо принять сооружение, а недоделки устранять на ходу. Однако секретарь, ведающий вопросами строительства в крае, будучи сам инженером-строителем, согласился с доводами Ярмака. Он считал, что и строители, и проектировщики допустили ряд крупных просчетов в сооружении очистной системы, и понимал, что значит сдавать объект в незавершенном виде.

Очистную систему пришлось переделывать. Работы ве-

лись круглые сутки в течение года. Хорошо, что подрядная организация перед подписанием приемочного акта не поторопилась перевести рабочих и технику на другие очередные объекты. Теперь после переделки очистное сооружение было принято единогласно, все системы работали нормально.

Действующие очистные сооружения в Краснодаре занимают сейчас площадь в несколько гектаров. Сначала производственные хозяйственные стоки направляются на решетки-дробилки, там отбрасываются все крупные компоненты — щепы, тряпье, бумага, всякий мусор, оттуда поступают на песколовку и далее в первичные отстойники. Затем стоки попадают в аэротенки — огромные бассейны, где из донных труб с отверстиями поступает воздух — необходимый кислород, который нагнетается мощными воздуходувками. Под его действием стоки в бассейнах все время бурлят, как при кипении. Здесь биологическая очистка грязных вод осуществляется микроорганизмами, которых насчитывается несколько десятков видов. Бактерии — незаменимые помощники человека, для их жизнедеятельности необходим воздух. Одни из них пожирают или разлагают нефтепродукты, другие — кислоты, третьи — жиры, четвертые — щелочи и так далее.

Так примерно выглядит упрощенная схема полной биологической очистки сточных вод на краснодарских городских очистительных сооружениях. Но сточная вода, пройдя через эту систему, хоть и не содержит вредных компонентов, все же имеет темный цвет. Этот недостаток тоже будет в будущем устранен. Очистная система после приема целый год подвергалась существенным изменениям, совершенствовались отдельные технологические процессы. На линии первичной технологической обработки сточных вод

есть специальные грабли, дробилка, транспортер. Работа в этом цехе была самой тяжелой, рабочие не могли здесь долго находиться из-за резких запахов. Но то, что недоделали проектировщики и строители, уже в ходе работы очистной системы исправили рационализаторы.

Слесарь Иван Емельянович Коневец вместо грабель, дробилки, транспортера использовал шаровую мельницу, которая высвободила восемь человек и этим существенно облегчила труд рабочих. Другой слесарь Николай Петрович Авдеев предложил очищенную воду использовать для охлаждения воздухонагревательных установок. В процессе действия очистной системы рабочие-рационализаторы усовершенствовали и хлорирующую установку. Мастер Анатолий Иванович Лола разработал эффективный способ очистки от накипи паровых котлов. Теперь рационализаторы трудятся над тем, чтобы использовать в котельной горячий газ метан, образующийся при очистке сточных вод, что обещает дать производству немалую экономию. Главным энергетиком Вячеславом Борисовичем Олисько внедрена схема автоматического запуска воздуходувок при временном отключении электроэнергии.

Строительство очистных сооружений обходится недешево. Но при нормальной работе это окупается. Например, на Украине в большом промышленном городе Лисичанске с большим количеством металлургических производств сооружен мощный комбинат по очистке промышленных и прочих стоков. Это дорогостоящее сооружение теперь не только окупил затраты на строительство, но и принесло миллионные доходы за один год. Стоки, пройдя сложный технологический цикл очистки, выходят настолько чистыми, что в них можно разводить рыбу, их используют в производстве для всевозможных нужд. По своим качествам эта очищенная вода близка к питьевой.

Технологическая установка лисичанского комбината из

грязных стоков отбирает много ценного вторичного сырья—мазут, жиры, различные металлы и минералы, которое используется в производстве.

Краснодарское очистное сооружение тоже рентабельно. Каждое производство, чьи стоки оно перерабатывает, платит ему по 13 копеек за кубометр. Используется как отличное удобрение отстоявшийся на дренажных отстойниках ил.

С помощью краевых партийных и советских органов и по настоянию бассейнового управления решено построить более мощные очистные сооружения полной биологической очистки с пропускной способностью в сутки 275 тысяч кубометров. Строительство финансируется за счет долевого участия различных ведомств и министерств.

И все же возводилось это сооружение поначалу медленно. Управлению приходилось все время торопить строителей, а это далеко не всегда приводило к нужным результатам. И только опубликование постановления Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по предотвращению загрязнения бассейнов Черного и Азовского морей», наконец, ускорило строительство этих очистных сооружений: нашлись и материалы, и рабочие, и техника.

19

Еще несколько лет назад Кирьянов договорился с председателем Ставропольского крайисполкома, чтобы на одной из сессий краевого Совета народных депутатов был поставлен специальный вопрос: «О состоянии водного баланса в крае». Сделать доклад на сессии поручили заместителю председателя Будыке. Материал для доклада готовили работники бассейно-

вого управления: Сугаков, Докутович, Лыхин и Тягло.

— По расчетам советского ученого-эколога А. И. Львовича, человечество в год сбрасывает в водоемы 450 кубических километров загрязненных вод,— говорил докладчик.— На разбавление этих загрязненных вод расходуется около сорока процентов всех мировых запасов. Ученые подсчитали: количество очищенных вод к 2000 году увеличится в пять раз, а объем сточных вод к этому времени возрастет в десять — пятнадцать раз. Следовательно, объем загрязненных вод возрастет в три раза. Неутешительные цифры!

А теперь от глобальных водных проблем перейдем к нашим, ставропольским. Посмотрим, как мы сохраняем чистоту своих вод,— продолжал докладчик. Его слушали с большим вниманием.— Наше Ставрополье хуже своих соседей обеспечено атмосферными осадками и водными ресурсами. В расчете на душу населения Краснодарский край и Ростовская область имеют в год примерно по четыре тысячи кубометров, а наше Ставрополье — в половину меньше. Основные водные артерии у нас — реки Кубань, Кума да Подкумок. Ставрополью не хватает примерно одного кубического километра воды в год для орошения полей, обводнения и водоснабжения населения.

Водные ресурсы далеко не удовлетворяют нужды края. До пятидесяти процентов воды для населения и нужд животноводства приходится возить за 30—35 километров, на что ежегодно тратятся миллионы рублей.

Но и имеющиеся водные ресурсы мы еще расходует порой не по-хозяйски. Водопроводные сети не ремонтируются и потому плохо действуют. В Кубань, Куму, Подкумок сбрасываются загрязненные промышленные и бытовые сточные воды. Гибнет много рыбы.

В Ставрополье немало засушливых районов, где без

полива не вырастишь урожая. Но неумелое орошение в колхозах часто заболачивает почву.

Ставрополье — край развитого овцеводства. Дважды в год овец моют гексохлораном и креолином. Значит, дважды в год овцеводы сбрасывают в реки огромное количество этих ядовитых веществ.

Докладчик привел еще массу тревожных фактов.

— На что же мы можем рассчитывать в перспективе, чтобы увеличить наши водные ресурсы? — продолжал он. — Сейчас разрабатывается проект переброски стока Волги в бассейн Дона, Кубани и Терека. По подсчетам Гипроводхоза, в бассейн Кубани может войти 2,7 кубических километра воды для орошения 350—400 тысяч гектаров. Но это будет нескоро, на строительство сложных гидротехнических сооружений нужно время, большое количество материалов, денежных средств... Следовательно, в настоящее время нам надо очень бережно относиться к своим водным ресурсам. «Вода — это не просто минеральное сырье, не только средство для развития хозяйства, — как говорил академик Карпинский, — но и действенный проводник культуры. Это — живая кровь, которая создает жизнь там, где ее не было».

Так обстояло дело в Ставрополье, бедном естественными водными источниками, несколько лет назад. А как же теперь?

В последние годы при непосредственном участии подразделений бассейнового управления в Ставрополье, Невинномысске, Минеральных Водах, Кисловодске, Железноводске построены или заканчивается строительство водоохраных сооружений.

— В трудном и сложном деле охраны водных ресурсов в нашем крае лед уже тронулся, — говорит заместитель начальника Азово-Черноморского управления по Ставро-

польскому краю Николай Андреевич Сугаков.— Прошли те времена, когда мало кто считался с водоохранной инспекцией. Партия и правительство заставили хозяйственников считаться с нашим братом, наделив нас большими правами. Без нашего непосредственного участия и контроля не обходится ни начало проектирования нового объекта, ни его финансирование, ни сдача готового объекта в эксплуатацию. Коллектив у нас уже сложившийся, дружный, работоспособный. Руководят им квалифицированные и энергичные инженеры. Особенно хочется отметить начальника ставропольской гидрохимической лаборатории Владимира Егоровича Докутовича, знающего и любящего свое дело. Он отличный специалист и организатор. То же можно сказать о начальнике кавминводской ГХЛ Иване Иосифовиче Тягло и о других командирах производственных подразделений. Нет, нелегко было нам ломать лед, налаживать водоохранную деятельность в Ставрополье.

Коммунист Николай Андреевич Сугаков — опытный инженер-химик, имеющий большой опыт практической работы на различных производствах. Ему приходилось быть и химиком-технологом, и начальником конструкторского бюро.

— Теперь о маловодном крае не скажешь того, что было сказано несколько лет назад на сессии краевого Совета заместителем председателя крайисполкома Будыко. Наведен порядок пользования подземными водами, разработаны мероприятия по уменьшению расхода чистой воды на технические нужды, установлены лимиты для промышленных предприятий.

— Конечно, это пока первые шаги,— продолжает Сугаков.— Есть еще немало недоработок и упущений в контроле за водными ресурсами, не налажен, например, учет забора воды из источников в сельском хозяйстве, основном потребителе воды.

Но главное — лед уже сломан. Теперь Ставрополье не назовешь безводным краем; возведены три крупных водохранилища — Новотроицкое, Сенгелеевское и Егорлыкское. Строится Большой Ставропольский канал протяженностью 480 километров, который будет проходить по безводным районам.

По совету министра мелиорации и водного хозяйства РСФСР К. С. Корнева областной Совет народных депутатов Ставрополя провел специальную сессию о состоянии водных запасов в крае. Министр и сам выступал на сессии с обстоятельной речью, в которой наметил ряд конкретных мероприятий по улучшению водных ресурсов в крае.

У подножия Эльбруса, под громадами вековых ледников из бурных водопадов и шумных ручьев с хрустально чистой водой родилась красавица Кубань. Она образовалась от слияния двух высокогорных рек Уллукам и Учкулан на высоте 3 тысяч метров. Вырвавшись на простор из горных теснин, река стремительно мчится к Азовскому морю, вбирая в себя почти на тысячекилометровом пути многочисленные горные реки и ручьи.

Много песен и сказаний, веселых и грустных, сложено о буйной и своенравной Кубани. В дни половодья Кубань заливала казачьи станицы и адыгейские аулы, губила нивы. По мутно-желтому водному раздолью плыли к морю кровли разоренных хат и саклей, копны сена, деревья, вымытые с корнями, всякое добро, подхваченное в затопленных станицах, аулах и хуторах.

Советские гидростроители с помощью могучей техники утомили своенравную Кубань. На ее извилистом тысячекилометровом русле соорудили железобетонные плотины и стальные шлюзы, бетонные каналы и пустили воду взнузданной реки на безводные степи Ставрополя, на

рисовые поля Краснодарского края. Гордая Кубань покорила человека, его разуму и трудолюбию и теперь несет не разорение, а богатство, плодородие полям. В верховьях Кубани ее воды четко распределяет двум соседним краям специальное гидротехническое устройство, а контроль за регулированием воды осуществляют работники Азово-Черноморского бассейнового управления.

Река Кубань питает несколько обводнительно-оросительных систем. И главная среди них — Большой Ставропольский канал, который называют рукотворной рекой. Это одна из крупнейших гидросистем в Советском Союзе, которая оросит 210 тысяч гектаров засушливых земель и обводнит 2,6 миллиона гектаров Черных степей. На территории, входящей в зону Большого канала, проживает около полумиллиона человек, и производят они сорок процентов продукции Ставропольского края.

На всем протяжении магистральной трассы, которая пройдет по естественному уклону Ставропольского плато, не будет ни одной насосной станции, перекачивающей воду. Оросительно-обводнительные каналы преобразили и еще больше преобразят засушливое маловодное Ставрополье.

Красавица Кубань дает жизнь огромному краю. Уже в верховьях, в своих истоках, она как бы меняет природу, создает живописные ландшафты.

В прекрасных местах Теберды, Домбая, Архыза круглый год можно встретить массу отдыхающих и туристов.

Обширные районы Верховий Кубани от Теберды до Лабы еще в 1936 году объявлены государственным заповедником.

— Большой поток туристов, отдыхающих, развитие промышленности, быстрый рост городов и поселков, их благоустройство создают необходимость строгой охраны

верховий Кубани от загрязнений,— говорит начальник верхнекубанской гидрохимической лаборатории Анатолий Федорович Лыхин.—Наша задача—сохранить красоту, чистоту воды в реке, не допускать, чтобы она превратилась в мутный безжизненный поток. Мы ведем широкую пропаганду среди местного населения и отдыхающих о необходимости охранять природу.

Наша лаборатория не случайно находится в Невинномысске. Это город химиков, наиболее крупный промышленный центр Ставрополя. В районе Невинномысска Кубань перекрыта плотиной, разделяющей воды реки. Основная масса воды направляется на север, в засушливые районы Ставрополя, Калмыкии и Ростовской области. Остальная часть реки уходит на запад, в Краснодарский край.

Коллектив нашей лаборатории небольшой, всего 15 человек, но дружный и работоспособный, и задачи перед ним стоят немалые,— продолжает Лыхин.—Воды рек загрязняются не только промышленными и бытовыми стоками, но и животноводческими фермами. Так уж истари сложилось, что большинство ферм, стоянок скота в горах и на равнинах расположены по берегам рек и ручьев, что приводит к прямому загрязнению водных источников. Конечно же, ликвидировать эти объекты загрязнения сразу невозможно. Но мы не должны допускать строительства новых животноводческих ферм и особенно комплексов на берегах рек.

Сельское хозяйство в Ставрополье, как и в Краснодарском крае, остается опасным источником загрязнения водоемов. Много вреда приносит рекам неумелое пользование ядохимикатами, особенно при распылении их с самолетов.

А сколько непоправимых бед в горных реках происходит от лесозаготовок! О том, что давно пора прекратить

в верховьях Большой Лабы валку леса, неоднократно писала центральная и краевая печать. Посмотришь, как идет заготовка леса, и сердце кровью обливается. Спеленные деревья-великаны по склонам гор тракторы тащат волоком к месту разделки. Разрушается растительный слой, грунт размывается дождями, образуются овраги, по которым бегут грязные ручьи. В период дождей горная река с прозрачной как слеза водой превращается в мутный поток.

Для строительства нужен гравий. И строители часто вместо того, чтобы найти этот гравий в горах, открыть там карьеры, берут его непосредственно из русла реки. Это разрушает естественное ложе реки, нарушает водный слой, питающий родники и ручьи. Река с этого постепенно мелеет и угасает.

Нашему небольшому коллективу хватает хлопот. Существенную помощь нам оказывают работники Тебердинского заповедника, лесхозов, пионеры и школьники. Трудимся мы в тесном контакте с работниками рыбоохраны, санэпидстанции...

20

Главный инженер бассейнового управления Леонид Петрович Ярмак написал на имя председателя крайисполкома докладную записку о том, в каком состоянии находятся водные ресурсы Краснодарского края и что необходимо предпринять для их охраны от загрязнения. Он писал, что в крае повсеместно нарушается водное законодательство, подтверждая это конкретными фактами. Затягивается строительство очистных сооружений в городе Ейске. Неудовлетворительно идет строительство водоочистных сооружений в городах Анапе, Геленд-

жике, Туапсе, Горячем Ключе, Темрюке, Славянске-на-Кубани, Крымске...

В конце докладной записки главный инженер просил председателя крайисполкома принять необходимые меры для ускорения строительства очистных сооружений. В ответ на тревожные сигналы Ярмаку позвонил начальник управления капитального строительства крайисполкома:

— Председатель крайисполкома ваше письмо переадресовал мне с резолюцией для принятия мер. Ну что же, будем принимать меры, как говорится, в меру своих возможностей.

— Как это надо понимать?

— Очень просто. Скоро сказка сказывается. Разве неизвестно вам, что мы по краю из года в год не выполняем план строительства? Не в силах осваивать отпускаемые для этих целей ассигнования. У нас знаете сколько всего объектов?

— Знаю. Много.

— Если мы не обеспечим строительство промышленных объектов, с нас сдерут три шкуры...

— А за очистные сооружения?— спросил Ярмак.

— Ну, тоже поругают. Словом, меры предпринимать будем.

Ярмак доложил об этом Кирьянову, когда тот вернулся из командировки.

— Ничего, не падайте духом, Лесонид Петрович. Будем их поторапливать. Главное — сломить психологический барьер. Я напишу еще докладную на имя первого секретаря крайкома. Он поддержит нас.

«Заказчиком строительства очистных сооружений,— писал в докладной Кирьянов,— является управление капитального строительства крайисполкома. Работает оно без нужного графика, часто распылает средства и материалы, затягивает строительство на многие годы.

Необходимо создать специализированные заводы для строительства труб, оборудования и т. п.».

Григорий Васильевич давно собирался пройти на катере по Кубани с руководителями Краснодара, показать им, что значит сбрасывать в реку без очистки тысячи кубометров стоков только в черте краевого центра. И вот, наконец, катер бассейнового управления, приняв на борт секретарей крайкома и горкома партии, руководителей исполкома, отчалил от берега. Легко преодолевая встречное течение, катер направился на юг. Направо — коллективные сады за высокой земляной дамбой, налево — пристань, западная окраина города. Город постоянно растет, сейчас он раскинулся вдоль Кубани на десятки километров, а его набережные улицы остались почти такими, какими были до революции. Река, омывающая город с трех сторон, не входит в архитектурный ансамбль краевого центра. Это лишний раз свидетельствует, что архитекторы проявляют мало интереса, чтобы в краевой центр вписывались благоустроенная набережная Кубани и озеро Карасун. А ведь без этого облик города много теряет.

— Вот смотрите, это самый опасный выброс сточных вод, — показал Кирьянов. — Отсюда сбрасываются все водные отходы из центральной части города — заводов, больниц, государственных учреждений, жилых кварталов. Представляете, сколько пакостных микробов содержат эти стоки!

Из мрачной пасти канализационного коллектора извергалась в реку мутно-серая жидкость. Некоторое время она держалась обособленно в речной воде, словно река не хотела принимать ее в свое лоно.

Партийные и советские работники смотрели на мутный поток и сокрушенно качали головами, не высказывая вслух своего возмущения, ибо доля вины лежала и на их совести.

— Что же может выжить в реке, если в нее ежедневно поступает столько отходов?— говорит Кирьянов.— А ведь в Кубань весной идет на нерест и рыбец, и шема, и осетровые. Кубань большую часть своего стока отдает засушливому Ставрополю. Учтите, что 80 процентов водного баланса в городах идет на нужды промышленных предприятий. Надо учесть и то, что в городах, в том числе и в Краснодаре, от неисправностей водопроводной сети под землей теряется большое количество питьевой воды.

Председатель горисполкома посмотрел на начальника водопроводно-канализационного управления.

— Это уже по твоей части.

— Вы, Григорий Васильевич, преувеличиваете относительно утечки водопроводной воды,— ответил тот.

— Нисколько не преувеличиваю. На некоторых улицах по несколько суток подряд текут реки водопроводной воды. Мы же не только следим за степенью загрязнения источников, но учитываем и регулируем забор воды для нужд промышленности и населения,— сказал Григорий Васильевич.

— Кирьянов прав. Утечка воды у нас в городе большая,— заметил председатель горисполкома.

— Нами принимались конкретные меры, мы докладывали вам о них,— парировал Кирьянов.

— Да, было, конечно. И все-таки... Будем готовить сессию по вопросам охраны водных ресурсов.

Небольшая поездка по реке на катере дала немалые результаты. Вскоре на одном из пленумов Краснодарского комитета партии состоялся большой разговор о состоянии водных ресурсов города, о мерах борьбы с их загрязнением, о рациональном водопользовании. Было принято постановление о формировании строительства в Краснодаре второй очереди очистных сооружений,

Начальник управления Кирьянов получил от инспектора Боровикова докладную записку, в которой тот сообщал, что на побережье Черного моря от Тамани до Геленджикского района включительно выявлено много турбаз, которые сбрасывают стоки в море прямо с берега.

«Не раз предупреждал я директоров турбаз, что мы не можем мириться с таким безобразием. И наконец, вынужден был официально заявить хозяйственникам и местным Советам, что если в ближайшие дни они не примут мер по устранению загрязнения моря, наше управление будет вынуждено закрыть все эти базы. Мое заявление вызвало взрыв негодования. На меня хлынул поток жалоб и даже угроз со стороны тех, кто чувствует за собой вину».

Григорий Васильевич много раз подвергался яростным наскокам администраторов, когда дело доходило до закрытия турбазы, дома отдыха, предприятия. На этот раз он позвонил начальнику новороссийской гидрохимлаборатории Сысоеву, чтобы тот собрал представительную комиссию и еще раз тщательно проверил указанные Боровиковым турбазы.

Пока работала комиссия, Василий Павлович Боровиков отражал нападки директоров турбаз. Его вызвал на беседу заместитель председателя райисполкома.

— Вы серьезно предупреждаете о закрытии наших турбаз?— спросил он, сердито рассматривая Василия Павловича, будто видел его первый раз.

— В таких делах какие могут быть шутки?

— Не допустим!

— Не допустите только в том случае, если в ближай-

шее время предупрежденные турбазы не будут загрязнять море.

— Какой вы скорый!

— Я уже не раз предупреждал вас и директоров турбаз, что мы не можем дальше мириться с подобными безобразиями.

— Вы представляете, что значит закрыть турбазы?— спросил заместитель председателя райисполкома, с трудом сдерживая себя, чтобы не наговорить грубостей этому немолодому уже человеку, старому коммунисту.

— Представляю отлично. А вот вы не представляете, что значит из года в год сбрасывать в море всякие нечистоты! Администраторы ваших оздоровительных учреждений, наверное, не понимают, что вместо создания для трудящихся нормальных условий отдыха они подвергают их риску подхватить какую-либо заразную болезнь.

— Вы всегда преувеличиваете, из мухи слона делаете. Мы не позволим чинить произвол в нашем районе,— грозно заявил заместитель председателя райисполкома.

— Не будем об этом спорить. Закончит комиссия обследование ваших турбаз, и тогда вам придется разговаривать с нашим начальником, а может, с кем и повыше,— спокойно ответил Боровиков.

— Знаю вашего Кирьянова. Бездушный формалист.

— Напрасно вы так. Кирьянов охраняет наши воды, которые являются народным достоянием.

— Вы что, грозите нам? Учите уму-разуму своих внуков, если они у вас имеются. Мы не подчиняемся вашим постановлениям,— выпалил зампредрика.

— Тем хуже будет для вас.

Комиссия подтвердила факты, приведенные в докладной инспектора Боровикова. Кирьянов выехал на место, проверил ряд турбаз и убедился в правоте Боровикова.

После этого он встретился с председателем райисполкома и договорился провести совещание с директорами турбаз, которые не заботятся о чистоте моря, не соблюдают элементарной санитарии.

На совещание Кирьянов пригласил секретаря райкома и всех должностных лиц, чья деятельность связана с врачебной и санитарной службой. Он познакомил собравшихся с Водным кодексом РСФСР, зачитал акт комиссии, обследовавшей 80 турбаз в зоне Черноморья. Выводы комиссии были строги: закрыть турбазы, которые грубо нарушают водное законодательство, допускают вопиющую антисанитарию.

Председатель райисполкома вел себя вызывающе, всячески давал понять, что он игнорирует заключение комиссии.

— Вы не посмеете закрыть столько баз отдыха, в том числе и нашего района!— безапелляционно заявил он.

— А мы уже это сделали,— ответил Кирьянов.

— Как это — сделали? Без нашего ведома?

— Мы предупредили курортное управление и ВЦСПС, чтобы они не распространяли путевки на эти турбазы. А сегодня опломбируем их.

— Не дадим!

— Будете иметь дело с прокуратурой. Не понимаю, почему вы так упорствуете? Ведь это грубое нарушение — загрязнять море в районе детского курорта. Неужели вас не тревожит судьба десятков тысяч наших детей?

— Хватит читать мораль!— выкрикнул директор одной из турбаз.— Мы по горло сыты этим благодаря стараниям вашего неистового Боровикова!

— А вам, товарищ Петров, надо думать не только о том, сколько будет продано путевок и выручено денег, но также и о здоровье туристов. Никто не давал вам права допус-

кать на территории турбазы антисанитарию. Мы с Василием Павловичем осмотрели ваше заведение. Общественная уборная выгребного типа стоит на самом берегу, содержится в ужасном состоянии. Всюду мусор, битые бутылки. А ведь не наступил еще разгар летнего сезона. Во что превратится ваша турбаза летом?

— Это неправда!— с жаром воскликнул директор.

— Если считаете выводы комиссии тенденциозными и необъективными, давайте отправимся на вашу турбазу и проверим, в каком состоянии она находится,— заявил Кирьянов.

— На все наши законные требования — навести хотя бы санитарный порядок в хозяйстве — они отвечают одними обещаниями,— в сердцах добавил Василий Павлович Боровиков.

— Враки! Наговоры!— не унимался Петров.

В разговор вмешался секретарь райкома, который молча выслушивал обе стороны.

— А вы помолчали бы, товарищ Петров. О том, что на вашей турбазе нет порядка, знают все.

— Давайте подумаем и договоримся сообща,— сказал Кирьянов,— что будем делать дальше с турбазами, не соблюдающими Водный кодекс РСФСР? Наше управление не разрешит вам дальше загрязнять море. Если вы в ближайшее время не начнете строить очистные сооружения, не наведете порядка на турбазах, мы будем вынуждены ставить перед правительством вопрос о привлечении вас к строгой ответственности.

— Вы хотите, значит, лишить возможности лечиться и отдыхать на нашем курорте сотни тысяч, а может, и миллионов трудящихся и их детей,— сказал председатель райисполкома.

— Не будьте слишком самонадеянны. Партия и правительство не допустят, чтобы прекрасный бальнеологи-

ческий курорт превратился в мусорную свалку. Считаю нелишним довести до вашего сведения некоторые статьи из Основ водного законодательства СССР и союзных республик. Знаю, все вы люди деловые, и у вас подчас не хватает времени не только изучать, но и читать эти законодательства. Статья 31 гласит: «Пользование водными объектами для сброса промышленных, коммунально-бытовых, дренажных и других сточных вод может производиться с разрешения органов по регулированию использования и охране вод после согласования с органами, осуществляющими государственный санитарный надзор, охрану рыбных запасов и другими заинтересованными органами.

Сброс вод должен соответствовать установленным стандартам.

В противном случае он категорически запрещается вплоть до прекращения деятельности отдельных промышленных установок, цехов, предприятий, организаций, учреждений».

Директора турбаз сразу присмирели. Притих и председатель райисполкома. Статья из Основ водного законодательства, видимо, произвела на них сильное впечатление.

— А вот статья 46 из того же документа: «Самовольный захват водных объектов или самовольное водопользование, забор воды с нарушением планов водопользования, загрязнение и засорение вод, ввод в эксплуатацию предприятий, коммунальных и других объектов без сооружения очистных устройств, предотвращающих загрязнение и засорение вод или вредное воздействие и так далее,— строго карается законом. Виновные несут уголовную или административную ответственность в соответствии с законодательством СССР и союзных республик».

— Что же нам делать?!— воскликнул председатель райисполкома, схватившись за голову.

— Немедленно приступать к строительству очистных сооружений,— ответил Кирьянов.

— Ха, немедленно приступать к строительству! Будто у меня в кармане имеется для этого миллион, строительные материалы, рабочие руки, техника. Да вы, товарищ Кирьянов, представляете себе, во что обойдется нам это строительство?

— Отлично представляю.

— Разве мы,— председатель райисполкома указал на секретаря райкома,— не ставили вопрос перед крайисполкомом о выделении нам средств на строительство очистных сооружений?! Это может решить только Москва. А там нам отвечают: подождите.

— А вы докажите, что ждать дальше нельзя. Сошлитесь на постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР об охране от загрязнения Черного и Азовского морей. Поставьте в известность, что наше управление закрыло ряд баз отдыха. Думаю, что сейчас будет легче договариваться об отпущении вам средств на строительство очистных сооружений,— сказал Кирьянов.

В заключение выступил секретарь райкома. Он сказал, что водоохранное управление вправе требовать от всех, кто причастен к загрязнению вод, неукоснительного соблюдения водного законодательства.

— До начала курортного сезона мы обязаны навести образцовый порядок на всех турбазах, в пионерских лагерях, домах отдыха, пансионатах, санаториях. Райком берет это под свой контроль. Надо очистить от мусора пляжи, все берега моря, омывающие наш район, категорически запретить сбрасывать в море мусор и сточные воды. Мы с райисполкомом вынесем по этому поводу специальное решение, будем наказывать виновников. Председателю райисполкома необходимо срочно подготовить материалы и выле-

теть в Москву. В общем, нужно принять все меры, чтобы добиться ассигнований для строительства очистного сооружения...

Григорий Васильевич считал, что ему повезло в подборе кадров. Вот хотя бы Василий Павлович Боровиков, «неистовый инспектор», как его называют многие хозяйственники зоны, которую он обслуживает. Не личная корысть, а любовь к людям, к природе заставляет этого далеко не молодого человека инспектировать огромный участок от Темрюка до Туапсинского района. Однажды он заявил Кирьянову:

— Если бы мне отказали в зарплате, все равно я продолжал бы работать.

Куда только не бросала судьба Василия Павловича Боровикова, кем он только не работал! Вожатым пионерских отрядов, чернорабочим. Весной 1921 года тринадцатилетний мальчуган в родном селе Золотой Затон с отрядом ЧОНа участвовал в ликвидации белых банд. Трудился в Волжском пароходстве, служил матросом, без отрыва от производства учился в политехническом техникуме водного транспорта, потом окончил транспортно-экономический институт в Москве и занимал ряд ответственных постов на речном и морском флоте...

22

...Уроженец Поволжья, Василий Павлович Боровиков любит южное море, солнечный город-курорт с его мягким климатом. Выйдет летом на золотистый пляж, а там на ласковом песке загорают и плещутся в теплой воде тысячи ребят. Смех, крики, беготня. Сколько радости у детворы!

Стоит Василий Павлович на берегу, с доброй улыбкой смотрит на детей и думает: «Ради этого шумливого непоседливого народа стоит побороться за чистоту моря». Потом не спеша обходит он прибрежную зону, где обосновались пионерские лагеря, турбазы, пансионаты, кемпинги, дома отдыха, санатории. Его внимательный глаз замечает то, на что другой человек, возможно, не обратил бы внимания. Возле домов отдыха и санаториев, где за чистотой следят уборщицы, пляжи всегда в порядке, там не увидишь пустых бутылок, бумаг, арбузных корок. Хуже обстоит с этим на турбазах и в автопансионатах: в нос бьет запах бензина и машинного масла, вонь мусорных ящиков, помойных выгребных ям.

Курорт Анапа со всеми своими многочисленными здравницами раскинулся на 37 квадратных километрах. Жителей в городе десятки тысяч. А очистных сооружений здесь нет: обходятся глубоководными выбросами в море сточных вод без предварительной очистки. Зона, на которую распространялся водонадзор инспектора Боровикова, огромна — пять больших районов: Анапский, Темрюкский, Славянский, Крымский и Геленджикский. Транспорта своего нет, приходится добираться к нужному объекту на попутных машинах, а то и пешком.

Вот Василий Павлович остановился в тени деревьев, недалеко от Малой бухты Анапы. На берегу много купающихся, хотя в районе бухты всегда видны пятна тонкой нефтяной пленки. Это с обрыва из грунта просачивается нефть, ее сверху можно даже заметить по полосе на водной поверхности. Что только ни делали: разрывали грунт, забивали выход нефти бетоном. А она начинала просачиваться в другом месте. Кто-то высказал предположение, что нефть выходит из земных недр. На Таманском полуострове случались такие явления. Еще в прошлом столетии местные жители использовали естественный выход нефти из зем-

ли для смазки деревянных осей телег, упряжи, обуви. Может, и это один из таких выходов?

Василий Павлович после долгих размышлений пришел к другому выводу: где-то из неисправных емкостей нефтепродукты уходят в почву или на каком-то производстве сточные воды содержат нефтепродукты и просачиваются по грунту в море. Вместе со своим активом Василий Павлович начал поиски. Искали долго. На винном заводе стояли два резервуара мазута, каждый емкостью по 150 тонн. Чутье подсказывало Василию Павловичу, что тут и находится источник загрязнения бухты. Но при осмотре емкостей он не нашел никаких признаков утечки мазута.

Василий Павлович узнал, что в 1966 году в Анапе было землетрясение в 3—4 балла. Некоторые здания в городе дали серьезные трещины. Оба резервуара тогда были немного смещены тектонической волной и дали течь. Наружные порывы быстро ликвидировали, но, возможно, в днищах остались трещины, и по ним все время уходит мазут.

Он не ошибся в своих предположениях. После тщательного обследования емкостей были обнаружены небольшие донные разрывы в швах, через них-то и уходили нефтепродукты и попадали в море! Сколько лет продолжалась утечка мазута, сколько лет он загрязнял море! И никто не додумался, куда девался мазут. Ведь знали же, сколько потребовалось его для котельной. И, наверное, кочегары получали премии за экономию горючего.

Инспектор Боровиков составил акт и предупредил директора: если завод немедленно не исправит емкости, дело будет передано в прокуратуру. Как ни уговаривали инспектора оттянуть сроки ремонта резервуаров, Василий Павлович настоял на своем,

Кириянов готовился к очередной планерке, еще раз просматривал тезисы выступления, подчеркивал красным карандашом те вопросы, на которых надо особенно заострить внимание сотрудников. Он придавал большое значение месячным планеркам, на них приглашались все начальники территориальных участков зоны. На этих планерках, а вернее, на производственных совещаниях подводились итоги работы минувшего месяца, намечались новые задачи.

Раздался телефонный звонок.

— Кириянов слушает.

— Здравствуйте, Григорий Васильевич! Знаете, что в Хадыженске ЧП?— сообщил заведующий отделом транспорта и связи Краснодарского крайкома партии Павленко.

— Что за ЧП?

— Порыв магистрального нефтепровода. Нефть бьет мощным фонтаном и грозит попасть в реку Пшиш, оттуда в Белую, потом — в Краснодарское водохранилище и Кубань. Кто-то поджег ее. К порыву нефтепровода нельзя подступиться. Секретарь крайкома дал нам с тобой задание немедленно вылететь к месту происшествия, организовать ликвидацию пожара и утечку нефти. На аэродроме нас уже ожидает вертолет.

Вскоре белая «Волга» мчала Кириянова в сторону аэропорта.

Григорий Васильевич представил себе, что сейчас творится в Хадыжах. По нефтепроводу перекачивают сырую нефть высокого качества из Грозного в Туапсе. Под страшным давлением мощных насосов, зажатая в стальные трубы, она озлобленно шумит, стремясь вырваться на простор. И вот нашла слабое место в стальном панцире и чудовищ-

ным фонтаном ударила в небо. От малейшей искры маслянистая жидкость мгновенно превращается в огненный смерч, и тогда к ней не подступишься. Ад крошечный!

В аэропорт Кирьянов и Павленко примчались почти одновременно. Вертолет был готов к взлету. Только взобрались по трапу в салон, летчик захлопнул дверцу, и мощные моторы заработали на полных оборотах. Кирьянов даже не заметил, как стрекочущая стальная «стрекоза» легко оторвалась от земли, одновременно разворачиваясь в южном направлении.

Вскоре вертолет летел уже над горами. Внизу в лощине видна была его стремительно скользящая тень, впереди — черный дым и языки пламени горящей нефти.

— Давно начался пожар?— спросил Кирьянов у своего спутника.

— Сегодня утром. А может, даже и ночью. Нефть подожгли мальчишки. Три пожарных команды не могут погасить пламя. Сколько гибнет ценного сырья!— ответил Павленко.

— Порыв магистрального нефтепровода — это серьезная авария,— говорит Кирьянов.— Потери нефтепродуктов — еще полбеды, будет страшнее, если нефть попадет в реку, водохранилище, море. Представь себе, Виталий Дмитриевич: всего один миллиграмм нефтепродуктов на один литр чистой воды создает вредную концентрацию для рыбного хозяйства, губит мальков. А для того, чтобы погубить питательную среду молодежи, планктон, требуется всего-навсего одна десятая миллиграмма на один литр воды. Нефть отравляет воду так же, как свинец, цинк, мышьяк, хром, цианиды, ртуть. Вода, содержащая эти вещества в определенных количествах, становится непригодной не только для живых организмов, но и для химических процессов на производствах. Птица, смочившая перья в нефти, погибает мучительной смертью.

— Это так,— согласился Павленко.— Но ведь вода имеет свойство самоочищения.

— Смотри в какой концентрации будет загрязнение. Сильно загрязненная вода мертва...

Нефтепровод Хадыженск—Псекупс протяженностью 46 километров был построен давно. Один из отрезков этой линии в 18 километров был перенесен для удобства в другое место. Перед тем как пустить его в эксплуатацию, было вроде бы все предусмотрено для опробования труб: опрессовка при 60 атмосферах давления, потом пробная перекачка нефти под давлением до 22 атмосфер. Ничто как будто не вызывало опасений. Но когда этот отрезок трубопровода был сдан в эксплуатацию, при осмотре трассы случился порыв линии в трех километрах от города Хадыженска на склоне балки Карач. Много кубометров нефти растеклось по склону и ушло в балку. В это время в горах шли проливные дожди. Мутные потоки воды понесли за собой нефть по дну балки в реке, чего своевременно никто не заметил.

Но вот ветер развеял над горами дождевые тучи, и в чистой лазури неба засияло солнце. На дне балки вдруг забушевало грозное пламя, к небу потянулись черные клубы дыма.

Когда Кирьянов и Павленко прибыли к месту происшествия, пожар был в разгаре. Гудящее пламя добралось до двух железнодорожных мостов. Загорелись шпалы и деревянный настил для пешеходов. Три пожарные команды не могли унять бушующего пламени. Аварийная команда спешно насыпала две плотины, чтобы перегородить балку и не допустить нефть к реке. Земляные работы велись вручную: ни одного бульдозера, ни одного экскаватора.

— Где же ваша техника?— спросил Кирьянов бригадир аварийной команды.

— Техника?— Бригадир показал на лопату.— Вот и вся наша техника.

— Необходимо немедленно мобилизовать население ближайших населенных пунктов,— сказал Кирьянов.

Вместе с Павленко они отправились в Хадыженск. Вскоре к месту пожара начали прибывать на грузовиках люди, вооруженные лопатами. Работа по насыпке дамбы пошла значительно быстрее, она длилась всю ночь при свете автомобильных фар.

Из Краснодара приехали инженеры Ярмак и Глухих и возглавили земляные работы. Они не только руководили, но и наравне со всеми сами всю ночь орудовали лопатами, пока не прибыли экскаваторы, самосвалы и другая техника. К утру путь нефти к реке был прегражден двумя надежными дамбами.

Ярмак и Глухих вернулись в город с забинтованными руками. Во время работы они не заметили, как держакими лопат натерли на ладонях кровавые водянки, которые полопались...

— А ведь это был мирный бой за воду,— сказал Кирьянов.— С боевым крещением вас!

Пожар в Хадыжах напомнил Кирьянову далекое сражение на опушке урочища Толстое, где трое суток громыхал смертельный ураган огня, свинца и стали. На поле поспевающей пшеницы от метких залпов советских артиллеристов-истребителей черным пламенем полыхали вражеские танки, окрест горели села, лес...

Вечерело, когда утих бой. Кирьянов в изнеможении упал возле орудия вниз лицом. Не было сил шевельнуть ни рукой, ни ногой. Чувство голода уже притупилось, но жажда была чудовищной, горечь в пересохшем рту. Охва-

тило равнодушие ко всему. Усталость, бессилие, гнетущее чувство тоски, одиночества и обреченности. Ни мысли, ни желаний. Какая-то апатия ко всему, отрешенность. Глоток бы воды! Только один глоток живительной влаги,— за нее отдал бы полжизни. Но вокруг ни колодца, ни ручейка, ни родника. Вчера с утра пехотинцы бегали в балку, что находилась в трехстах метрах от позиций истребителей. Там на дне оврага блестело малюсенькое болотце, из него солдаты вычерпали котелками всю зеленоватую, мутную, вонючую воду. Когда не стало и ее, черпали ил и сквозь марлю бинта выжимали из него серую жижу и пили. Но и ила вскоре не стало...

Сколько лежал Кирьянов ничком возле пушки рядом с убитыми истребителями танков, он не знал, как бы утратил чувство времени. А вокруг царила мертвая тишина, не менее страшная, чем напряженная канонада. Ни человеческого голоса, ни шороха ветра в траве и листве подлеска, обшарпанного осколками, ни писка птиц. Все будто вымерло кругом. А может, он оглох от непрерывного грохота? Только тошнотворный гнилостный запах да специфический смрад горящих танков. Живы ли Петров, Дружков? Если и сегодня выжили, то долго будут жить.

Григорий Кирьянов лежит рядом с пушкой и гадает: остался ли еще кто здесь в живых? Вдруг чьи-то шаги. Идут двое или трое. Ближе, ближе. Неужели фашисты? При этой мысли он ведрогнул, хотел подняться, чтобы схватить автомат или гранату, что подвернется под руку. Но пришла мысль притвориться мертвым. Иначе если не убьют, то захватят в плен. Шаги замерли недалеко от него. Молчание.

— Это он. Я же говорил. Смотри!

— Жаль парня. Боевой был истребитель.

Петров и Дружков приняли его за убитого, увидев изда- лека лежащим ничком у пушки.

— Гриша! Кирьянов!— крикнул встревоженно Петров.— Убит? Ранен?

Григорий, взявшись за станину орудия, с трудом поднялся, встал на ноги.

— Обессилел,— тихо проговорил он.

— А мы с Виктором решили, что ты убит. Нам повезло. Уцелеть в этом аду — просто чудо.

— Что будем делать дальше?— спросил Кирьянов.

— Дальше нам тут делать нечего. Ни пушек, ни снарядов. Надо быстрее добираться к своим. Боюсь попасть в плен к фашистам,— ответил Петров, озираясь вокруг.

Кроме них, на северной опушке урочища ни души. Куда ни глянешь — подбитые и сожженные танки и самоходки. Наиболее ретивые из них добрались до самой опушки. И всюду воронки.

— Куда все-таки девались люди?— спросил Кирьянов.

— И сам ни черта не могу понять. Не может быть такого, чтобы в живых остались только мы троим. Может, полк Салопова получил приказ сменить позиции?— высказал предположение Петров.— Мы прошли немного в глубь урочища, там много наших разбитых машин и подвод. И всюду трупы, трупы. Но куда же девались раненые?— недоумевал Петров.

— Возможно, легкораненые успели выбраться отсюда, а тяжелораненые без медицинской помощи и воды погибли,— ответил Кирьянов.

— Ой, пить хочется!— простонал Дружков.

— Пошли, пока целы. Мы сделали все, что могли,— сказал Петров.

Трое обессиленных, измученных жаждой артиллеристов направились по линии фронта вдоль опушки туда, где, по предположению сержанта Петрова, должны занимать оборону части 10-го танкового корпуса.

Шли и всюду видели поваленные, иссеченные осколками

деревья. Сколько же гитлеровцы обрушили на урочище Толстое снарядов, мин, авиабомб!

Вскоре увидели огневые позиции противотанковой батареи 76-миллиметровых пушек.

— Какой части?— спросил сержант Петров.

— А вы кто такие будете?— спросил их младший сержант, подозрительно рассматривая незнакомцев. Двое без пилотов, у всех измученные лица, усталость в глазах.

Вспоминая позже эти незабываемые дни, Кирьянов чувствовал, что после трехдневных боев он ушел из рощи уже совсем другим человеком. В его сознании произошло что-то такое, чего тогда он не в силах был осмыслить. В те три дня он повзрослел лет на десять.

Они пили прямо из ведра холодную колодезную воду и не могли утолить чувство жажды.

— Здорово пьете! Теперь верю, что три дня страдали без воды,— сказал старшина.

Подошел командир батареи. Старшина доложил ему о прибывших трех артиллеристах.

— Хотите остаться у нас?— спросил комбат.

— А нам все одно, в какой части воевать. Потом разберемся,— ответил Петров.

— Старшина, с сегодняшнего дня всех троих возьмешь на довольствие. Сержанта Пстровя беру командиром орудия, Кирьянова — наводчиком, Дружкова — заряжающим,— распорядился командир батареи лейтенант Давыденко.

24

Кое-кому и в Министерстве мелиорации и водного хозяйства, и в главке была не по душе беспокойная натура начальника бассейнового управления, его постоянные поиски, инициатива, хлещущая через край:

тревожные докладные, телеграммы, телефонные звонки. От такого не отмахнешься. Начали было поговаривать — не лучше ли избавиться от такого докучливого работника? Но руководство союзного и республиканского министерств ценили Кирьянова именно за его одержимость в работе, принципиальность и настойчивость, за деловитость и огромное трудолюбие.

А ведь и самому Кирьянову нелегко было возглавлять водоохранное управление. Часто приходил он домой с работы усталым, измученным от постоянной нервозности, с головной болью.

— Гриша, ты бы о здоровье своем подумал, — часто говорила ему жена. — И во время отпуска не можешь от своих дел оторваться.

— Нет, Лидочка, уж на этот раз будем по-настоящему отдыхать и лечиться, — говорил Григорий Васильевич перед отпуском.

Но, получив путевки в сочинский санаторий, Григорий Васильевич решил добираться туда окольными путями так сказать, сочетая приятное с полезным. В предотпускной день на служебном катере отправились они с женой из Краснодара в Темрюк, чтобы еще раз проверить реки Кубань и Протоку, определить, имеются ли опасные выбросы сточных вод, заборы речной воды для полива полей. Лидия Николаевна читала книгу в салоне катера, а Григорий Васильевич со своим старшим инженером-гидротехником Виталием Сергеевичем Садымовым, развернув на палубе карту-лоцию, изучали берега.

В Славянске Кирьянова уже поджидал его неутомимый инспектор Василий Павлович Боровиков. Он дал исчерпывающую информацию о положении дел в своей зоне. Потом Григорий Васильевич зашел в райисполком, чтобы уладить ряд неотложных дел, и опять на катере отправился дальше, теперь уже по реке Протоке.

В районном центре таманских виноградарей и азовских рыбаков — Темриске Григорий Васильевич побывал в райсовете и в двух учреждениях и только после этого, дав задание инженеру Садымову обследовать с особой тщательностью отдельные места Протоки и Кубани, сел с женой в автомашину и отправился в Анапу. Там тоже было немало нерешенных проблем, и главное — отсутствие комплексных очистных сооружений.

На другой день Кирьянов был уже в Новороссийске, где с начальником местной гидрохимлаборатории Сысоевым отправился на катере проверить акваторию Цемесской бухты. Бухта находилась в удовлетворительном состоянии. Катер остановился против нефтеналивного пирса Шесхарис, возле мощного выброса очищенной балластной воды из берегового отстойника. Вода тут была чистой, вокруг бурлящего донного выброса сновали косяки рыбной молоди, видно, мальки находили себе здесь подходящий корм.

Вторая ночевка была в Геленджике. Там у Григория Васильевича ушло полдня на хождение по учреждениям, на разговоры с руководством райисполкома о насущных водоохранных делах. Дальше — Туапсе. И там та же картина. Конечный пункт турне Кирьянова — Сочи, куда он прибыл на третий день. Еще в Туапсе Григорий Васильевич по телефону предупредил Семилетова, чтобы тот в 15 часов собрал всех своих сотрудников на производственное совещание.

И лишь в конце рабочего дня Кирьянов обосновался в санатории. Но еще два дня, находясь уже на лечении и отдыхе, он занимался «подчисткой» каких-то, по его мнению, неотложных дел.

И вот завершены вроде бы все предотпускные дела. Григорий Васильевич всласть накупался и прилег на пляже погреться на солнышке.

— Как хорошо-то,— проговорил он, лежа на топчане.

— Еще бы! А три дня отпуска пропали. Больше никуда не отпущу тебя из санатория. Отключу телефон,— пригрозила Лидия Николаевна.

— Отдых, Лидочка, должен быть активным. Иначе можно умереть от скуки.

Однажды Кирьянову позвонили из Туапсе, что город остался без питьевой воды. Скважины, откуда брали воду, сразу опустели, создалась крайне тяжелая ситуация. Кирьянов немедленно вылетел на место происшествия. Он сразу понял, в чем тут дело. Строители систематически брали из русла реки Туапсинки гравий, обнажая дно, и тем самым нарушили санитарное состояние реки, а вместе с этим и водоема. Артезианские скважины, снабжающие город питьевой водой, были пробурены в самом русле реки, экологическое равновесие нарушилось, и воды не стало.

А ведь сколько раз Григорий Васильевич предупреждал об этом строителей, сообщал в горисполком. Все обещали прекратить выемку гравия из Туапсинки. Но строители тем не менее продолжали «браконьерство».

В природе все четко сбалансировано, и она жестоко мстит тем, кто разрушает то, что создавалось, складывалось миллионы лет. Бездумное, варварское отношение к природным ресурсам встречается повсеместно. В горах вырубают леса, и нередко на месте вырубок оставляют пни да изуродованный трелевкой хлыстов грунт. Дождевая и паводковая вода на склонах размывает почву, мутными потоками стекает в низины, заливает реки, озера и искусственные водоемы. Начинается эрозия почвы, реки мелеют и постепенно умирают, а вместе с ними погибают и леса.

Земли вдоль степных рек на юге России, да и в других

местах, распахивают вплотную к воде. Талые и дождевые воды несут в реки массу размытой почвы, и они зарастают камышом и осокой. Полив полей на местном стоке тоже осушает реки, особенно если он ведется без всяких технических и агрономических норм. Плохо действуют на биологическое и экологическое равновесие рек многочисленные запруды. Иные степные реки на небольшом протяжении имеют до 200 и более запруд...

С каждым годом мелеет и главная водная артерия Краснодарского и Ставропольского краев — Кубань. Все труднее становится на ней судоходство, и в этом нет ничего удивительного. В районе Краснодара русло реки превратилось в песчаные карьеры, где ежегодно выбирали до двух миллионов кубометров песка. Это обнажало дно Кубани, образуя на нем котлованы. Для их заполнения реке приходилось тащить песок с верховья, что еще увеличивало нарушение равновесия. Ведь в верховьях рек, где идет вырубка лесов, водные потоки несут гораздо больше размытого грунта, который в виде взвесей попадает в Краснодарское водохранилище и оседает на дне илом.

В век научно-технической революции с помощью сложной техники можно легко нарушить равновесие природы. На восстановление же его требуются многие годы. В последнее время изучением поведения пустынь в разных местах земного шара установлено, что прогрессирующее наступление пустынь становится угрожающим не только в отдельных странах, но и во всем мире.

А причины? Все те же — нарушение экологического равновесия.

Вот что пишет о гармоничном «сосуществовании» созидательной практики человечества с естественными закономерностями природы Герой Социалистического Труда выдающийся советский академик Игорь Петрянов: «К сожалению, люди порой и сейчас полагают, что Природа все-

могуща настолько, что в состоянии легко снивелировать отрицательные воздействия на нее со стороны технологии. Но природа — такой же тонко пригнанный механизм, как и человек: больше положенного она не в состоянии «переварить». Оптимистическое представление о безграничных возможностях самоочищения проникло к нам из периода, когда объемы технологических отходов были сравнительно малы и поэтому свободно и почти бесследно утилизировались... Экологический переворот в сознании всех людей — вот что нам нужно! И особенно — в инженерной среде. Дело в том, что инженеры — самая могущественная часть специалистов, реализующих в практике достижение науки. До сих пор мы готовили их с упором на технологическую искушенность — вне всяких экологических представлений. Научная теория и производственная практика — две точки, на которые до сих пор упирается формирование инженера. А это неустойчивая конструкция. Для твердой опоры нужна третья точка — экологическая воспитанность».

Хорошо сказано!

В странах, где властвует капитал, главным бичом экологического равновесия является господин бизнес. Например в Бразилии только в последние годы хищнически вырублено около миллиона гектаров леса. В засушливом северо-восточном регионе этой страны площадь лесных массивов уменьшилась в девять раз, что грозит превратить цветущую страну тропиков — вечнозеленые джунгли Бразилии — в пустыню.

Там, где господствует бизнес, ученым чрезвычайно трудно бороться с загрязнением водоемов, хищническим уничтожением лесов.

После того как в 1976 году было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по предотвращению загрязнения бассейнов Черного и Азов-

ского морей», Кирьянов решил издать приказ по бассейновому управлению.

В постановляющей части документа первый пункт запрещал сдачу в эксплуатацию в Краснодаре промышленных, жилищно-коммунальных и других объектов, связанных с забором воды и сбросом неочищенных сточных вод, до окончания строительства второй очереди очистных сооружений.

Второй пункт предупреждал: виновники нарушения водного законодательства будут нести уголовную или административную ответственность в соответствии с советским законодательством.

В третьем пункте говорилось о том, что производственное управление водоканализационного хозяйства города не должно подключать к своей сети без согласия бассейнового управления новые объекты.

Несмотря на то что в этом документе не было ничего противоречащего требованиям партии и правительства, он пугал заказчиков и подрядчиков. Кирьянову было заявлено, что его приказ вносит хаос в развитие народного хозяйства Краснодарского и Ставропольского краев.

Но Григория Васильевича поддержали в этом вопросе руководители союзного и республиканского министерств мелиорации и водного хозяйства.

Его только предупредили:

— Ну теперь, Григорий Васильевич, держитесь! Вы первый в нашей стране выносите такое решение. Пусть задумаются у вас те, кто нарушает советские законы об охране водных ресурсов. Может, скорее поймут, что водные запасы — это народное достояние, и с ним надо обращаться по-хозяйски.

Кирьянов ответил министру:

— Спасибо, Евгений Евгеньевич, за поддержку. Для меня она сейчас очень и очень важна. Пусть меня снимут

с работы, но я положу начало государственному отношению к водным ресурсам страны.

Поддержали Кирьянова и в Краснодарском и Ставропольском крайкомах партии.

Решение, подписанное Кирьяновым, вызвало бурю протестов, нареканий, угроз. В райкомы, горком и крайком, в крайисполком посыпались жалобы и запросы — как быть теперь? Кирьянова пригласили в крайисполком.

— Почему же вы не согласовали с нами ваше решение?

— Я написал его на основе водного законодательства и постановления ЦК КПСС и Совста Министров СССР. Разве я не обращался к вам, не просил о том, чтобы вы помогли нам реализовать требование водного законодательства?— отвечал Кирьянов.

— Если придерживаться вашего запрета, мы должны будем приостановить в краевом городе всякое строительство. Кто разрешит нам встать на этот преступный путь? Подумали ли вы об этом, прежде чем подписать такое решение?

— Подумал. Вам никто не разрешит приостановить строительство. За это строго наказывают. Но ведь партия и правительство требуют одновременно со строительством промышленных и жилищно-коммунальных объектов возводить и очистные сооружения.

Словом, в крайисполкоме Кирьянову дали понять — надо аннулировать сие грозное постановление, однако сами же своей властью не решались сделать это, не имели права.

Вскоре Кирьянова, как он и ожидал, пригласили в крайком партии, где один из ответственных товарищей задал вопрос:

— Перед тем как принять решение, вы подумали о его последствиях? У меня такое впечатление, что вы задались

целью сорвать наши народнохозяйственные планы. За это мало исключить вас из партии...

— За что? За то, что я борюсь за выполнение постановления партии и правительства?— спросил Кирьянов. Он предвидел этот разговор.

— Не надо утрировать. Своим решением вы вносите анархию в наши планы.

— Это надо еще доказать.

Разговор пришлось перенести в кабинет секретаря крайкома. Туда же были приглашены и работники крайкома, отвечающие за строительство, и председатель крайисполкома.

Внимательно были выслушаны обе стороны.

— Товарищ Кирьянов прав, подписав этот приказ,— сказал секретарь.— Посудите сами, что же остается ему делать, если безответственные руководители и строители не желают считаться с водным законодательством и недавним постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР? А ведь это уже не первое постановление по охране природы. Остается одно: злостных нарушителей советских законов надо наказывать. Законы пишутся не для того, чтобы их нарушать или обходить.

— Выходит, мы виноваты во всем и нас надо наказывать?

— Мне давно известно, что ответственные товарищи, осуществляющие контроль над строительством, большей частью поддерживают тех, кто нарушает водное законодательство, а не тех, кто стоит на его страже.

Потом секретарь крайкома обратился к Кирьянову:

— Я поддерживаю вас, Григорий Васильевич, но с одним обязательным условием.

— С каким?

— Если вы и ваши работники не станете применять санкции формально. Штрафуйте, отдавайте под суд. у ме-

ня не повернется язык защищать злостных нарушителей водных законодательств. Мы и сами будем наказывать их по своей линии. Но ставить вето на ввод в эксплуатацию нового предприятия или жилого дома по формальным признакам мы вам не разрешим.

— Понимаю, формализм вреден во всяком деле,— сказал Кирьянов.

— Прежде чем поставить вето на какой-то новый объект, надо согласовать с нами, может быть, найдем компромиссное решение. Мы всегда помогали вашему управлению бороться за чистоту вод, всегда поддерживали вас в этом важном деле.

— Правильно! За это спасибо крайкому.

— Благодарить меня не за что. Это наше общее дело. Договоримся так: новым промышленным или коммунально-жилым объектам, у которых нет еще очистных сооружений, давать добро на сдачу в эксплуатацию только в том случае, если они поквартально будут выполнять планы строительства городских очистных сооружений. А вы, Григорий Васильевич, возьмете под свой строжайший контроль строительство этих систем. Мы с председателем крайисполкома в ближайшее время соберем всех начальников служб, причастных к строительству в городе и крае или к загрязнению водоемов сточными водами, и строго предупредим их: если они вгредь будут нарушать водное законодательство, постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, будем строго спрашивать с них за это, вплоть до исключения из партии и снятия с работы. Так, товарищи?

— Правильно!

— Теперь насчет строительства очистных сооружений второй очереди,— продолжал секретарь крайкома.— Оно шло черепашим шагом. И вы, товарищ Кирьянов, правильно поступали, когда били тревогу по этому поводу.

На бюро крайкома мы дали задание горкому и горисполкому, чтобы они нашли возможность всеми мерами форсировать это строительство. Горисполкому дано также указание, чтобы он не разрешал использовать артезианскую питьевую воду для полива парков и скверов, мойки автотранспорта и прочих хозяйственных нужд...

Из крайкома Григорий Васильевич вышел в приподнятом настроении. Будто свалилась с плеч громадная тяжесть. С того дня, как подписал постановление, он плохо спал от бесконечных стычек с теми, кого оно касалось. Всегда, когда случались по работе большие трудности, когда не знал, что делать с нарушителями водного законодательства, Кирьянов шел в крайком партии или обращался в министерство. И всегда получал там поддержку, дельный совет...

25

Двухмоторный самолет, пробежав по взлетной полосе аэродрома, легко оторвался от земли и взмыл в воздух. Под крыльями поплыли строения поселка Пашковский, микрорайона гидростроителей. И вот уже головное сооружение рукотворного моря, вобравшего в себя 3,1 миллиарда кубометров воды. Даже с высоты птичьего полета море необозримо, по нему от ветра бегут волны с белыми барашками на гребнях, противоположного берега не видно.

Самолет, набрав нужную высоту, берет курс на запад. Внизу, как на огромной карте, видны квадраты полей: желтые, черные, зеленые. По полям, сильно прихваченным засухой, ползут тени облаков.

Тяжелым выдался год для кубанских хлеборобов — жаркое засушливое лето. Но наперекор стихии кубанцы

вырастили и собрали неплохой урожай пшеницы и озимого ячменя. Озимая пшеница дала большой процент твердого и ценного зерна.

Григорий Васильевич Кирьянов сидит в самолете за небольшим рабочим столом. Перед ним — карта Черного моря, разбитая на квадраты своеобразная лоция водоинспектора. По карте можно точно определить, в каком именно месте моря или акватории бухты обнаружены с воздуха пятна пролитой нефти или льяльных вод.

Против Кирьянова сидит бортнаблюдатель химик-биолог Александр Яковлевич Стадник. В управлении за состояние морей отвечает начальник морского отдела инженер Людмила Тихоновна Писаренко, за реки и водоемы — Иван Егорович Шатилов. Он окончил заочно институт и сейчас работает заместителем начальника бассейнового управления.

Кирьянов и Стадник ведут непрерывные наблюдения за речками. Многие малые реки почти пересохли от губительной засухи. Кирьянов смотрит на обмелевшие русла рек и горестно качает головой. Почти все степные реки с голыми, без растительности, берегами, редко увидишь на берегу зеленые купы деревьев, поля распаханы вплотную к воде. А сколько в них сбрасывают вредных стоков, навозной жижи, ядохимикатов, всякого мусора!

Хоть и немало уже сделано для спасения угасающих рек: заведены на них паспорта, закреплен каждый отрезок реки за тем или иным районом, колхозом или совхозом. И все-таки охрана чистоты и регулирование забора речных вод остается слабым местом в деятельности управления.

«Надо создавать специальный сельскохозяйственный отдел, просить у министерства дополнительные штатные единицы», — думает Кирьянов.

В свою записную книжку он вносит: «Просить у ми-

нистерства дополнительно десять человек штата для сельскохозяйственного отдела». Через несколько недель, когда в Краснодар приехал главный государственный инспектор охраны водных ресурсов Российской Федерации заместитель министра Николай Савельевич Черепяхин, Кирьянов, что называется, выбил у него несколько штатных единиц.

Самолет подлетает к городу Крымску. Встречный ветер основательно качает машину. Кирьянов указывает рукой вниз, и Стадник подносит к глазам бинокль. На зеркале русла Адагумки заметны черные разводы нефтепродуктов. Безобразие! Стадник ставит пометки на карте.

— Александр Яковлевич, сообщите по рации Сысоеву, пусть немедленно пришлет сюда инспектора. Надо проверить, кто выпустил нефть в реку. Виновников не только наказать, но и заставить быстро собрать нефть,— не говорит, а кричит Кирьянов. В салоне самолета от гула турбин и лопастей винтов плохая слышимость.

Стадник подходит к командиру экипажа и передает приказание начальника. Через минуту в Новороссийске начальник лаборатории Сысоев принял от дежурного радиоста радиотелеграмму и послал к Адагумке автомашину с инспектором Боровиковым.

Самолет Азово-Черноморского управления делает в час до 400 километров и летит на небольшой высоте, откуда хорошо просматривается местность. Внизу мелькают рисовые чеки, их сменяют прямые ряды виноградных шпалер. А вдали уже голубеет море. Воздушный патруль с востока вышел на Анапу, развернулся и теперь летит над морем. Тут не так сильно качает машину, так как меньше исходящих и нисходящих воздушных потоков. С самолета город-курорт виден как на ладони.

«Что это?»— вдруг встревожились водоинспекторы. В районе глубоководного выпуска стоков в море в километре от берега заметно большое, метров до четырехсот

в диаметре, пятно темного цвета. Кирьянов берет бинокль, Стадник — фотоаппарат. Да тут и невооруженным глазом можно определить: на поверхности воды скопилось много сухого мусора, бумаги, целлофановой пленки и т. п.

В новороссийскую гидрохимическую лабораторию на имя начальника Сысоева отправлена очередная тревожная радиограмма: срочно выслать катером в Анапу комиссию, проверить воду у глубоководного выброса, произвести анализы и составить акт. Комиссия установила: ежедневно на сливную станцию Анапы вывозится ассенизационными машинами до четырехсот кубометров концентрированных хозяйственно-бытовых стоков. Они выбрасываются в сливной колодец без предварительной очистки и хлорирования, а из него по коллектору в море. В колодце, как выявила комиссия, решетки не отвечают техническим требованиям, через них в море попадают крупные отходы.

Самолет летит вдоль Золотого пляжа, растянувшегося на много километров вдоль моря, западнее города. Весь берег буквально усеян детворой, за пляжем тянутся здания санаториев, пионерских лагерей, домов отдыха, пансионатов, турбаз, встречается немало многоэтажных корпусов.

Самолет разворачивается и берет курс на Новороссийск. Теперь горные увалы уже слева, они покрыты лесами. И мысли Кирьянова сейчас тоже о лесах. Это не только богатство Кавказа, это красота его, громадный экологический «комбинат», снабжающий людей и животный мир кислородом, предохраняющий от загрязнения и высыхания горные реки и ручьи. Оголи склоны гор в районе Больших Сочи, и первоклассный мировой курорт утратит свое значение. Горы, покрытые лесами, охраняют Большие Сочи от холодных северных ветров. При современной лесозагото-

вительной технике для уничтожения лесов не требуется много времени.

«Когда же прекратятся порубки водоохранных лесов на Северном Кавказе?— озабоченно думает Григорий Васильевич, глядя из самолета то на морскую гладь, то на зеленые увалы гор.— Систематические перерубы леса в Краснодарском крае и особенно на Черноморском побережье вызывают уже серьезную тревогу. Лес и вода— звенья единой цепи».

Будущее пшеничной и рисовой нивы неразрывно связано с судьбой горных лесов. Что же в конце концов дорожке для государства: экономика благодатного края, здоровье миллионов советских людей, проводящих на побережье трудовой отпуск, или черноморская древесина?

Григорий Васильевич Кирьянов не раз вел разговор в Министерстве мелиорации и водного хозяйства СССР и РСФСР, выступал в «Правде» с обстоятельной статьей «От родника до моря». Сама жизнь требует еще более взыскательного подхода к вопросу рационального использования водных ресурсов, лесов, земель. Наши водные источники от ключа до моря должны быть обильными и чистыми.

Писатель Леонид Максимович Леонов сказал: «Лес и природа — мало сказать, добрые друзья, они еще терпеливые друзья. Они не станут жаловаться по начальству. Но они просто уйдут, сгинут, если пренебречь их нуждами. Поэтому-то мы, хозяева природы, и должны проявлять элементарное благоразумие».

Но этого «элементарного благоразумия» как раз и не хватает у некоторых наших хозяйственников.

Однажды вместе с начальником главка Министерства мелиорации и водного хозяйства РСФСР Сергеем Павловичем Павловым Кирьянов покружил на вертолете над го-

рами, чтобы тот мог собственными глазами увидеть, какие порубки производят леспромхозы в горах Западного Кавказа. Лучше раз увидеть, чем десять раз услышать. Сергей Павлович был человеком дела, в свое время он немало потрудился для улучшения деятельности Азово-Черноморского бассейнового управления. Выезжая в тот или иной регион, он всегда внимательно интересовался работой воднадзора, вникал в их нужды и трудности.

Увидев «плешины» на склонах гор, Павлов качал головой.

— Вы ставили этот вопрос перед местными властями?

— Ставил, и не раз. И не только я, но и центральная, и краевая печать, ученые. Рубку наших лесов может приостановить только постановление правительства. Вы уж помогите нам в этом важном деле.

— Вас, Григорий Васильевич, попрошу составить мне подробную записку по этому вопросу. Побольше разящих фактов. С этим вопросом я выйду на коллегия министерства.

— Если мы общими усилиями добьемся хотя бы запрета промышленных порубок в горах Причерноморья, наши потомки скажут нам спасибо.

— Будем общими усилиями добиваться этого,— ответил начальник главка...

Кирьянов вместе с патрульной службой летит в южном направлении. Внизу сквозь мутную дымку проступают очертания города-героя, города портовиков, цементников, города славных революционных традиций. Вон Колдун-гора, откуда начинается территория героической Малой земли, вписавшей в историю Великой Отечественной войны слав-

ные страницы мужества, упорства, воли к победе советских воинов. С высоты 300—400 метров отлично просматривается поселок Мысхако, весь Мемориал Малой земли, даже деревце, которое посадил Леонид Ильич Брежнев, когда приезжал в Новороссийск вручать награду городу-герою. Станички уже нет, вся ее территория застроена многоэтажными жилыми домами. Как вырос, похорошел за послевоенные годы Новороссийск!

А вот трубы заводов еще распускают по ветру белокурые космы цементной пыли. Сколько бьются инженеры, рационализаторы, чтобы этот цемент не выбрасывался в воздух, а нужного эффекта все еще нет.

Патрульный самолет делает крутые развороты, начинается облет бухты и ее акватории. На трех причалах Шесхариса идет загрузка танкеров, на рейде ожидают своей очереди загрузки с десятков судов. Это особая зона, где нужен неусыпный контроль водоинспекции. Тут смотри да смотри.

Воды бухты чистые. А давно ли она была своего рода мусорной свалкой? Новороссийская гидрохимическая лаборатория совместно со смежными портовыми организациями навела здесь образцовый порядок. Пролив нефти или льяла тут уже редкое ЧП, начальник ГХЛ Сысоев сразу же поднимет на ноги всех, кто отвечает за чистоту вод в порту.

Тщательно осмотрев Цемесскую бухту и ее акваторию, самолет берет курс на очень ответственный участок: Генленджик, Туапсе, Большие Сочи.

Мечта Кирьянова — иметь на вооружении воднадзора авиацию — стала реальностью, и эффект от ее применения в этом деле велик.

Вгодковщину Орловско-Курской битвы Кирьянов и его фронтовые побратимы Галушко и

Петров приезжают на место боев, где они возле урочища Толстое сражались с вражескими танками и не раз схватывались с врагом врукопашную. К 35-летию битвы на месте временного обелиска, что стоял на бывших позициях противотанковой батареи, был установлен памятник павшим воинам, напоминавший потомкам о героях сражения. На открытие памятника приехал и Герой Советского Союза, бывший командующий 6-й гвардейской ударной армией Иван Михайлович Чистяков.

На мраморной плите высечено:

«Запомни, товарищ! 2150 килограммов смертельного металла обрушил враг на каждого защитника урочища Толстое Ивнянского района Белгородской области. 12, 13, 14 июля 1943 года были днями беспремерного подвига наших войск. Здесь горела земля, плавился металл. Они выстояли, за ними была Родина. Поклонись им! Запомни это, современник, и передай потомкам!»

Склонив головы, застыли в скорбном молчании седой генерал Иван Михайлович Чистяков, бывший командир противотанковой батареи 45-го Отдельного истребительного артдивизиона Иван Пантелеевич Галушко, командир орудия Виктор Васильевич Петров, наводчик орудия Григорий Васильевич Кирьянов и другие ветераны. Годы всем им основательно побелили волосы, у каждого боевых наград до плеча. Приехали сюда и секретари Ивнянского райкома партии Владимир Иосифович Горохов и Анатолий Яковлевич Зеликов, председатель колхоза Василий Петрович Никифоров и другие.

Генерал Чистяков обнял своих бывших артиллеристов-

истребителей Галушко и Кирьянова, которых белгородцы окрестили «людьми из легенды», и раздумчиво проговорил:

— Эх, сынки мои славные! И по сей день не верится мне, что вы уцелели в этой чудовищной мясорубке. Знаю, как трудно было вам тогда сражаться с противником, находясь на самом остром танкового клина, направленного на Обоянь и Курск. Удерживая важный стратегический рубеж, вы делали почти невозможное...— Волнение мешало говорить старому полководцу.— Сынки мои, то, что на вашу долю выпали невероятные трудности боя с вражескими силами, знало не только командование моей армии, нашего фронта, об этом знали тогда и в Ставке Верховного главнокомандования. Кому-то надо было взять на себя тяжелую, но святую миссию — лечь костями, но удержать важный рубеж, не пропустить врага на Обоянь. Несколько противотанковых артиллерийских батарей и пехотных батальонов приняли этот удар на себя и сражались до последнего снаряда и патрона, до последнего дыхания, являя миру невиданное мужество и храбрость. Поэтому мне, старому солдату, и не верится, что вам четверым удалось остаться тогда в живых. Со своего наблюдательного пункта мы видели, как по 120 вражеских бомбардировщиков, эшелон за эшелон, пикировали на рощу, сбрасывая на ваши головы смертельный груз. На второй день я уже не понимал, кого в этой роще бомбят немецкие самолеты. Все эти бомбы могли нанести нам непоправимый урон, после которого мы не способны были бы перейти в контрнаступление. На третий день боя возле этой рощи на НП стало трудно дышать от смрада, доносившегося к нам. Я послал разведчиков выяснить, что там творится. Они вернулись к вечеру, когда утихли бои и противник прекратил бомбить рощу. Разведчики доложили, что все поле боя завалено трупами наших и немецких солдат, они лежат

вперемешку с тушами лошадей, разбитыми пушками, танками, бронетранспортерами.

После их донесения мне самому пришлось побывать на месте сражения, я своими глазами увидел кровавое поле боя, двадцать семь разбитых и обгоревших танков. А совсем недавно от оставшихся в живых товарищей и из документов я узнал, что семь танков уничтожил бывший рядовой наводчик Григорий Кирьянов. Мне тогда и в голову не приходило, что на третьи сутки атаки вражеских танков были отбиты всего несколькими оставшимися в живых артиллеристами-истребителями...— На глазах испытанного полководца блеснули слезы.— Простите, мне трудно, больно вспоминать обо всем этом. Почтим, товарищи, молчанием тех, кому здесь родная многострадальная земля стала пухом.

После паузы генерал опять обнял и расцеловал бывших своих истребителей Кирьянова, Петрова и Галушко.

27

Супертанкер «Меркурий», миновав Босфорский пролив, вышел в Черное море и взял курс на Новороссийск. Стояла южная темная ночь. За кормой уже не виднелись мигающие огни маяков. Капитан, дымя сигаретой, спросил у штурмана:

— Сколько миль до Новороссийска?

Штурман ответил.

— Можно начинать выброс за борт балласта.

— Успеем ли? Могут заметить советские пограничники.

— Чепуха! У русских гуманные законы. Они могут наложить штраф только после решения суда. А мы загрузим-

ся в Новороссийске — и о'кей! — капитан выразительно шелкнул пальцами.

— А может, сольем балласт в отстойник Шесхариса?

— Это задержит нас.

Капитан отдал распоряжение боцману начать выкачку из танков балластных вод. Заработали мощные насосы, и за борт полилась река воды, а вместе с нею и тонны находившейся в емкостях нефти, мазута, черной грязи, оставляя за собой быстро расползающуюся жирную полосу, которая в темноте отсвечивала тусклым гляncем...

Тысячи нефтеналивных судов во всех направлениях бороздят моря и океаны планеты. Они больше, чем другие суда, загрязняют Мировой океан. Так, норвежский супертанкер «Берге Истра» после аварии оставил на поверхности океана десять тысяч тонн нефти. Супертанкер «Амоко Кандис», принадлежащий американской корпорации «Амоко Ойл», потеряв управление, напоролся на скалы близ побережья Франции. Черная волна сырой нефти и мазута залила прекрасные пляжи Бретани. Шторм разогнал тысячи тонн нефтепродуктов на сотни квадратных километров. Другой супертанкер, тоже американский, «Атлантик экспресс», столкнувшись с таким же танкером-гигантом в Карибском море, тоже выпустил на воду нефть. Затонувший от взрыва французский танкер «Бетельжес», охваченный пламенем, выпустил в море свой груз. А сколько их, таких катастроф, случается ежегодно!

По мнению ученых не все катастрофы поддаются учету. Но какой вред, какое страшное бедствие они наносят морям, побережью и, конечно же, морской фауне и флоре!

В апреле 1977 года в Северном море при нефтеразведке сильным пластовым давлением были порваны трубы, и в небо ударил мощный фонтан нефти и газа, что нанесло не-

поправимый ущерб рыболовству ближайших стран: Бельгии, Норвегии, Голландии, Дании. Десять суток бушевал в море фонтан.

Известный швейцарский океанолог Жан Пикар считает, что если не принимать решительных мер, вся жизнь в морях и океанах через тридцать лет может прекратиться, как это уже случилось во Внутреннем море Японии.

Григорий Васильевич Кирьянов, часто бывая в Москве, старался решать все сложные вопросы непосредственно с министрами Алексеевским или Корневым. На этот раз Кирьянов беседовал с министром союзного Министерства мелиорации и водного хозяйства Евгением Евгеньевичем Алексеевским.

— Ведь что получается у нас, Евгений Евгеньевич,— говорил Кирьянов.— Наши работники за год оштрафовали около пятисот нарушителей Водного кодекса на море. И столько же просили лишить премий. И вы думаете, все эти нарушители были наказаны?! Как бы не так. Суд половину виновных освободил от уплаты штрафа. То же самое получается и с лишением премий. Все санкции, предоставленные нам, лишь полумера. Надо более сурово наказывать нарушителей, чтобы они запомнили это. Для капитана, сбросившего в море балластные воды, штраф в 40—50 рублей — мелочь.

— Вы правы, Григорий Васильевич, наши меры к нарушителям водного законодательства слишком мягки,— согласился министр.

— Но это еще не все. Необходимо при подведении итогов социалистического соревнования учитывать, не нарушает ли предприятие водного законодательства, по-хозяйски ли использует чистую воду, осваивает ли сред-

ства, отпущенные на строительство очистных сооружений.

— И это дельное предложение. В Совмине мы оговорим эти вопросы. Что у вас еще?

Министр сделал пометку в своем блокноте.

— Ну что же, все ваши вопросы своевременные, будем решать их общими усилиями.

28

Сентябрь и октябрь на курорте Сочи — бархатный сезон. Нет уже летнего изнуряющего зноя субтропиков, солнце светит мягко и ласково, небо, как и летом, безоблачное и голубое, а море — теплое.

К бархатному сезону был закончен спальный корпус нового санатория «Лучезарный» Шахтинской ГРЭС им. Артема. На открытие санатория приехали руководители ГРЭС. Шахтинцы готовились к торжественному приему санатория. Были заранее приготовлены речи для такого торжественного случая.

Но, увы, торжество в тот день не состоялось. На лицах строителей, заказчиков и гостей — досада и недоумение. Виновником этого оказалась Лидия Николаевна Юрченко. Как член государственной комиссии и представитель Азово-Черноморского бассейнового управления она выступила с особым мнением: поскольку не закончены очистные сооружения полной биологической очистки сточных вод, принимать в эксплуатацию спальный корпус нельзя. Предварительно Юрченко созвонилась с Григорием Васильевичем Кирияновым и начальником строительного отдела управления Сергеем Серафимовичем Каспаровым и спросила, как быть.

— Опломбировать! — был категорический ответ.

— Но тут готовилось торжество, меня съедят строители.

— Держитесь, Лидия Николаевна. Мы же не раз предупреждали и строителей и заказчиков. Сегодня же вылечу к вам. Не сдавайтесь,— поддержал Кирьянов.

В адрес начальника сочинской гидрохимической лаборатории Юрченко посыпались упреки. Она и сама понимала состояние приехавших на торжество шахтинцев, но разве ей доставляет радость портить людям настроение, опломбировать готовый комфортабельный корпус, ведь в нем должны лечиться и отдыхать рабочие Донбасса. Но и им нужна чистая морская вода, а не отравленная стоками.

Членам государственной комиссии не оставалось ничего, как смириться с запретом водоохранного управления. Донбассовцы обрушились на подрядчиков за то, что те временно не ставили вопрос о параллельном строительстве очистных сооружений. Ведь были же отпущены на это средства!

Лидия Николаевна Юрченко в официальном письме выразила решительный протест по поводу того, что строительные организации снова не построили очистные сооружения и даже не согласовали свои действия с бассейновым управлением. Заказчики и подрядчики страшно возмутились ее письмом и пригрозили автору персональным делом.

— Вы что, не понимаете важности строящихся объектов? Мы не допустим, чтобы кто-либо тормозил такое строительство!

И разгорается очередной конфликт, в который постепенно втягиваются местные Советы и партийные органы. Но работники бассейнового управления Кирьянов, Ярмак, Каспаров, Юрченко не из робкого десятка, они понимают, что на их стороне советское законодательство. Еще недавно

беда водоохраннх учреждений заключалась в том, что они не имели достаточных прав и с ними не всегда считались, да и сейчас еще недостаточно считаются строительные организации. Особенно страдают от этого местные водоинспекции, какой в данном случае является сочинская гидрохимическая лаборатория.

Конфликты водоохранного управления со строительными организациями и различными ведомствами вспыхивают часто. Большинство их гасится в стенах управления, но отдельные, наиболее сложные, доходят и до министерства.

Вот один из таких конфликтов.

Заведующую сочинской лабораторией Лидию Николаевну Юрченко пригласил к себе заместитель председателя горисполкома и предложил подписать приемочные акты на сдачу в эксплуатацию ряда новых объектов до окончания строительства комплекса очистных сооружений Большие Сочи. Лидия Николаевна отказалась. Заместитель не мог скрыть своего удивления.

— Это почему же?

— Не имею права нарушать постановление партии и правительства.

— А я и не заставляю вас нарушать постановления. Просто в порядке исключения прошу подписать приемочные акты.

— Это как раз и будет нарушением закона. При всем уважении к вам я не могу пойти на это.

— Как это не можете? Для чего же мы строим здравницы, жилые дома? Чтобы они стояли без пользы, опломбированными?— голос зама становился все резче, он с трудом сдерживал себя.

— Разрешить принять в эксплуатацию сразу столько объектов не имею права. Сколько раз наше управление ставило перед вами вопрос об ускорении строитель-

ства очистных сооружений!— напомнила Лидия Николаевна.

— Это мы знаем и без вас. Но, как говорится, скоро сказка сказывается...

Заместитель настойчиво требовал подписать акты, а Юрченко стояла на своем. После того как ее избрали депутатом городского Совета, она стала еще ревностнее, ответственнее относиться к своим обязанностям.

— Товарищ Юрченко, я удивляюсь и вместе с тем возмущаюсь вашей несговорчивостью.

— Если мы будем строить крупные комплексы без учета охраны чистоты моря,— сами знаете, к чему это может привести!

Он не забыл, какую настойчивость проявила эта женщина, когда наложила вето на прием в эксплуатацию гостиницы «Москва», на новые корпуса санаториев «Орджоникидзе», «Правда», «Заря», потом «Лучезарный», какие устраивала баталии со строителями Адлерского тепличного комплекса, птицефабрики.

— Но у нас еще есть старые санатории и жилые объекты, которые действуют без очистных сооружений. И ничего не случилось с вашим морем.

— Нельзя же злоупотреблять терпеливостью моря.

— Бросьте свою демаггию! Ответственность беру на себя.

— Не ответственность меня страшит, а сам факт.

Наконец, заместитель председателя горисполкома решил пустить в ход последнее средство нажима.

— Мы избрали вас депутатом, чтобы вы ближе стояли к нашим делам, помогали нам преодолевать трудности в работе, а вы...

Лидия Николаевна даже вздрогнула от столь неожиданного заявления.

— Меня избрал депутатом народ, а вы хотите, чтобы

я была удобным для вас человеком по служебным делам?— с дрожью в голосе спросила она.

— Не мелите чепуху! — вскричал он.

— А как же прикажете понимать ваши слова?

— Понимайте как хотите.— Он встал.— Так вы не подпишете документы?— в его голосе слышалась угроза.

— Нет, не подпишу. Не имею ни юридического, ни морального права.

— Черт знает что! Вы-то хоть отдаете себе отчет в своих неумных решениях? Государство затратило столько средств на строительство, и все эти уже готовые объекты должны без пользы стоять из-за вашего крючкотворства! Где же тут логика?

— А где логика в том, что каждый год вы стараетесь ввести в строй десятки новых объектов без очистных систем? Это значит, что сотни тысяч кубометров грязных стоков ежедневно будут поступать в море в зоне первого-классного курорта!— отпарировала Лидия Николаевна.

— А какой выход нашли бы вы, будучи на моем месте? Поймите же, у нас план строительства, утвержденный во всех высших инстанциях!

— А выход тут простой. Нужно вместе со строительством новых объектов строить и очистные сооружения.

— Ну, знаете, не вам указывать, как нам работать. Вы просто не представляете, что такое государственные планы.

— Но эти же планы включают в себя и строительство очистных сооружений. Почему вы о них забываете?— спросила Лидия Николаевна.

Это окончательно вывело из терпения зама. Опустив кулаки на стол, он грозно изрек:

— Считайте, что с сегодняшнего дня вы уже не начальница вашей этой, как ее, гидрохимлаборатории.

Юрченко повернулась и ушла. А заместитель председа-

теля горисполкома схватил телефонную трубку, набрал номер и в запальчивости принялся проработывать какого-то начальника по строительным делам:

— Вы почему забываете строить очистные сооружения или прокладывать глубоководные коллекторы от новых объектов? Без нашей указки вы ничего не в состоянии делать? Почему я так говорю вам? Да потому, что водонспекция не подписывает приемочные акты. За что мы платим вам деньги?! Ах, у вас не хватает рабочей силы? А где я вам возьму специалистов? Значит, плохо работаете, черт вас побери! Вот вытащим вас на исполком! Все!

На другой день этот разговор в кабинете был продолжен с начальником бассейнового управления Кирьяновым. Заместитель знал, что с этим разговаривать еще труднее, чем с начальником лаборатории, и сразу повел разговор на повышенных тонах, начал с упреков и обвинений по адресу водоохранного управления. Он считал, что оно на каждом шагу чинит бюрократические препятствия градостроителям, вносит хаос в вопросы планового строительства Больших Сочи и что пора кончать с этим. Всему наступают пределы.

Кирьянов молча выслушал заместителя, дав ему возможность выговориться. Потом спокойно сказал:

— Слушаю вас, и у меня складывается впечатление: вы, ради формального выполнения планов, готовы принести в жертву здоровье людей, чистоту моря. Позвольте спросить вас, кому будут нужны ваши новые здравницы, если море, его берега будут загрязнены? Вы задумывались когда-нибудь над этим?

— Давайте без казуистики!

— Вы считаете, что вам дозволено грубо нарушать советское законодательство, постановления партии и правительства?

— Ах, бросьте громкие фразы.

— Это не фразы. Государство доверило нам охрану вод. Нам даны права, и мы не допустим, чтобы люди, в том числе и ответственные товарищи, потакали тем, кто безнаказанно загрязняет источники, да еще в городе-курорте. Вы даже не поставили в известность начальника нашей лаборатории Юрченко, что готовите к сдаче целую серию новых объектов. И за это вам придется объясняться не со мной, а в горкоме партии,— пригрозил Кирьянов.

— В горкоме?— опешил зам.

— Не мне же за вас объясняться.

— А почему бы и нет?

— Вы допустили и вторую грубую ошибку, просили отстранить от работы одного из лучших работников управления.

— А если она, эта ваша Юрченко, не дает нам ходу?

— Договоримся так: все новые сооружения, из-за которых разгорелся сыр-бор, мы будем рассматривать каждый в отдельности. Я должен лично ознакомиться с ними. А что касается Юрченко, ни за что не дам согласия на снятие ее с работы,— заявил Кирьянов.

— Мы имеем на это право. Ее должность в нашей номенклатуре.

— Об этом конфликте я поставлю в известность горком партии. Пусть там рассудят, кто из нас прав, но я не дам согласия на увольнение с работы заведующего гидрхимлаборатории.

Кирьянов напомнил ряд статей из водного законодательства, постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, посвященного охране чистоты южных морей. Заместитель председателя горисполкома сник.

— Ладно, перед Юрченко я могу даже извиниться. Тут я немного переборщил. Просто хотел припугнуть ее.

Но, Григорий Васильевич, как же быть с новыми объектами?— упавшим голосом спросил он.

— Вот с этого и надо было начинать разговор, а не прибегать к нажимам...

Утром заведующий туапсинской гидрохимической лаборатории Александр Николаевич Чмирев не успел войти в свой кабинет, как раздался телефонный звонок.

— Чмирев слушает.

— Здравствуйте, товарищ инспектор. С вами говорит с контрольно-пропускного пункта порта Мериков.

— Здравствуйте. Слушаю вас.

— Только что я заметил со своего поста, что теплоход «Индиян Просперити», отходящий на Одессу, с левого борта сбрасывает масляную воду. За судном тянется заметный след.

— Спасибо за сигнал. Сейчас примем меры.

Чмирев дал команду капитану патрульного катера срочно подготовиться к выходу в море, потом позвонил исполняющему обязанности капитана порта Н. А. Афиногенову.

— Теплоход «Индиян Просперити» только что сбросил льял в акватории порта. Прошу вас быть членом нашей комиссии.

— Не возражаю. Пора уже приучать к мысли этих западных капитанов, что мы не позволим им загаживать выбросами наши моря.

— Ирина Михайловна, приготовьте все необходимые приборы для взятия проб, поедем догонять иностранный теплоход,— сказал Чмирев инженеру-химику Хмельницкой.

Вскоре патрульный катер отчалил от пирса, и инженер Хмельницкая, увидев серебристый шлейф вы-

брошенного за борт льяла, стала брать из моря пробы.

Государственные инспектора бассейнового управления имеют специальное удостоверение за подписью министра мелиорации и водного хозяйства, в котором оговорено их законное право подняться на борт любого судна, нашего или иностранного, стоящего в порту или на рейде в его акватории, осмотреть все места, откуда может происходить утечка дизельного топлива, сырой нефти, смазочных масел, проверить, имеются ли на кранах и клапанах пломбы.

Согласно требованиям Международной конвенции 1973 года по предотвращению загрязнения морей госинспекторам бассейновых управлений предоставлены большие права, в частности они могут налагать в судебном порядке солидные штрафы на капитанов иностранных теплоходов или танкеров за выброс в море нефтепродуктов.

Члены комиссии во главе с Чмиревым поднялись на борт теплохода «Индиан Просперити», тщательно осмотрели сборник льяла и установили, что отходов со смазочными маслами в нем уже не было: их сбросили по выходе из бухты. В бункере остались только высоковязкие нефтепродукты. Клапан, через который спускается льял, не был опломбирован. Все говорило о том, что теплоход выбросил льял в море.

Долго пришлось доказывать капитану его виновность. Он сопротивлялся, выкручивался как только умел, но факты были налицо.

Позже Чмирев вместе с прокурором вылетит в Одессу, куда из Туапсе отплыл теплоход, чтобы проштрафившийся капитан не мог увильнуть от наказания.

Дело было передано в суд. Следствие и разбирательство шли не один день. И все-таки изворотливый капитан не избежал наказания. По суду компания «Индиан

айл корпорейшнл» вынуждена была уплатить штраф в десять тысяч рублей в иностранной валюте...

Это был первый судебный процесс над капитаном иностранного судна в СССР. Прокурор Туапсинского порта оказался, как говорят, на уровне. Большую роль в судебном разбирательстве сыграл и прокурор транспортной прокуратуры Александр Николаевич Булавин.

В Туапсинском порту после реконструкции станции очистки балластных вод Морского торгового флота только за год предотвращается сбрасывание в море тысяч тонн нефтепродуктов.

И все-таки находятся нарушители, которые без особых на то причин загрязняют моря.

Государственные водоинспектора? Азово-Черноморского бассейнового управления заставляют считаться с водным законодательством не только наших, но и зарубежных капитанов. Приучают их к дисциплине, соблюдению судовых инструкций. Особенно боятся капитаны воздушного патруля водонадзора, который может появиться над ними каждую минуту.

Однако применять санкции к иностранцам — очень хлопотное и затяжное дело, в него втягивается ряд ведомств и учреждений. Акты, карты, фото, анализы, претензии ответчиков, переписка с капитанами и судовладельцами. Ни один капитан, ни одна корпорация не платит штрафа по первому требованию: без протеста, обжалования, без всевозможных уверток и проволочек.

Иной капитан, допустивший нарушение и пойманный инспекцией с поличным, чуть не со слезами вымаливает прощение. По суду штраф оплачивает судовладельческая корпорация, у капитана самого крупного судна не хватило бы на это средств. Но зато на него обрушится жестокий гнев хозяина, его могут дисквалифицировать или лишить права водить суда на год или на два. Нередко про-

штрафившиеся капитаны пополняют армию безработных.

Несладко приходится и советским капитанам судов торгового флота, допустившим выброс за борт загрязненных вод. Их могут понизить в должности, а за грубейшие нарушения водного законодательства лишить диплома. При этом страдает и команда судна: остается на какой-то срок без премиальных...

После того как в распоряжении бассейнового управления появилась авиация, стало легче работать. Воздушный патруль над бухтой или ее акваторией вызывает невольный страх у капитанов. Нет ли за судном на воде масляных пятен или выброшенного за борт бытового мусора? От всевидящего ока воздушного патруля ничего не скроешь. Заметит инспектор что-то подозрительное возле теплохода — самолет снижается, делает круговой облет, и тут уже не отвертится самый опытный и хитрый нарушитель...

Много было сделано по внедрению авиации в патрульную службу бассейнового управления главным инженером Леонидом Петровичем Ярмаком, на которого возложили ответственность за это новое дело. Он разработал маршруты облетов самолетами и вертолетами, схемы радиосвязи, инструкции по взаимодействию служб при обнаружении загрязнений, методы отбора проб и определение нанесенного ущерба от загрязнения.

В течение трех месяцев Ярмак отработывал метод аэрофотосъемки нефтяных загрязнений. С этой целью он проделал более пятидесяти вылетов и в результате составил рекомендации, которые сейчас успешно применяются на практике в других бассейновых управлениях.

Методы использования авиации в охране чистоты морских вод были обобщены на всесоюзном семинаре в Новороссийске в октябре 1981 года и предложены для всех приморских бассейновых управлений страны. На семина-

ре выступили представители Министерств мелиорации и водного хозяйства, морского флота, гражданской авиации, а также работники Азово-Черноморского управления.

А ранее, в июле 1979 года, по линии Организации Объединенных Наций в Сочи состоялся семинар о проблемах охраны морских территориальных вод от загрязнения. На него были приглашены представители развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. В работе семинара участвовало свыше тридцати иностранных специалистов. В организации семинара принимали активное участие работники сочинской гидрохимической лаборатории Лидия Николаевна Юрченко и Олег Иванович Становой. Леонид Петрович Ярмак прочитал на семинаре лекцию о службе охраны вод в Советском Союзе и провел практические занятия. Участники семинара ознакомились с работой сочинской гидрохимлаборатории, а также патрульных самолетов и катеров. Лекция, прочитанная главным инженером бассейнового управления Ярмаком, была высоко оценена советскими и иностранными специалистами.

29

Среди природных богатств нашей страны лесным сокровищам принадлежит особое место, они занимают более одной трети территории Советского Союза. Древесина используется почти во всех отраслях промышленности. Лес — это строительный материал, бумага, топливо, химия, пищевое и лекарственное сырье. Трудно перечислить все виды продукции из древесины. Лес — верный друг земледельца, он стоит на страже полей, защищает землю от выветривания и вымывания,

спасает урожай от яростных засухов. Он защищает степные реки от высыхания, хранит их чистоту. Лес — это важнейшая часть природного комплекса, он снабжает кислородом все живое на планете, поглощает углекислый газ, регулирует естественные процессы, происходящие в биосфере, оказывает благотворное влияние на климат, на гидрологический режим нашей земли. В лесу берут начало и набирают силу большинство ручьев и рек.

Лес — это зеленый дом под голубой крышей «братьев наших меньших» — зверей и птиц.

Основные правовые нормы и принципы социалистической организации лесного хозяйства были заложены еще Владимиром Ильичем Лениным в мае 1918 года в Декрете «О лесах». Этот закон установил принцип ведения лесного хозяйства в интересах общественного блага и на основе планомерного лесовозобновления.

В Конституции СССР нашла отражение охрана лесных богатств нашей страны. Статья 18 гласит: «В интересах настоящего и будущих поколений в СССР принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, для сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды».

Советский писатель, автор замечательного романа «Русский лес» Леонид Максимович Леонов, обращаясь к учителям, писал: «Любой букварь неполноценен без вводной странички о значении и красе родной природы, леса в том числе; и плох учитель, если не сумел обучить свою паству этой самой действенной и благородной из наук. Терпеливо растолкуйте детям, что лес входит в понятие отечества, что сила патриотизма всегда пропорциональна количеству вложенного в нее личного труда; бродягам и

тунеядцам всегда чуждо чувство родины! Сумейте использовать безграничное время и энергию своих юных питомцев, одинаково пригодную для разрушения и создания,— меньше будет загубленных деревьев, поломанных садов, разоренных гнезд и муравейников, в чем дети нередко видят особое удалство. Есть вещи, непосильные никакому бюджету и ведомству, кроме как всенародному и целеустремленному порыву. Думзется, что именно комсомольцу и школьнику, будущим хозяевам преобразуемой земли, полагалось бы возглавить поход за зеленого друга».

На Северном Кавказе насчитывается свыше четырех миллионов гектаров леса. Из них более двух миллионов наиболее ценных древесных пород приходится на Краснодарский край.

Роль лесов в защите полей от ветровой и водной эрозии в нашем крае трудно переоценить. Все поля Северного Кавказа ограничены ветрозащитными лесополосами.

Леса играют немаловажную водоохранную роль, они предотвращают заиливание рек, прудов и водохранилищ, обеспечивают сохранность минеральных и пресноводных источников, питают их влагой. А в заболоченных районах леса осушают почву.

Уничтожение леса — первый удар по реке. Второй удар — не менее страшный — распахивание поймы.

Леса Северного Кавказа имеют большое водорегулирующее значение. Поверхностный водный сток они превращают во внутригрунтовой, сдерживают паводки, фильтруют дождевые и паводковые воды, поддерживают уровень воды в реках.

Профессор Ф. Барышман в статье «Жемчужина Северного Кавказа» («Советская Кубань», 1977) пишет: «Леса на горных склонах способствуют увлажнению предкав-

казских степей уже тем, что вследствие разности температур в лесу и под лесом происходит конденсация водных паров. Кроме того, бесчисленное множество деревьев, подобно миллионам насосов, передают в атмосферу часть влаги из почвы — грунта. Отсюда вытекает, что наши горные леса создают условия для уменьшения дефицита влаги в степных районах, смягчая засуху и снижая вредное действие суховея. Именно поэтому процветание сельского хозяйства в Предкавказье в значительной степени зависит от состояния северокавказских лесов».

Надо отдать должное краевой газете «Советская Кубань», которая часто публикует содержательные и тревожные статьи об охране леса. И это неслучайно. В нашем крае идет интенсивная вырубка леса, а посадка его в большинстве районов отстает от вырубки. Профессор Ф. Барышман пишет в своей статье, к чему приводит безрассудное оголение горных склонов.

Когда-то город Новороссийск окружали дремучие дубравы, защищая порт и город от жестоких северо-восточных ветров. Но еще в прошлом столетии лес вырубили. Склоны Мархотского хребта под действием ветров и ливневых потоков оказались изрезанными оврагами, вся почва со склонов была смыта. Порывы ветра здесь порой достигают такой силы, что срывают крыши с домов, опрокидывают автомашины, валят телеграфные и электрические столбы. С каждым годом увеличивается нехватка подпочвенной воды для нужд города. Высохли горные ручьи, родники, откуда жители брали питьевую воду. Дошло до того, что в Новороссийск начали доставлять воду в танкерах, пока не подвели туда мощный водовод из северных предгорий.

Ученые установили, что в тех районах, где уничтожены леса, прекращается накопление грунтовых вод. Это и есть нарушение экологического равновесия. Народ давно за-

метил и сформулировал эту истину в своих чудесных поговорках и пословицах: «Дерево водой живет, дерево и воду бережет», «Лес да вода — поле красят».

Лес и вода взаимно связаны. Вырубаются леса — и цветущая земля превращается в мертвую пустыню. Без воды гибнет все живое: так уж сбалансировано равновесие природы.

Пресса давно бьет тревогу о том, что в капиталистическом мире варварски вырубают леса. Бизнесмены живут по пиратскому принципу — после меня хоть потоп. Газета «Советская Россия» напечатала коротенькую информацию: «Еще два десятилетия назад более половины территории Таиланда занимали густые джунгли. В настоящее время леса сохранились нетронутыми лишь в зонах, объявленных национальными парками. Ежегодно территория, занятая лесами, сокращается в этой стране на 400 000 гектаров». Ученые подсчитали, что в результате хищнической вырубki к 1990 году тайландские джунгли исчезнут совсем. Да разве только в одном Таиланде идет такая варварская вырубka лесов?!

Охрана лесов так же важна и жизненно необходима, как охрана водных ресурсов. Советский Союз хоть и занимает по лесам первое место в мире, но охрана этого природного богатства в отдельных районах поставлена не всегда удовлетворительно. В засушливые годы от стихийно возникающих пожаров выгорают сотни тысяч гектаров леса. Не везде вырубka проводится на научной основе. Часто посадки леса не восполняют вырубку. И все потому, что у нас в охране вод и лесов существует пока чересполосица, не решено много вопросов и проблем. Да и слишком гуманны законы к тем, с кого надо строго спрашивать за хищническое уничтожение леса из соображений сиюминутных выгод.

Характерно, что еще в старину люди заботились о со-

хранении водных источников и лесных богатств. Этому пример — указ Петра I об охране чистоты вод реки Невы. 19 ноября 1793 года один из основателей города Екатеринодара кошевой атаман Захарий Алексеевич Чепига выдал на имя полкового старшины армии поручика Даниила Волкореза (градоначальника) «ордер» (указ), в котором предписывалось, как блюсти новый город. В шестом пункте говорилось:

«Смотреть за жителями, дабы они около города стоящих лесов отнюдь не рубили, кроме на дрова валежника, также в лес и скотину не пускали, да и без пастухов оных с домов не пригоняли, и учредили бы для такого скота общего пастуха, который должен гонять его на корм в степь».

Несомненно, этот «ордер» атамана Чепиги и способствовал тому, что рядом с городом Краснодаром до тридцатых годов нашего столетия сохранился большой массив заповедного кубанского леса Кругляк. Со всех сторон этот массив охраняли лесники, в нем водилось много зверей и птиц. Ни одна душа не смела войти в Кругляк с топором. Это был первозданный кавказский лиственный заповедник, где распевали птицы, где росли могучие дубы в три обхвата толщиной, ясень, осокори, дикая груша, кислица, кизил, ажина. В иных местах трудно было прорваться сквозь густые заросли леса и лиан.

А ведь во времена Чепиги город-крепость, заложенный еще великим русским полководцем Суворовым, со всех сторон был окружен дремучими дубравами. За Кубанью тоже шумели густые нетронутые леса. На месте нынешних Краснодарских Черемушек — раньше этот район назывался Дубинкой — рос непроходимый дубовый лес. Сейчас только в парке имени Горького сохранились три заповедных дуба, каждому из них более трехсот лет, они взяты под государственную охрану.

В тридцатых годах заповедный Кругляк был начисто уничтожен. Видите ли, опытной станции масляничных культур «не хватало» земли под поля. Сейчас этот лес, сохранись он, был бы окружен жилыми массивами.

Такую же участь едва не разделили Карасунские озера, тянущиеся от поселка Пашковский к городу Краснодару. Много гектаров площади Карасуна уже засыпано, и на том месте возведены жилые и административные здания. В самом же городе большая площадь озера перегорожена Дмитриевской дамбой, наполовину тоже засыпана. Хорошо, что хоть поздно, но спохватились градостроители: горисполком вынес специальное постановление о сохранении и благоустройстве Карасунских озер. Далеко не каждому большому городу выпало такое счастье, как Краснодару — иметь столько природных водоемов. О значении и пользе водоемов в черте населенных пунктов не приходится говорить, это всем известно. Надо только содержать их в чистоте.

Профессор Ф. Барышман в упоминавшейся уже статье «Жемчужина Северного Кавказа» пишет: «Вырубка лесов в горах отразилась на дебете Кубани. По безлесным склонам гор увеличился сток воды. Это привело к смыву с крутых склонов почвы и заиливанию водохранилищ, оросительных систем, что отрицательно сказывается и на рыбоводстве».

Ученый приводит убедительные факты, как пагубно отражается сплошная рубка леса на северных склонах Кавказского хребта на режиме артезианских вод. До сороковых годов для нужд Краснодара воду добывали на глубине 80—100 метров, сейчас — на глубине 250—300 метров из-за резкого снижения уровня грунтовых вод, из-за нарушения режима их питания.

Вырубкой леса в предгорьях и горах ученые объясняют

развивающийся в настоящее время процесс обезвоживания всей правобережной части Кубани и даже высыхание степных рек.

На охрану лесов, как и на охрану водоемов, надо поднимать весь народ, с малых лет воспитывать в детях любовь к «зеленому другу» и ненависть к тем, кто варварски истребляет лес.

В нашем крае активно действуют около ста школьных лесничеств. За иными из них закреплены десятки гектаров леса. Учащиеся не только бдительно оберегают «зеленых друзей» от злых браконьеров, но засаживают пустоши, ухаживают за молодняком.

Обществу охраны природы надо быть беспощадным к тем, кто губит безрассудно наши лесные богатства.

Кубань — край крупнейшей концентрации курортов в стране. ВЦСПС, отраслевые профсоюзы, министерства и ведомства продолжают успешно заниматься их развитием. Будет и впредь совершенствоваться в крае культурно-санитарное дело, активно вестись работы по предотвращению загрязнения бассейнов Азовского и Черного морей, осуществляться меры по охране окружающей среды, сохранению природных лечебных факторов. К ним относятся и наши леса, на базе которых в целях повышения их целебного значения необходимо создать в курортных зонах края национальные лесопарки.

30

Вертолет оторвался от земли и помчался в сторону водохранилища. Григорий Васильевич смотрит в иллюминатор и сокрушенно качает головой — недалеко от водохранилища по-прежнему идет интенсив-

ная выемка песка. Надо что-то предпринимать более эффективное, чтобы положить конец такому «браконьерству».

Недавно на месте водохранилища шумел прикубанский лес, которого так мало осталось на левобережье. А сейчас здесь более трех миллиардов кубометров воды, и берега этого рукотворного моря безлесные. Пора бы уже обсадить их защитными лесополосами.

Кириянов попросил пилота повернуть на север, чтобы с высоты птичьего полета осмотреть степные реки. Незадолго до этого полета работники водоохранного управления Гришучков и Глухих выступили в краевой газете с проблемной, хорошо обоснованной статьей «Возродить степные реки».

Статья вызвала много откликов, о ней одобрительно отзывались ученые и все те, кто бережно относится к природе родного края. Кириянов под влиянием статьи решил сам увидеть, в каком состоянии находятся реки Кубани.

Внизу сверкало русло речки Кочеты, дальше — Вторых, Третьих Кочетов, рек-близнецов, которым, как гласит легенда, дал название великий полководец России генералиссимус Суворов. Все эти реки сильно заросли камышом и осокой, по их руслам много запруд, а на берегах там и тут колхозные животноводческие фермы. С высоты видно, что из животноводческих корпусов навозная жижа смывается прямо в речки. Где же тут быть чистой воде!

Дальше показались реки Кирпили, Бейсуг, на их берегах тоже немало животноводческих ферм и те же частые запруды, перегораживающие русла и образующие пруды. И опять камыши, рогоз, осока. Бейсуг — небольшая, типично степная речка, она берет начало в Кавказском районе близ Кропоткина и тянется до станицы Бриньковской.

На всем протяжении великомученицы реки 250 плотин! И каким-то чудом она, преодолев все эти преграды, пробивается к заливу, носящему то же название. Челбес тоже почти ничем не отличается от своих собратьев, те же запруды, те же камышовые джунгли. Сосыка, Ея, Кавалерка и другие степные карлики. Берега всех степных рек голые. Земельные угодья распаханы вплотную к воде. Северо-восточные суховеи и черные бури безжалостно заиливают русла пылью размельченного чернозема вместе с минеральными удобрениями. После каждой пыльной бури заметно мелеют степные реки Кубани.

Всего в Краснодарском крае 97 степных рек протяженностью от десяти до ста километров.

В бассейновом управлении обследованием степных рек занимаются инженеры-гидрологи Константин Петрович Гришучков и начальник кубанской гидрохимлаборатории Евгений Антонович Глухих.

Большинство хозяйств, по чьим земельным угодьям протекают эти речки, непроизводительны, неквалифицированно ведут строительство и эксплуатацию прудов, не обеспечивают проточность рек, что приводит к буйному зарастанию русел камышом и осокой. Распашка прибрежных полос вплотную к воде тоже ведет к быстрому заиливанию.

Большой вред степным рекам наносят автомойки совхозов и колхозов, не имеющие очистных сооружений и обратного водопользования. В хозяйствах нет еще специально оборудованных мусорных свалок, мусор вывозят в балки, овраги и даже сбрасывают в реки.

«Создалось парадоксальное положение,— пишет в одной из статей в «Правде» Кирьянов.— Привести в негодность даже гектар кубанской земли — значит вызвать острую реакцию местных партийных и советских органов, комитетов народного контроля. Варварское обращение

с реками, как правило, сходит с рук. Не припоминается ни один случай, когда бюро райкома партии или райисполком строго спрашивали бы с хозяйственника за умерщвление русла реки».

А ведь не поздно еще спасти от угасания малые степные реки. Надо ликвидировать самодельные плотины, возведенные без особой надобности, без проектов и инженерных расчетов, расковать живые токи воды. Ведь цепочки мелководных степных водоемов, а именно таковы сейчас многие реки Приазовской равнины, ежегодно испаряют метровый слой воды. Более половины стока этих рек уходит в «небо».

К тому же степные реки сильно заилены. Во многих местах глубина чистого потока Бейсужка, Кирпилей, Журавки и других рек почти равна донным отложениям. Реки эти необходимо чистить.

По настоянию бассейнового управления в крае запрещено строительство всяких запруд на реках без квалифицированного проекта и согласования. Запрещена и распашка береговых пелос на расстоянии менее 25 метров от воды.

Необходим точный учет забора речных вод на хозяйственные нужды, но иные хозяйства неквалифицированно проводят полив на местном стоке, в результате чего заболачиваются земли.

О тревожном положении малых рек Кирьянов не раз докладывал в Министерстве мелиорации и водного хозяйства СССР, ставил вопрос о том, что надо ускорить разработку схем комплексного использования малых рек, которые сейчас, по существу, безнадзорны. Вполне понятно, что Кирьянов считает полезным создание при крайводхозах специализированных управлений или отделов, которые взяли бы на себя ответственность за малые реки и заботились бы о приведении их в нормальное

состояние. Тогда не будет бесконтрольной выборки гравия и песка из русел рек или превращения водоемов в места для свалок, что характерно для многих станиц и хуторов.

«Не кроется ли одна из причин бездумного обращения с водой в том, что потребителям она ничего не стоит, они платят лишь за ее подачу,— писал Кирьянов в «Правде».— Правильно ли это? Представляется целесообразным ввести такой порядок: взял кубометр воды — заплати определенную сумму, причем отнюдь не символическую, сбросил в водоем грязные стоки — плати во много раз дороже. Эта мера станет стимулировать борьбу за качество и экономию пресной воды, вводимой в хозяйственный оборот, заставит многократно использовать ее, побудит быстрее строить и содержать в образцовом порядке очистные сооружения...

Несколько слов об истинном сокровище — кубанском артезианском бассейне,— читаем дальше в статье Кирьянова.— Его запасы истощаются, а министерства и ведомства, чьи предприятия находятся в Краснодаре, никак не договорятся о финансировании и строительстве систем технического водоснабжения, независимой от водопровода. Тем временем живительная вода недр, не требующая очистки, льется не только из водопроводных кранов в квартирах, но и из шлангов при поливке улиц, ее подают в заводские цеха. А ведь использовать эту воду на технические нужды — все равно что поливать улицы парным молоком».

В крае по настоянию бассейнового управления уже начаты работы по санитарному оздоровлению степных рек. В колхозе «Сорок лет Октября» Каневского района были вскрыты родники и очищено русло реки Челбес. В колхозе имени Тельмана того же района при помощи земснаряда очищено русло реки, проведены работы по укреплению берегов.

Младшие братья Бейсуга близнецы Правый и Левый Бейсуг закреплены за рыбколхозом «8 Марта» Брюховецкого района. Поскольку реки будут постепенно зарыбляться, тут создано 1400 гектаров искусственных прудов, обсажены деревьями 40 гектаров береговых полос.

В хорошем состоянии содержит реку Тихонькую Тихорецкий зерносовхоз. Такие же работы проводятся в колхозах и совхозах Красноармейского, Курганинского, Щербиновского, Шовгеновского районов.

Добрые начинания. Ведь степные реки Кубани — это, помимо прочего, еще и отличные водоемы для разведения ценных пород рыбы. В Тимашевском районе, например, для этих целей заняты 1200 гектаров рек и прудов, а в дальнейшем намечается увеличить вдвое прудовое хозяйство для рыбоводства.

Вертолет мчится все дальше над степными просторами Прикубанья, огибая его с востока на северо-запад. Внизу под солнцем ослепительно сверкают зеркала рек и прудов, проплывают хутора и станицы, разбросанные вдоль степных речек, длинные корпуса животноводческих ферм, зеленые квадраты ветрозащитных полос.

Григорий Васильевич внимательно наблюдает за полями, реками, прудами, иногда что-то записывает в блокнот. Он представляет себе, что в недалеком будущем на прибрежных полосах рек и прудов зашумят под весенним ветром зеленые насаждения: пирамидальные тополя, ивы, белолистные осокори и кряжистые дубы. Они встанут рядом с лесополосами на защиту полей от губительных суховеев, украсят собой степные ландшафты Кубани, оздоровят водоемы. А в чистой воде прудов и рек будут плавать косяки золотистых карпов, карасей, серебристого толстолобика. Задышающиеся сейчас от ила и грязных стоков реки и пруды воздадут людям сторицей за их заботу.

Григорий Васильевич убежден, что не за горами то время, когда люди в нашей стране научатся понимать: мало только любить природу, ее надо по-сыновьи оберегать, заботливо и чутко к ней относиться. Начало уже положено. В дело охраны степных рек Кубани включаются уже многие совхозы и колхозы, промышленные предприятия. Само время теперь вызывает к всенародной борьбе за охрану природы, окружающей человека среды...

На третьей сессии Верховного Совета СССР десятого созыва (июнь 1980 г.) приняты Законы Советского Союза «Об охране атмосферного воздуха» и «Об охране животного мира». Закон об охране воздуха от загрязнения вредными веществами предусматривает ряд принципиально новых правил и инструкций. Установлены, например, единые нормы предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ, выбрасываемых в атмосферу промышленными предприятиями и тепловыми электростанциями.

Закон «Об охране животного мира» содержит санкции против всякого рода браконьеров. Слишком гуманны были у нас законы к тем, кто безжалостно уничтожает зверье, птиц, ценные породы рыбы из-за корыстных целей. Злостных браконьеров следует призвать к ответу. Пора положить конец либеральному отношению к тем, кто ради личной наживы готов уничтожить все живое, вырубает леса, загрязняет водные источники, отравляет атмосферу...

Вертолет пролетел над Кубанью и повернул на юг. Кириянов с высоты решил осмотреть горные реки Убинку, Афипис, Псекупс, Пшиш, Белую, Лабу. Большинство малых горных рек, не берущих начало в ледниках, летом сильно пересыхают. Однако и по сей день из них берут гравий, обнажая русло.

К сожалению, горные реки так же бесхозны, как и их степные сестры, и поэтому пока находятся в неудовлетворительном состоянии. С одной стороны, идет вырубка леса на горных склонах, с другой — выемка гравия.

Давно назрела необходимость создать в Краснодарском и Ставропольском краях межрайонные советы по проблемам охраны и оздоровления горных и степных рек. Под руководством партийных и советских органов Совет будет проводить закрепление местных рек или их отдельных участков за совхозами и колхозами, промышленными предприятиями и другими ведомствами.

Необходимо также создать межрайонную специализированную подрядную организацию, оснащенную необходимой техникой для проведения работ на водных объектах. Надо ликвидировать все плотины на пути рек, не предусмотренные схемами.

Море после шторма постепенно успокаивалось. На прибрежную гальку набегала слабая волна, и ее шорох после чудовищного грохота штормовых волн был приятен для слуха. Под солнцем море почти синее, вдали оно сливается с горизонтом. Городские пляжи усеяны отдыхающими, но еще больше людей в воде. После прохладной успокаивающей морской купели хорошо понежиться на теплом песке.

Госинспектор Василий Павлович Боровиков в легкой капровой шляпе, в светлых брюках и белой сорочке, опираясь на трость, не спеша идет вдоль пляжа. Возле лежаков валяется бумага, арбузные корки, всякий мусор. Василий Павлович отыскивал дежурного по пляжу.

— Где же плакаты, призывающие людей соблюдать на пляже чистоту? Ведь вы обещали вывесить их. Ждете, когда оштрафую вас? Смотрите, сколько мусора вокруг!

— Вечером мы убираем пляж. А плакаты я сегодня повешу,— отвечает дежурная.

Но у Василия Павловича Боровикова есть еще более серьезные претензии к администрации этого дома отдыха. Сколько раз он напоминал о том, что необходимо рядом с пляжем построить санузел. Отделывались обещаниями. Теперь он разыскал дежурного врача, напустился на него.

— Это решает директор,— ответил врач.

— А вы, получается, вовсе не причастны к санитарному состоянию моря?! И не стыдно вам, товарищ врач, перед отдыхающими? Почему поблизости нет туалета? Вы как врач должны первым забить тревогу перед администрацией...

Но если на благоустроенных пляжах чистота все же поддерживается, там дежурят врачи и сестры, работают уборщицы, то дело обстоит куда хуже на «диких» пляжах. Берег, прибрежный лес, поляны захламлены. Приедут автотуристы, выберут красивую поляну в лесу недалеко от моря и ставят свои палатки. Обычно они селятся целым лагерем. Поживут несколько дней, наслаждаясь прелестями моря, отдохнут и подадутся дальше, как цыганский кочевой табор. На том месте, где они отдыхали в лесу, останутся кучи мусора, битого стекла, бумаги, консервные банки, грязная ветошь, жирные пятна машинного масла, зола костров, арбузные корки и всякая нечисть. На этом месте уже не останутся другие «дикари» — владельцы «Жигулей», «Москвичей» и «Волг». Они найдут для лагеря новый укромный уголок. А ведь таких «дикарей» курсирует по Черноморскому побережью на автомобилях и мотоциклах ежегодно сотни тысяч.

Последствия от набегов автотуристов можно было бы уменьшить, если бы у нас меньше церемонились с подобными «любителями» природы. Василий Павлович Боровиков любит приводить пример, как царь Петр I боролся

в свое время с теми, кто небрежно относился к природе. По военному флоту он издал указ, охраняющий чистоту вод Невы: «Во время чистения кораблей и починки всякий мусор должно вывозить, чтобы ничего на дно не упало. А кто из своих то учинит, сам, ежели офицер, за всякую лопату (лопату сору.— П. И.) первый раз лишается месяц жалования, за второй раз — полгода, а за третий — будет оштрафован отнятием чина и записан в рядовые. А рядовым за третий — в Сибирь на каторжную работу...»

А ведь во времена этого указа наши реки и озера были девственно чисты.

31

С профессором Витольдом Савельевичем Каминским — сотрудником Научно-исследовательского института водных проблем Академии наук СССР Кирьянов познакомился в Москве на Всесоюзном совещании по охране водных ресурсов страны. Крупный ученый-эколог в своем обстоятельном докладе вскрыл, в каком состоянии находятся водные богатства страны, рассказал, как поставлена у нас их охрана, каковы перспективы. Кирьянов из его доклада почерпнул для себя много полезного. Но ему хотелось больше узнать о проблемах регулирования и охраны вод Краснодарского края. После окончания конференции он обратился к профессору:

— Витольд Савельевич, вы были членом государственной экспертной комиссии, которая рассматривала проект комплексного использования реки Кубани, проводили экспертизу проекта, касающегося качества воды и водоохраных мероприятий...

— Был у вас на Кубани, знакомился с ее водными ре-

сурсами,— отвечал ученый.— В докладе я говорил, что уже сейчас нехватка водных ресурсов лимитирует дальнейшее развитие промышленности и сельского хозяйства в некоторых районах Советского Союза. В том числе и в Северо-Кавказском экономическом районе все больше ощущается нехватка воды.

— К сожалению, этого, Витольд Савельевич, не хотят понять многие наши хозяйственники,— заметил Кирьянов.

— Такая картина наблюдается не только в вашем крае. На первый раз кое-кому кажется парадоксом: Краснодарский край омывается двумя морями, на его территории семь крупных водохранилищ, создана сеть оросительных каналов, плавни, обилие рек — и вдруг нехватка водных ресурсов для развития народного хозяйства. Меня попросили участвовать в рассмотрении генерального плана развития промышленности и сельского хозяйства вашего края с точки зрения рационального использования водных ресурсов. Я внимательно ознакомился с планами. На Северном Кавказе большая плотность населения, а обеспеченность водой довольно ограниченная. Она в три раза меньше, чем по Союзу в целом на душу населения. В Сибири, например, на душу населения приходится в сорок раз больше воды, чем у вас на Северном Кавказе. Сельское хозяйство на Северном Кавказе не имеет возможности получать более двадцати процентов речного стока для полива полей. Учтите, Григорий Васильевич, даже при строжайшей экономии воды и сезонности ее потребления ресурсы реки Кубань уже в ближайшее десятилетие могут быть исчерпаны. Главным образом надо ориентироваться на лучшее использование местных водных ресурсов Кубани: в первую очередь понизить потери воды в оросительных каналах, увеличить выход сельскохозяйственной продукции на каждый кубический метр отобранной воды из стока реки.

Сейчас в Краснодарском крае примерно около пяти миллионов жителей, из них половина горожан. К 2000 году население края значительно увеличится. Потребление воды в городах возрастет до 400 литров в сутки на одного человека. Для этого нужна чистая вода. А где ее взять? Реки Краснодарского и Ставропольского краев загрязнены. Вам надо наводить порядки не только в городах, но и в сельских местностях, особенно в бассейнах степных рек.

— Мы уже завершаем паспортизацию степных рек и закрепление их за совхозами, колхозами и промышленными предприятиями, добиваемся того, чтобы обсадить берега степных рек защитными лесопосадками, расчистить русла рек от ила и сорной растительности, снести ненужные запруды,— сказал Кириянов.

— Это хорошо! Реки Кубани отравляются не только компонентами из отходов промышленных предприятий, но и от обработки рисовых полей. Все это идет в Приазовские плавни — основные места нерестилищ ценных пород рыбы. Лиманы эти, по существу, уже утратили значение для воспроизводства осетровых, рыбца, шемаи, сазана. Река Кубань дает на рисовые плантации около 4,7 миллиарда кубометров воды за сезон. С возвратными водами попадает в реку и уходят в море тонны химикатов. Так что с чистой рек, Григорий Васильевич, дело обстоит пока неудовлетворительно, мягко выражаясь,— заключил Каминский.

— Да, это так, Витольд Савельевич. Мы принимаем все меры, чтобы уменьшить загрязнение вод края.

— Мне известно, что очистные сооружения Ставрополя и Кубани перегружены в два-четыре раза. Наш институт дает водоохранным организациям практические советы, как уменьшить загрязнение водных объектов. Это прежде всего замена прямого водопользования оборотным; усовершенствование на производствах технологических процессов с целью сокращения потребления воды

для охлаждения или перехода на безводное, воздушное охлаждение. Например, переход на замкнутый цикл водоснабжения на сахарных заводах сокращает потребление воды в десять раз. Это освоено уже на ряде кубанских сахарных заводов. Применение центрифуг для механической очистки загрязненной воды на промышленных предприятиях тоже одно из действенных средств борьбы за чистоту стоков. В горнорудной и других отраслях промышленности это уже используется.

Утилизация выделяемых из сточных вод ценных компонентов также имеет немаловажное значение для промышленности.

Что касается сельского хозяйства,— продолжал профессор Каминский,— то нам надо шире применять биологические методы борьбы с сорняками, вредителями и развивать производство ядохимикатов, менее токсичных для обитателей воды. Наконец, качество воды, отравленной пестицидами, можно восстанавливать путем пропуска сточных вод через специальные фильтры с гранулированным активированным углем.

— В Кубанском государственном университете ученые-химики проверили изучаемый рядом институтов новый способ очистки сточных вод, названный электрокоагуляцией. Сам прибор или установка промышленного типа — электрокоагулятор очень прост по устройству. Две металлические пластинки, расположенные параллельно, опущены в емкость, через которую пропускают загрязненную воду. К ним подводят электрический ток, и образуется гидроксид железа. Это вещество и есть коагулянт, способствующий осаждению растворенных солей, металлов, всяких взвесей. Таким способом можно извлекать из воды цинк, олово, хром, никель,— сказал Кирьянов.

— Я знаю об этом способе очистки. Прибор прост, но изучение и совершенствование его учеными кафедры фи-

зической химии, которую возглавляет профессор Гнусин, потребовало напряженной работы в течение нескольких лет. Надо приветствовать удачную находку наших ученых. Способ очистки сточных вод, примененный профессором Гнусиным и его коллегами, компактность, дешевизна этой установки уже высоко оценены промышленностью. Честь и слава ученым-химикам Кубанского университета и других научных учреждений, которые ведут работы в аналогичном направлении, — заключил Каминский.

— Витольд Савельевич, я хотел бы услышать ваше мнение о такой проблеме: Приазовские плавни — это природные места нерестилищ ценных пород рыбы. У нас на Кубани много тысяч гектаров плавней уже освоено под выращивание риса. Что для народного хозяйства важнее — рис или рыба? — спросил Кирьянов.

— Нам в равной мере нужен и рис и ценные породы рыбы, которые водятся в Азовском море и лиманах. Тем более кубанцы взяли обязательство получать в год до одного миллиона тонн риса. Но воды загрязняются стоками настолько, что не хватает кислорода для рыбы. К тому же Азовское море засолоняется, что также пагубно сказывается для воспроизводства азовской рыбы. Надо эту проблему решать комплексно.

Кирьянов попросил профессора Каминского высказать свое мнение о проекте строительства плотины, перегораживающей Керченский пролив. Какой реальный эффект будет от создания этого грандиозного гидроузла? Профессор, подумав, ответил, что его глубокое убеждение — засоление Азовского моря будет продолжаться и после того, как плотина отгородит Черное море от Азовского. Ведь сток пресной речной воды в Азовское море все время уменьшается. Значительная часть стока Кубани, Дона и других рек идет на орошение полей, на промышленные нужды. Отсюда и засоление морской воды,

Прежде чем строить эту дорогостоящую плотину, надо учесть: какие экологические последствия будут после возведения гидроузла? По существу, Азовское море превратится в закрытый водоем. Необходимо пополнить Азовское море водами из Волги. Это надежнее, и не только не нарушит экологии моря, но и будет способствовать восстановлению в нем запасов рыбы.

— Но волжская вода тоже не очень чистая,— заметил Кирьянов.

— Да, конечно. Во всех случаях надо усиливать охрану чистоты Азовского моря и рек, питающих его. Строительство плотины может вызвать еще большее загрязнение моря, а это грозит рыболовству не меньше, чем засоление.

— Значит, вы, Витольд Савельевич, против строительства керченского гидроузла?

— Я считаю, Григорий Васильевич, что прежде, чем строить такое грандиозное сооружение, надо учесть и взвесить все плюсы и все минусы. Как говорится, семь раз отмерь... Авторы проекта делают упор на рассоление Азовского моря и мало обращают внимания на его загрязнение, особенно нефтепродуктами. Некоторые ученые и специалисты предлагают не приступать к строительству керченской плотины, во всяком случае до решения проблемы оздоровления Азовского моря.

Мое мнение, Григорий Васильевич, что все эти проблемы надо решать комплексно.

Позднее Кирьянов ознакомился с рекомендациями Госплана СССР ускорить разработку схемы комплексного использования и охраны водных и земельных ресурсов бассейна реки Дона и впредь до утверждения этой схемы воздерживаться от проектирования и строительства новых оросительных систем, связанных с дополнительными заборами воды.

В этом же документе сказано, что пополнение реки Дона за счет Волги возможно только при одновременной переброске части стока северных рек в бассейн Волги.

— Как же быть нам, кубанцам, в подобной ситуации?

— Возможно, вам придется рассмотреть вариант заимствования воды из Волги,— заметил Каминский.

— Но это же обойдется очень дорого!

— А что поделаешь? Затраты на строительство системы окупятся. Уже разрабатывается проект переброски части стока реки из северных широт в южные...

Кирьянов был знаком с этим грандиозным проектом строительства. Уровень Каспия все время понижается. А в ближайшие пятнадцать-двадцать лет, если не принять меры, уровень его может понизиться еще на полтора метра.

Согласно проекту проблему дефицита воды в Каспийском и Азовском морях, Волге, Доне, Кубани можно решить за счет перераспределения части стока северных рек. В первую очередь намечается использование части стока бассейнов Северной Двины, Онеги и Печоры.

Инженерная сторона этой проблемы изучена, но экологические аспекты требуют длительных фундаментальных исследований. Поэтому на первом этапе переброски стока из каждого источника могут быть взяты относительно небольшие количества воды, что, частично удовлетворяя потребности южных районов, не вызовет необратимых последствий на севере.

— Московские и вильнюсские биологи,— говорит профессор Каминский,— рекомендуют использовать набор одноклеточных водорослей в биологических прудах, предназначенных для очистки вод. Строительство таких прудов, их эксплуатация обходится в несколько раз дешевле обычных очистных сооружений. Обслуживает такой пруд всего один человек.

А для полива риса надо больше практиковать повторное использование воды, чаще применяя биологическую защиту риса, а не только пестициды. На Кубани пока мало и слишком осторожно применяют этот метод.

— Витольд Савельевич, я хотел бы знать ваше мнение — как лучше организовать охрану природы, в том числе и водных ресурсов? Я, например, считаю, что это должно проводиться централизованно, а не так, как сейчас — на отраслевом принципе, — заметил Кирьянов.

Он неспроста задал ученому этот вопрос. Последнее время в нашей прессе обсуждается проблема — как более эффективно поставить дело охраны природы?

— Проблема структуры водоохраных учреждений пока находится в стадии дискуссий, — ответил профессор Каминский. — Я тоже считаю, что охрану природы — вод, лесов, земель — необходимо сосредоточить в одном авторитетном органе при Совете Министров СССР, как это, например, уже сделали в Болгарии. Хорошо уже то, что сейчас специалисты и ученые спорят о таких важных проблемах, ищут новые пути и формы. И найдут их. Обязательно найдут. Ведь нерешенных проблем и вопросов в охране природы у нас еще немало. Водный дефицит уже в ближайшие годы будет сильно сдерживать развитие народного хозяйства на юге страны.

Проблема обеспечения водой Каспия и Азова, пополнения водных ресурсов Кубани, Дона, Урала, Волги и рек Средней Азии будет, конечно, решена. А пока надо улучшить регулирование забора воды и охраны чистоты водных объектов. Охрана вод и всей окружающей среды стала уже общенародной проблемой. Сейчас усилия специалистов Советского Союза и зарубежных ученых направлены на осуществление совместных проектов, охватывающих основные проблемы охраны окружающей среды. В частности, исследуется динамика процессов загрязнения водо-

емов. Ведется разработка новых технологических процессов, которые позволили бы перейти к безотходной технологии в промышленности. В первую же очередь надо внедрять замкнутые водные циклы на промышленных предприятиях, а затем и в коммунальном хозяйстве.

В ряде зарубежных стран,— продолжал профессор Каминский,— для получения высоких урожаев вносят излишне большое количество азотных и фосфорных удобрений. А это нарушает экологическое равновесие в водных объектах, вызывает их «цветение». Ученые СССР и других стран изучают сейчас вопрос применения удобрений без нарушения экологического равновесия, создание методами генной инженерии симбиоза хлебных злаков и микроорганизмов, которые непосредственно поглощали бы азот из воздуха...

32

Тихая речка словно дремлет в тени склонившихся над водой верб, моющих свои косы в речных струях. От их зелени и вода в речке отликает изумрудом. Изредка набежит слабый ветерок, и зеркальная гладь подернется серебристой рябью. Пахнет разнотравьем, речной сыростью, в траве нестройно поскрипывают кузнечики и стрекозы. В ветвях верб грустно воркует гор-linka, а дальше слышится звонкий голос кукушки-бездомницы. В стороне в тихой заводи, где зеленеют камыш и рогоз, перекликаются лягушки:

«Пу-у, пу-у, пу-у!» — протяжно тянут одни.

«Ква, ква, ква!» — откликаются другие.

Прелестные речные уголки Кубани сохранились еще кое-где.

На зеленом берегу, в тени задумчивых верб сидят

чуть поодаль друг от друга два рыболова. Один с пышными седыми усами и облысевшей головой, бронзовый от загара. Перед ним два бамбуковых удилица, кошелка, сплетенная из куги, консервная банка с наживкой. Невзирая на жару, старик одет в темную куртку, на ногах — заношенные кирзовые сапоги.

Второй рыбак — молодой, с копной темных волнистых волос. Аккуратно подстриженные усики придают его сильному выразительному лицу солидность, очень идут ему. Он босой, в голубых спортивных рейтузах и белой майке. На руках и на спине играют хорошо развитые мускулы.

Жарко. Клев уже кончился. Но старик не отрывает глаз от поплавков, мерно покачивающихся на воде. Молодой, заломив руки за шею, ложится на спину, смотрит на воркующую горлинку. Клев мало, видно, его интересует.

— Перевелась рыбка в наших речках, — сокрушается старик. Усы у него пушистые, кажется, что он зажал в зубах большой клочок ваты. — А раньше, бывало, на моей памяти рыбки в реках было невпроворот.

— При царе Горохе, папаша? — усмехнулся молодой. — Всем старикам минувшее кажется лучше настоящего.

— Бывало, сядешь с двумя удочками и не успеваешь выхватывать сомов, шаранов, линьков. Попадался и рыбец. Да какая рыбка! Живое серебро, жирнющая. А сомы вот эдакие! — Старик показал вытянутую по локоть руку. — А кое-кому выпадало счастье вытаскивать трехаршинных сомов. И на базарах наших было такого добра навалом. И все дешево. За бесценку рыболовы городские отдавали свой улов. А теперь? Где она, та рыбка? На базаре линьки или королевский карп дороже курятины. Э, да чего там говорить! Откуда взяться теперь рыбе?! Она, как и человек, любит чистую водицу.

— Верно, папаша, водоемы наши сильно загрязнены, — согласился молодой, покусывая зеленую былинку.

— То-то и оно! Спроси сейчас у молодых: знают они, что такое рыбец или шемая? Они и не слышали о такой рыбке. А какая водилась в лиманах и Азовском море тарань! Чуть ли не кило весом, заплывшая жиром. А сейчас что стало с нею? Выродилась, бедняга, превратилась в карликовую. И этой-то не сыщешь днем с огнем. Когда-то тарань и астраханская вобла были едой бедняков. А какие раки водились вот в этой речке! Во, как лапти! Бывало, пошаришь руками в корнях этих верб и за полчаса наберешь полное ведро раков. А теперь они редко где водятся. Темрюкский консервный завод выпускал консервы из раковых шеек, паштеты из раков. Вкуснятина-то какая!

— Это верно, раков у нас стало мало.

— Вот, вот! — подхватил словоохотливый старик. — На моей памяти в речках Кубани, лиманах, Азовском море рыбы водилось тьма-тьмущая. А в старину и того больше. Читал я книжку историка кубанского казачьего войска Щербины. Слышал о таком?

— Слышал.

— Так вот, — писал он, — что сто лет тому назад прибрежье Азовского моря, сладкие лиманы и все речушки области кишмя кишели таранью, осетровыми, судаком, шараном, лещом, сазаном и прочей первосортной рыбкой. А когда она шла весной на метание икры в лиманы и реки, то собиралось ее ужас сколько! Шум и гул был слышен за версту. Рыба шла сплошняком, от нее кое-где речки выходили из берегов. Казаки-черноморцы, — писал Щербина, — ежегодно вылавливали столько рыбы, что можно было ею прокормить пол-России. Соленую и вяленую рыбу чумаки с Кубани увозили в Россию и на Украину тысячами возов. Тогда не было железной дороги. Вот сколько рыбки-то было в наших краях! — прочувственно заключил старик.

— Верю, папаша, что так могло быть в старину, — согласился молодой.

— А все почему? С одной стороны, лиманы, реки и моря загрязнены. С другой стороны — наш рыболовецкий флот имеет мощные орудия лова. Или вот еще: выполняют рыбаки план улова, а им Министерство рыбной промышленности — дополнительный. Так-то, сынок! Как тебя зовут-величают?

— Леонидом.

— А меня кличут Фомичом.

— Так вот, уважаемый Фомич, не все оно так, как нам кажется. В старину, о которой ты говоришь и пишет историк Щербина, в России насчитывалось населения почти втрое меньше, чем теперь. Моря, реки, озера находились тогда в первозданном виде. И конечно же, во всех наших водоемах водилось много рыбы, в лесах и степях — разного зверья и птицы. А сейчас зарегулированы все реки. Рыба миллионы лет шла на нерест по проторенным ее предками путям в верховья рек. Научно-технический прогресс внес в матушку-природу существенные поправки. Резко нарушен гидробиологический процесс — состояние большинства водоемов, имеющих рыбохозяйственное значение. Сотни рек, в том числе Волгу, Днепр, Кубань, Ангару, даже Енисей перекрыли плотинами и мощными водохранилищами для гидроэлектростанций. Вот ты, Фомич, обвиняешь Министерство рыбной промышленности, что оно дает дополнительные планы лова рыбы.

— А чего, разве не так?! И газеты писали об этом не раз.

У тихой речки даже в тени верб жарко. Удильщикам не хочется покидать укромное местечко, выходить на солнце. Сидят и неторопливо беседуют о рыбных делах.

— Так вот, ты ругаешь министерство, а оно обеспечивает рыбой наше многомиллионное население.

— Разве это рыба — хек, морской окунь и прочая мелехлюндия?! Куда ей до нашей пресноводной! То ли дело линьки, судачок, сазанчик или сомик! Пальцы оближешь.

— Верно, пресноводная рыба куда вкуснее океанской. Но если речной рыбы в наш век не хватает, не грех и морской побаловаться. При умении из нее тоже можно приготовить вкусные блюда. Наш рыболовецкий флот ежегодно добывает более миллиона тонн рыбы, и девять десятых из них дает нам Мировой океан. Сейчас наши ученые работают над тем, чтобы возродить рыбоводство во внутренних водоемах. У нас в Советском Союзе сотни тысяч больших и малых рек, масса прудов и озер.

— А рыбки-то хорошей черт-ма.

— Это не так, как нам кажется. Я вот что скажу тебе: за последнее десятилетие в нашей стране построено около 800 крупных искусственных водохранилищ. Среди них и такие, как Братское на Ангаре с поверхностью 5470 квадратных километров. В него вмещается 170 кубических километров воды.

— Ого!

— Вот, Фомич, резерв для разведения пресноводной рыбы ценных пород! И еще пример: в засушливом Ставрополье, наряду с мелиоративными работами, ведется и прудовое рыбное хозяйство. Там степные пруды используются не только для полива полей, но и для разведения рыбы. Многие колхозы и совхозы Ставрополья занимаются этим делом и дают в год до 30 тысяч центнеров товарной рыбы.

— Это похвально! Доброе дело делают.

— В степях Ставрополья создано уже Крайколхозрыбообъединение и рыбоводмелиоративные станции, перед которыми поставлена задача зарыбливать все водоемы, поднимать их продуктивность. Понятно, Фомич?

— Это у наших соседей, ставропольчан. А у нас, на Кубани? — спросил Фомич.

— Ну если на безводном Ставрополье добились таких результатов, то у нас для разведения пресноводной рыбы благодатный край. Много пресных лиманов, водохранилищ, прудов, рек, каналов. Их насчитывается на земле кубанской более двухсот тысяч гектаров. Разведением рыб во внутренних водоемах у нас занимаются Кубаньрыбпром и Краснодаррыбводпром, а кроме них Рыбколхозсоюз, колхозы и совхозы... Так что, папаша, и у нас начато это полезное дело с большим размахом.

— Э, сынок, да ты, видать, причастен к рыбным делам. Говоришь так, будто по книжке шпаришь.

— Не к рыбным делам причастен я, папаша, а к водам.— Молодой собеседник оказался не кто иной, как главный инженер бассейнового управления Леонид Петрович Ярмак. Любит он иногда в выходной день посидеть с удочкой над тихой речкой в тени курчавых верб. Его интересует не столько улов, сколько отдых на природе.

Жарко. Сухо и монотонно трещат в ветвях верб цикады, как бы соревнуясь с неугомонными кузнечиками и стрекозами. Вон серый глазастый кузнец сидит на стебельке цикория рядом с голубой звездочкой-цветком и раз за разом, как-то по-особенному, трепещет сухими крылышками, издавая довольно внятный не то скрип, не то треск. А лягушкам и жара нипочем, орут на всю ивановскую, стараясь перекричать одна другую.

Леонид Петрович давно уже не смотрит на поплавки, хоть не раз уже они судорожно трепетали. Ему приятно лежать на прохладной душистой траве, заложив руки под затылок, и смотреть на небо, виднеющееся сквозь зеленую сетку листвы. Сейчас ему кажется и мурлыканье горлинки, и стрекот кузнечиков в траве, и нестройный хор лягушек своеобразной музыкой природы. Она вселяет в душу какую-то неизъяснимую радость и умиротворение. Даже вблизи большого города сохранились такие чудесные угол-

ки, где приятно усталому человеку побывать наедине с природой, душой и телом сливаясь с нею, чувствовать первозданную радость бытия и душевную раскованность. Как же не дорожить каждой зеленой былинкой, каждой зверушкой и букашкой! Как необходима она, матушка-природа, всем, и особенно городским людям! Народный академик Терентий Мальцев ставит вопрос уже о том, чтобы запретить охоту на птиц и зверей.

— А скажи, сынок, правду говорят, что в Азовском море перевелась рыба из-за того, что в нем вода стала солонее?

— Азовское море с древних времен славилось рыбным богатством. Скифы называли его «Рыбным», итальянцы — «морем Чебаков», древние греки — «Кормилицей». Так вот, папаша, наше правительство поставило перед учеными и рыбаками боевую задачу — возродить в наших морях и внутренних водоемах рыбные богатства на научной основе. Для этих целей государство отпускает громадные средства. Дело это у нас еще молодое, как и охрана вод, мало вато опыта. То, что нарушалось в природе столетиями, не восстановишь за какие-нибудь десять-двадцать лет. Уже приостановлен процесс снижения рыбных запасов в водоемах СССР, постепенно идет увеличение рыбного поголовья. Одна акклиматизация новых для нас пород рыб во внутренних водоемах дает уже более 700 тысяч центнеров в год. И эта цифра будет увеличиваться с каждым годом.

— Дай бог.

— Но на пути восстановления рыбных богатств стоят пока две преграды: загрязнение водоемов и проблема кормов для прудового рыбоводства.

— А чего ее кормить-то? Во все времена рыбка сама себя кормила.

— Сейчас в прудовом рыбоводстве без подкормки не

обойдешься, если это ставить на промышленную основу. А с кормами у нас не очень хорошо. У нас рыбоводство становится таким же делом, как и создание вокруг городов птицефабрик, овощеводческих хозяйств, свиноводческих баз. Но и эта проблема у нас будет решена, и это время не за горами.

Старик собрался домой. Вытащил из воды кукан, на нем было нанизано с десяток рыбешек разной величины.

— Пошли, сынок, по домам.

— Я побуду еще. Бери и мой улов.

— А ты как же? Чего жена скажет? Не поверит, что был на рыбалке. Бабы — они знаешь какие, им в голову лезет всякая чепуха.

— Нет, моя жена не из таких. Бери, папаша, бери...

33

Вечером, когда Григорий Васильевич собрался уже домой, зазвонил телефон.

— Кирьянов слушает.

— Здравствуйте! Говорит секретарь крайкома партии. Завтра в десять утра ждем вас у себя.

— По какому вопросу?

— Как выполняется постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по предотвращению загрязнения бассейнов Черного и Азовского морей».

Кирьянов понимал — предстоит серьезный разговор. Надо хорошо подготовиться к нему. Это хорошо, что в крайкоме партии интересуются не только работой бассейнового управления, но и принимают деятельное участие в деле охраны вод.

В девять утра Григорий Васильевич был уже в приемной секретаря крайкома.

В кабинете собрались секретари крайкома партии, заведующие отделами.

— Нас интересует, как на сегодняшний день обстоят дела в крае с выполнением постановления Центрального Комитета партии и Совета Министров СССР и как идет строительство очистных сооружений с учетом роста промышленных объектов, здравниц, жилья,— сказал секретарь крайкома.

— За последние два года в крае построено и введено в эксплуатацию 68 водоохраных объектов мощностью 404 тысячи кубических метров в сутки. Плюс к этому введены в действие системы оборотного водоснабжения мощностью 134 тысячи кубометров в сутки,— начал Кирьянов.

— Как, по-вашему, много это или мало?— спросил один из секретарей.

— Конечно, если сравнить с тем, что двенадцать лет назад в крае имелось всего-навсего одно очистное сооружение, а теперь только за два последних года построено их 68 — это неплохо. И все-таки в крае ежедневно сбрасывается в водоемы тысячи кубометров неочищенных промышленных и хозяйственно-бытовых сточных вод. Строительство водоохраных объектов значительно отстает от ввода в эксплуатацию промышленных, жилищно-коммунальных и других объектов. К тому же, как мы ни бьемся, почти все промышленные предприятия продолжают использовать питьевую воду на технические нужды.

Секретарь крайкома укоризненно покачал головой, что записывая на листе бумаги.

— Мы тоже не раз напоминали об этом руководителям предприятий. Но, видно, от разговора придется переходить к более действенным мерам,— строго сказал он.— Продолжайте, товарищ Кирьянов.

Кирьянов перечислил, в каких районах срываются сроки строительства очистных сооружений.

— Картину нарисовали вы, товарищ Кирьянов, невеселую,— заметил секретарь.— А какие, по-вашему, причины этого отставания?

— Главная, можно сказать, причина в том, что в крае до сих пор многие руководители считают водоохранное строительство второстепенным делом. И вторая причина — до сих пор нет у нас специализированных строительно-монтажных организаций. Очистные сооружения в крае ведут 19 строительных организаций, причем разных профилей и назначений, не имеющие производственных баз, а также и опыта строительства таких объектов.

— А что предпринимает ваше управление для того, чтобы форсировать строительство очистных сооружений? Ведь это сдерживает строительство новых здравниц и сдачу их в эксплуатацию.

— Мы предпринимаем все, что зависит от нас: держим это строительство под своим контролем, информируем о его ходе партийные и советские органы, всеми мерами стараемся торопить строителей, обращаемся за поддержкой в вышестоящие органы. Наконец, как крайнюю меру мы ставим свое вето на завершённые объекты, не имеющие очистных сооружений...

— Последний ваш метод нажима на подрядчиков, прямо скажу, нежелателен,— заметил заведующий отделом строительства.

— А что нам остается делать? Действуем мы согласно советскому водному законодательству. Без конфликтов в нашем деле не обойтись. Вы, наверное, знаете, что в 1977, 1978 и 1980 годах Азово-Черноморскому бассейновому управлению за победу в социалистическом соревновании присуждены Красные знамена? И это в основном за то, что мы в своей зоне добились стопроцентного освоения средств, отпущенных на строительство очистных сооружений. К нам приезжают из других управлений за опытом.

— Нам поступает много жалоб на ваше управление за то, что вы порой суровы и неуступчивы в применении санкций, использовании своего права вето,— заметил кто-то.

— На это они мастера. Опломбируют готовый объект, а конфликт приходится разрешать нам,— вставил заведующий отделом строительства.

— Делаем мы это в соответствии с требованиями водного законодательства. Опломбирование готового объекта — это крайняя мера. Не ради своей прихоти мы идем на это. Обычно ему предшествуют предупреждения, переписка, телефонные звонки, письма во все инстанции,— ответил Кирьянов.

— Дело не в том, что вы навешиваете пломбы на готовые объекты. В таких делах главное — не придерживаться формального принципа,— заметил секретарь крайкома.

— Понимаю. Каждый конфликт мы стараемся решить, исходя из конкретных условий и обстановки, учитывая все минусы и плюсы,— пояснил Кирьянов.

— Как идут дела на строительстве второй очереди краснодарских очистных сооружений? — поинтересовался заведующий отделом.

— Сейчас работы идут полным ходом. Есть все данные к тому, что очистная система второй очереди будет закончена в намеченный срок.

Секретари крайкома и заведующие отделами задавали Кирьянову много вопросов о состоянии водных бассейнов, о степных реках, что предпринимается для их санитарного оздоровления, как обстоит дело с забором воды в городах и сельских районах, наведен ли тут порядок, много ли таких промышленных предприятий, которые до сих пор не перешли на замкнутый цикл водопользования и потребляют для промышленности питьевую воду. Чувствовалось, что

руководство крайкома во всех этих вопросах — охраны и регулирования водных ресурсов — охраны природы было хорошо осведомлено. Их интересовали формы работы водоохранного управления. Кирьянов назвал основные из них, более подробно остановился на очень результативной форме — ежегодных краевых общественных смотрах водных ресурсов. Смотр организует бассейновое управление совместно с краевым советом НТО, краевой санэпидстанцией и всеми смежными организациями, призванными охранять природу, окружающую человека среду.

— А результаты этих смотров? — спросили Кирьянова.

— Последний смотр дал такой эффект: за год по краю было внедрено 22 конструктивных и технологических мероприятия, что позволило сэкономить более полумиллиона кубометров питьевой воды, утилизировать из сточных вод множество ценных веществ. Экономический эффект этого смотра составил больше 200 тысяч рублей. Один нефтезавод за период смотра резко сократил расход питьевой воды на технологические нужды, используя очищенные сточные воды вместо артезианских. Нефтезавод через свои очистительные системы собрал более тысячи тонн нефтепродуктов. Все это, вместе взятое, сказалось и на качестве стоков, сбрасываемых в Кубань.

— Ваше водоохранное ведомство работает уже двадцать лет. Нас интересует, насколько чище стали водоемы за это время? — спросил один из секретарей.

Кирьянов ответил не сразу. Сказать, что стали намного чище, — это было бы неправдой. Он как коммунист не мог кривить душой.

— В акваториях портов Новороссийска, Туапсе, Сочи мы навели порядок. Чище стало Черноморское побережье, хотя в море сбрасывают еще неочищенные стоки. Хуже в Азовском море, особенно в районе Темрюка, а также в реке Кубани около Славянска.

— Значит, еще слабо работает водоохранная служба?— заметил заведующий отделом.

— Может быть, не спору. Но дело вот в чем. В связи с бурным строительством в крае новых промышленных объектов, жилья, здравниц загрязнение водных источников идет быстрее, чем строительство водоочистных систем. И такое положение будет продолжаться, пока не вступят в строй все начатые и запроектированные очистительные системы и технологические установки для оборотного водопользования и замкнутого цикла.

— Мы ценим ваше чистосердечное признание, Григорий Васильевич. Но, признаюсь, мы ожидали большего. Надо энергичнее, настойчивее разворачивать деятельность управления, всех ваших служб по охране вод,— сказал секретарь крайкома.

— Мы предпринимаем все, что зависит от нас, от нашей нелегкой службы, начиная с разъяснительной и пропагандистской работы и кончая применением санкций. Мы опломбируем готовые объекты не для того, чтобы внести хаос в наши народнохозяйственные планы, как это понимают отдельные заказчики и подрядчики, а чтобы дать понять, что дальше нельзя мириться с загрязнением водоемов.

— Крайком партии полностью поддерживает вас в этих вопросах и одобряет принципиальную позицию бассейнового управления. Мы всегда оказывали и будем оказывать вам не только моральную, но и практическую помощь.

— За это вам большое спасибо.

— Благодарить нас не за что: охрана вод, природы, окружающей человека среды — наше общее дело. Этим вопросам партия уделяет много внимания и заботы. Мы просим вас повнимательнее относиться к жилым объектам и новым здравницам. Тут вы не должны проявлять ни малейшего формализма, огульного наложения своего вето.

Мы не можем допустить, чтобы ваше управление опломбировало готовые многоквартирные дома и санатории, конечно, без особых на то причин.

— Мы так и поступаем.

— А одиннадцать жилых домов, из-за которых у нас был крупный разговор?— напомнил заведующий отделом.

— Управление не разрешило сдавать эти дома в эксплуатацию в связи с тем, что городское водоочистное сооружение сильно перегружено. Нашли компромиссное решение: подрядчики и заказчики изыскали дополнительные средства, механизмы, материалы для форсирования строительства второй очереди водоочистительной системы.

Вопросов было немало, и в своем большинстве они касались претензии к бассейновому управлению со стороны различных производств и ведомств. Кирьянов ожидал этого и подготовился к ответам. Говорил он четко и уверенно, и это понравилось присутствующим.

— Какие будут просьбы к нам по всем затронутым сейчас вопросам?

— Для улучшения водоохранной работы и безусловного выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1976 года «О мерах по предупреждению загрязнения бассейнов Черного и Азовского морей» наше управление убедительно просит вас рассмотреть на бюро крайкома партии вопрос о строительстве водоохранных объектов и оказать помощь в ускорении проектирования очистных сооружений, создании специализированных строительно-монтажных организаций, а также проведении в марте этого года краевого партийно-хозяйственного актива по вопросам охраны водных ресурсов.

— Попрошу вас, Григорий Васильевич, все эти доводы и просьбы изложить подробно и доказательно в записке.

— Сделаем обязательно! Хорошо было бы, если на

сегодняшнюю беседу пригласить и тех, кто постоянно нарушает водное законодательство и чаще всех жалуется на нас,— сказал под конец Кирьянов.

— На вашу просьбу отвечу так: я знаю всех тех, кто часто нарушает водное законодательство. С ними у нас будет особый разговор. На днях я выезжаю в командировку. А вы пока подготовьте список этих товарищей, по приезде соберу их и поговорю с ними. Охрана природы — важнейшая проблема современности. Мы просим все ваши водоохранные службы, всех ваших смежников шире понимать свои функции и задачи. Ведь вы не только стоите на страже чистоты вод, вы охраняете природу от хищнического использования ее даров. Надо в этом ответственном и благородном деле использовать все средства, имеющиеся в вашем распоряжении, объединять все усилия тех, кто причастен к охране вод, лесов, земель, окружающей человека среды. И чтобы у вас среди смежников не было чересполосицы, дублирования, разобщенности, как в той поговорке: кто в лес, кто по дрова. Шире привлекайте к охране природы общественность, нештатных инспекторов. Борьба за охрану природы — всенародное дело. А на поддержку крайкома можете всегда рассчитывать. У нас все к вам. Есть ли у вас какие просьбы или вопросы к нам?

— Пока нет.

— Желаю вам, Григорий Васильевич, успехов в вашем благородном деле, не пасовать перед трудностями. Чистота водных источников — это здоровье народа, его богатство, его радость и красота. Это — жизнь. И еще пожелание вашему управлению — никому не уступать завоеванного знамени победы в соревновании...

Григория Васильевича Кирьянова журналист попросил ответить на некоторые вопросы.

Первый из них был о Черном море.

— Черное море — одно из самых популярных морей не только в нашей стране, но и за рубежом. Оно теплое, в меру соленое, в нем вдвое меньше солей, чем в Средиземном. К тому же оно богато кислородом. Над сероводородистой толщей глубин лежит стопятидесятиметровый слой прозрачной воды, густо населенный микроорганизмами водорослями, насыщающими воду и воздух кислородом. Отсюда особые целебные свойства Черного моря.

Но и здоровье нашего моря нуждается в постоянном надзоре бассейнового управления — это по сути своей оперативный штаб, основная функция которого состоит в том, чтобы ежедневно и ежечасно держать руку на экологическом пульсе не только Черного и Азовского морей, но и других водных источников всего нашего громадного региона. Девять гидрологических лабораторий постоянно выдают экспресс-информацию о чистоте воды. Быстроходные катера, вертолеты и самолеты постоянно патрулируют над морями, реками, водохранилищами. Тысячи добровольных помощников наблюдают за чистотой морей и рек и немедленно сообщают нам о тревожных ситуациях.

Нашему управлению стоило больших усилий добиться того, чтобы Черное море было чистым и здоровым. Миллионы трудящихся ежегодно устремляются на побережье Черного моря.

Среди отдыхающих есть и иностранцы, которых, кроме всего прочего, привлекает завидная чистота воды и пляжей.

Неспроста западные бизнесмены предлагали нам по-

строить за свой счет на побережье Черного моря целую серию курортов, кемпингов, отелей, пользоваться ими по своему усмотрению несколько лет, а потом безвозмездно передать их нам. Наше правительство не пошло на такую, казалось бы, выгодную сделку. Мы умеем и сами строить оздоровительные учреждения, на Черноморском побережье их немало. Пусть нашим благодатным морем пользуются советские трудящиеся.

Некоторые предприятия уже перешли на безводные технологические процессы или смонтировали установки для очистки стоков и для оборотного водопользования. Все суда Черноморского пароходства в том числе и рыболовецкие, оборудованы емкостями для сброса вод, загрязненных нефтью и отработанными маслами, которые потом сливают на специальных плавучих или береговых станциях. В нефтеналивных портах построены сооружения для приема с танкеров балластных вод.

— Разрешают ли в акваториях Черного и Азовского морей разведывательное бурение или взрывные работы?

— Во избежание нежелательных последствий законом установлен особый порядок проведения в акваториях этих морей взрывных и геологоразведочных работ, способных оказать вредное влияние на живые ресурсы морей.

Мы ведем строгий контроль за соблюдением правил, ограничивающих применение ядохимикатов, следим за чистотой вод, поступающих с орошаемых полей.

— Что вы, Григорий Васильевич, можете сказать о разрушении Черным морем его берегов?

— Это очень важный момент в жизни моря. Посудите сами, во время шторма в черноморский берег волны бьют с силой 20 тонн на квадратный метр. Это — огромная сила, способная разрушить все инженерные сооружения. Ежегодно на укрепление берегов Черного моря наше государство тратит миллионы рублей. Сейчас на большей

части Черноморского побережья Кавказа и Крыма исключено какое-нибудь крупное разрушение берегов даже во время сильных штормов.

— На Черном море практикуют искусственный намыв песка на галечные пляжи. Не отражается ли это на санитарном состоянии моря или его берегов?

— Это вызывает у специалистов большой интерес. В нашей стране уже накоплен некоторый опыт создания открытых искусственных пляжей на берегах морей. Нет, это не только не отражается на санитарном состоянии морей, а улучшает его, предохраняет берега от размыва. В Геленджикской бухте, например, и в Джубге намыто песком несколько гектаров берега. Подобные же пляжи созданы или проектируются в Коктебеле, Одессе, Ейске и других курортах на Черном и Азовском морях.

Мореplаватели античной Греции называли Черное море «Понтом Эвксинским» — морем гостеприимным. Мы делаем все, чтобы оно осталось таким для нас и наших потомков.

35

Прекрасно на исходе мая в поле. Воздух пьянит и бодрит свежестью, словно целебный бальзам. Озимые уже заколосились, по неоглядному массиву пшеницы бегут от ветра волны, и кажется, что мириады колосьев кланяются мягкому ветру, ласковому солнцу и степному простору. На горизонте текучее морево создает иллюзорные картины, полевой колхозный стан издали кажется сказочным замком, ветрозащитная лесополоса, подернутая голубой дымкой, похожа на горные увалы, а перед ними ослепительно сверкает озеро или русло реки в половодье. В хлебах перекликаются перепела, а жаво-

ронки, зависая над землей, будто живые колокольчики, разливают окрест серебряный звон.

Белая «Волга» мчится по асфальту шоссе. По сторонам проплывают ухоженные поля пшеницы, кукурузы, подсолнечника, люцерны.

Заместитель министра мелиорации и водного хозяйства, он же главный водоинспектор Российской Федерации Николай Савельевич Черепяхин и начальник бассейнового управления Григорий Васильевич Кирьянов возвращаются в Краснодар после очередной инспекционной поездки по Ставрополю. Три дня кружили они на вертолете, а потом на автомашине, успели наговориться о делах воднадзора, решить немало организационных вопросов. Оба устали и теперь говорили о том о сем.

— Хороши поля! Что за район?— спросил заместитель министра.

— Это же знаменитый Ипатовский район, где зародился новый прогрессивный способ высокоинтенсивного земледелия,— ответил Кирьянов.

— Сразу заметен почерк ипатовцев.

— Николай Савельевич, а не сделать ли нам разминку? Надоела езда на машине,— предложил Кирьянов.

— С великим удовольствием! Я сам хотел предложить вам это.

— Сережа, сворачивай вон на ту полевую дорогу.

Отъехав с полкилометра от шоссе, вышли из машины.

— Сережа, поезжай вперед. Жди нас возле лесополосы.

Машина умчалась, а пассажиры, разминая ноги, пошли полевой дорогой.

— Григорий Васильевич, вы, кажется, работали в Ставропольском крайкоме партии, когда там первым секретарем был Федор Давыдович Кулаков?

— Да. Мне посчастливилось работать под началом это-

го замечательного человека, крупного партийного и государственного деятеля. С ним я познакомился еще в Пензе, когда он был председателем областного Совета народных депутатов. В Ставропольском крайкоме мне часто приходилось заниматься делами колхозов и совхозов. В те послевоенные годы у нас негусто было с хорошими кадрами председателей колхозов и директоров совхозов, среди них имелись и такие, кто прибегал ко всякого рода припискам, показухе, а то и просто к очковтирательству.

— Эти болезни знакомы и мне. С 1950 года я несколько лет был на партийной работе сначала инструктором, потом заведующим сектором, заместителем заведующего сельхозотдела Краснодарского крайкома партии. Несколько раз избирался первым секретарем Калининского райкома партии на Кубани. После этого работал инструктором Центрального Комитета КПСС, более шести лет вторым секретарем Читинского и Псковского обкомов партии. Довелось работать и заведующим сектором сельхозотдела ЦК... Так что знаю наше сельское хозяйство, имею представление о приписках и показухе. Явления пакостные, и бороться с ними было не так-то просто. Кое-где они встречаются и сейчас,— сказал заместитель министра.

— В те годы немало колхозов и совхозов Ставрополья не успело еще окрепнуть после различных реорганизаций,— продолжил Кириянов.— Федор Давыдович много внимания уделял отстающим хозяйствам. Обычно он выезжал рано утром в район и там в бригадах и на фермах беседовал с колхозниками, выяснял, что мешает хозяйству работать нормально, в полную силу, с хорошей отдачей. А потом уже ехал в райком.

Не раз доводилось мне вскрывать в колхозах и совхозах приписки и очковтирательство. Однажды Федор Да-

выдович дал мне задание ъехать в один из районов и внимательно ознакомиться там с деятельностью колхозов и совхозов. Район этот когда-то считался передовым, докладчики часто приводили его в пример. Потом мнение о нем изменилось,— одни говорили, что он уже утратил былую славу, другие же по инерции числили его все еще передовым.

Было это в разгар уборочной страды. В отдельных хозяйствах отставали с уборкой хлебов. Неделю пробыл я в этом районе, успел присмотреться к нескольким хозяйствам: в одном часто простаивали комбайны, в другом плохо организован вывоз зерна с токов, в третьем — низкие урожаи и большие потери зерна при уборке. В иных хозяйствах запущено животноводство. В некоторых колхозах и совхозах района была плохо поставлена массово-политическая работа.

Я всячески старался помочь в организации уборочных работ, совместно с парторганами проводил беседы и политинформации на фермах и в бригадах, давал советы неопытным парторганам по плану работы.

Приехал в райком и обо всем увиденном доложил первому секретарю. Он иронически усмехнулся: не по душе пришлась ему моя оценка деятельности хозяйств, в которых я успел побывать. Говорит мне: если придирааться, то и в передовых хозяйствах можно отыскать недоработки. Потом спрашивает:

— А в колхозе «9 Января» был?

— Нет.

— Там толковый секретарь парторганизации, неплохо поставлена партийная, политическая и воспитательная работа. Урожаи собирают хорошие, животноводство рентабельное.

Приехал я в колхоз «9 Января», поговорил с секретарем партбюро. Он не без бахвальства говорит мне: де-

ла, мол, в колхозе идут полным ходом. Хозяйством руководим, с народом работаем. Показал мне сводки. По ним все как будто хорошо. Отправился я в бригады и на фермы и сразу убедился, что дела в колхозе идут далеко не так, как показано в оперативных сводках.

По продаже зерна, мяса, молока планы колхоз выполнял. Но планы эти были сильно занижены, без учета реальных возможностей хозяйства. За восемь месяцев надои молока по сравнению с прошлым годом снизились почти вдвое. Плохо дела обстояли и с производством свинины. Где ни копну, всюду приписки. На МТФ доярка Мария Коваленко вручную доила 120 коров, закрепленных за нею. Это в десять раз больше нормы.

— Как же она управлялась? — спросил Николай Савельевич.

— Очень просто. Сегодня доит одну группу, завтра другую, послезавтра третью. К моменту моего знакомства с дояркой Марией Коваленко у нее осталось всего 53 коровы.

— А остальные куда девались?

— Они преждевременно потеряли молоко, ну их и сдали на мясо. Примерно такая же картина создалась и на другой ферме. Не лучше обстояли дела и на свиноферме. Первое, что я увидел, подъезжая к ферме, — автомашину, из нее в корыта выгружали чистое пшеничное зерно, которым кормили свиней. Старшая свинарка на мой вопрос — сколько ежедневно привозят на ферму пшеницы, — ответила:

— Не знаю. Кончится зерно, подвезут еще. Я просила заведующего фермой, чтобы привозили не зерно, а дерть, ее лучше едят свиньи и имеют большой привес, но он и слушать не хочет, отмахивается, как от назойливой мухи. А в колхозе простаивает без дела мельница.

Нашел я заведующего свинофермой. Спросил у него,

нормально ли скармливать пшеницу свиньям? Он сердито ответил:

— У нас есть председатель, чего он скажет, то я и делать буду.

— А если он прикажет голодом морить свиней?

— Ну, до этого, наверно, не дойдет,— ответил заведующий.

— Куда же смотрели работники райкома?— спросил Николай Савельевич.

— Они смотрели в оперативные сводки, поступающие из колхоза. По этим сводкам и по телефону райкомовцы руководили колхозами и совхозами. Председатель колхоза недобросовестный, очень изворотливый человек, подмял всех под себя, чувствовал себя в колхозе царьком. Ему звонят из райкома, чтобы он прекратил скармливать свиньям кондиционное зерно пшеницы, а он отвечает, что это, дескать, по ошибке произошло. Указание будет выполнено. Спасибо, что поправили. Однако продолжал поступать в таком же духе. Только за три месяца на корм свиньям в колхозе ушла тысяча центнеров пшеницы. И это в то время, когда хозяйство не выполнило еще план хлебопоставок...

— Из личного опыта знаю, что животноводство — сложная и трудная отрасль. Партия и правительство многое делают для того, чтобы оно полностью удовлетворяло потребности населения. Вот и на XXVI съезде КПСС животноводство объявлено ударным фронтом,— заметил Николай Савельевич.

— Обидно, что недальновидные руководители допускали волюнтаризм и прожектерство в решении сложных проблем животноводства и нанесли ему этим чувствительный урон,— добавил Кирьянов.

Они неторопливо шли полевой дорогой, вдыхая чистый степной воздух, насыщенный кислородом и запахами

разнотравья. На обочине дороги цвели алые маки, полевые ромашки, медоносный синк, голубые звездочки дикого цикория. Над пестрыми, приятно пахнущими цветами порхали красиво расписанные природой бабочки, кружили басовитые шмели, пчелы-трудяги. Задорные перепела оглашали свистом степь, звенели колокольчиками жаворонки, где-то в густых стеблях пшеницы их серенькие подруги терпеливо высиживали потомство, а они неподалеку, зависая в воздухе, как бы стояли на страже.

— Ну, если в передовом районе творились такие безобразия, то что было в рядовых или отстающих колхозах?!— сказал Николай Савельевич.

— А знаете, часто было так: вперед вырывались отстающие колхозы и совхозы, которые часто критиковали. Этот же район, видно, перехвалили, люди самоуспокоились на достигнутом, а работники райкома не замечали этого. Первый, кто усомнился в благополучии хозяйств района, был Федор Давыдович Кулаков. Сельское хозяйство он знал, умел разбираться в людях, поддерживать добрые начинания, но умел и одернуть зарвавшихся, подстегнуть нерадивых. В партийных кругах и у народа он пользовался авторитетом. За несколько лет работы первым секретарем Ставропольского крайкома Кулаков успел сделать немало, особенно по подъему сельского хозяйства.

— Знаю его деловые качества. Мне не раз доводилось встречаться с ним по разным вопросам. Федор Давыдович при первой же встрече производил хорошее впечатление, подкупал своим обаянием, простотой, умением внимательно выслушать человека, быстро и правильно решать вопросы. Жаль, рано ушел он из жизни. Много бы еще мог сделать,— сказал Николай Савельевич.

Молча прошли они с десятков шагов, любуясь майской степью, вдыхая бодрящий воздух.

— Ну и чем закончилась ваша проверка колхоза «9 Января»?

— А тем, что я едва не поплатился партбилетом.

— Это при Федоре Давыдовиче?— усомнился заместитель министра.

— Он-то и спас меня от беды. Закончив проверку колхоза «9 Января», я собрал коммунистов и комсомольцев, доложил им о ненормальных фактах на фермах, подсказал комсомольцам, чтобы они взяли шефство над животноводством колхоза. Об этом же было и мое выступление на партийном собрании. После этого я поехал в райком партии. Проинформировал я членов бюро райкома о крайне неблагоприятном положении в колхозе «9 Января». Бюро приняло решение: «Изложенные факты инструктором райкома о бесхозяйственности в колхозах и совхозах района признать правильными и приложить все усилия для их устранения».

По возвращении в Ставрополь я доложил обо всем заведующему отделом сельского хозяйства. Федор Давыдович был в это время на сессии Верховного Совета в Москве.

— Все факты изложите в справке. Обо всем этом доложите лично Федору Давыдовичу,— сказал заведующий отделом.

Так я и сделал. Товарищи по работе посоветовали мне выступить по этим вопросам в краевой газете «Ставропольская правда». Статью я озаглавил «За пышным фасадом», и скоро она появилась в газете.

В тот же день меня пригласил к себе Федор Давыдович.

— Здорово вы расписали этот колхоз! Не сгустили ли краски?

Я показал ему кулек с пшеницей, которой в колхозе кормили свиней. Он взял горсть, начал рассматривать зерно.

— Да это золото, а не пшеница! Она же семенная.

Федор Давыдович в тот же день пригласил к себе членов бюро крайкома, заведующих отделами, работников сельхозуправления, по селектору связался со всеми райкомами и райисполкомами края.

— Все читали в газете статью товарища Кирьянова «За пышным фасадом»? Так, значит, мне будет легче говорить о подобных фактах...

Разговор был серьезным. Федор Давыдович только оттолкнулся от моей статьи, а затем привел массу своих примеров, подверг критике нерадивых партийных и советских работников и тех, кто прибегает к припискам, очко-втирательству...

А через некоторое время крайком получил постановление бюро райкома и опровержение моей статьи для газеты «Ставропольская правда». Меня обвинили в необъективном подходе к делу, в искажении фактов, а проще, в клевете. Первый секретарь райкома пользовался авторитетом в крайкоме партии. Я понял, дело для меня может обернуться большой неприятностью. Решение конфликта затягивалось. Когда Кулаков снова уехал в Москву, я узнал, что назавтра на бюро приглашен секретарь райкома, который подписал опровержение.

Мне пришла мысль пойти в редакцию газеты и рассказать там обо всем.

— Спасибо, что сообщили об этом,— сказал заместитель редактора Марат Владимирович Грамов,— постараемся во всем разобраться.

А к вечеру мне позвонили из редакции, что завтра в номере будет напечатана редакционная статья под названием «Из соображений престижа».

В шесть утра я уже держал свежий номер «Ставропольской правды». В нем читал: «...Признав, что факты, приведенные в статье, «в основном подтвердились», бюро

райкома не сделало правильных выводов, не дало должной оценки своим ошибкам в руководстве колхозами и в работе по воспитанию кадров. Пытаясь сгладить остроту, отмахнуться от критики в газете, члены бюро райкома в своем решении пытаются обвинить автора статьи в искажении фактов... Бюро не приняло мер к улучшению работы по воспитанию кадров, по повышению чувства ответственности».

Они шли полевой дорожкой, а майская степь дышала весенними запахами. Хорошо ухоженные ипатьевцами плантации кукурузы, подсолнечника, сахарной свеклы ласкали глаз изумрудной, не тронутой еще летним зноем зеленью. Далеко, до самого горизонта, затуманенного маревом, расплескалось поле озимой пшеницы, по нему из края в край бежали волны.

— Такая пшеничка даст не меньше 45, а то и все 50 центнеров,— сказал заместитель министра, сорвав длинный, плотный колос «безостой» селекции кубанского кудесника академика Павла Пантелеймоновича Лукьяненко.— После войны мои земляки-кубаны мечтали о стопудовых урожаях, а теперь их не устраивают и трехстопудовые!

— После войны до неузнаваемости изменились поля даже на Ставрополье, бедном водными ресурсами. Не те уже стали колхозы,— добавил Кирьянов.

— Изменились и люди. Я вот вырос на Кубани, там все менялось прямо на глазах. Менялся облик станиц, образ жизни колхозника, отношение к труду, психология людей.

— Ставропольцам здорово помогает кубанская водичка.

— Это верно,— согласился Николай Савельевич.— Как обидно и досадно, если колхозы не по-хозяйски пользуются водой для полива. Надо вам, Григорий Васильевич, строже контролировать это дело...

После облета Кирьяновым и Черепяхиным побережья от Анапы до Адлера состоялось совещание. Черепяхин взял слово:

— Я внимательно осмотрел побережье в районе краснодарских здравниц. Меня обрадовало то, что в районе Больших Сочи чистота, как у хорошей хозяйки в квартире. Это заслуга, прежде всего, заведующей сочинской гидрохимлаборатории Лидии Николаевны Юрченко...

Заместитель министра отметил еще нескольких энтузиастов водоохранного дела, в том числе инспектора Боровикова. Он уважал и ценил этого немолодого уже человека за его одержимость, дотошность в работе.

— В Сочи я беседовал с двумя главными врачами санаториев. Они признались мне чистосердечно, что вначале трудно им было иметь дело с водоинспекторами. Но под их нажимом, говорили они, мы сделали многое для наведения порядка на пляжах. Если раньше мы боялись и ругали ваших инспекторов, сейчас благодарим их...

Сделано нами уже немало,— продолжал Черепяхин.— Но предстоит еще очень большая работа для того, чтобы в моря и реки не поступали грязные стоки. Мы призваны добиваться этого и как можно скорее. И мы добьемся. Вот и в вашем регионе срываются намеченные сроки строительства очистных сооружений. Надо поставить дело так, чтобы руководители предприятий сами боролись за чистоту водных источников, как это делается уже в Новороссийске на судоремонтной верфи и других предприятиях края.

Черепяхин отмечает существенные недостатки в работе Азово-Черноморского бассейнового управления. Слабо еще осуществляется контроль за состоянием водных ис-

точников в сельском хозяйстве, особенно на животноводческих комплексах. Мало используется сточных вод даже после их полной биологической очистки для нужд народного хозяйства. Надо строже осуществлять контроль при выборе мест для строительства животноводческих комплексов. В этих целях необходимо усилить контакты с местными партийными, советскими органами и комитетами народного контроля, а также с министерствами и ведомствами.

— Много еще трудностей в нашем деле, но пусть они не страшат нас. Все они временного характера и преодолимы. В стране уже приступили к организации специализированных управлений по строительству очистных сооружений. Это многообещающее начало. Нам надо находить такие формы работы, чтобы меньше возникало конфликтных ситуаций, чтобы не тормозить постройку заводов, санаториев, жилья.

Последние годы, несмотря на постоянное наращивание промышленного потенциала, потребность воды на производственные нужды в Российской Федерации остается на одном уровне. Это результат того, что все больше крупных производств переходит на обратное, повторное водопользование. Примером могут служить Челябинский металлургический комбинат, Омский завод пластмасс, Суоярвская картонная фабрика в Карелии и многие другие предприятия.

Построены сооружения биологической очистки в таких крупных городах, как Волгоград, Куйбышев, Горький, Ульяновск, Уфа, и ряде других городов. В Москве созданы крупнейшие в Европе очистные сооружения биологической очистки мощностью два миллиона кубометров в сутки. Завершены уникальные по своим техническим решениям очистные сооружения полной биологической очистки в Ленинграде.

Очищенные реки Москва, Чусовая и многие другие стали для трудящихся излюбленным местом отдыха и спортивного рыболовства.

Особенно большое беспокойство доставляет водонадзору сельское хозяйство в связи с переводом его на промышленную основу и широкое применение химизации. Пока полностью отказаться от применения пестицидов нет возможности, но ученые работают и над этой проблемой.

В настоящее время,— продолжал заместитель министра,— все бассейны крупных рек имеют рабочие схемы комплексного водопользования и охраны вод от загрязнения и истощения. Ученые и инженеры разрабатывают и внедряют в промышленные предприятия безводную технологию. Это высвободит значительную часть воды, уменьшит загрязнение водоемов, сохранит водные ресурсы для поливного сельского хозяйства.

И еще вопрос, который нуждается в быстрейшем решении,— это сохранение малых рек, их дебета и чистоты воды от вредного влияния индустриализации и химизации сельского хозяйства. Малые реки служат местом массового отдыха населения и имеют большое значение для воспроизводства рыбных запасов. Вблизи таких рек обычно обитают дикие животные и птицы, находящиеся в Советском Союзе под охраной государства.

36

Азово-Черноморское бассейновое управление за победу в социалистическом соревновании

1977, 1978 и 1980 годов было награждено Красным знаменем Министерств мелиорации и водного хозяйства СССР и РСФСР.

Выйти победителем во Всесоюзном соревновании — немалая честь для азовочерноморцев. Но и досталась она им нелегко. Тем радостнее, тем дороже эта победа для всех, кто вложил в нее свою долю усилий.

Заместитель министра Николай Савельевич Черепашин, в торжественной обстановке вручая начальнику управления Кирьянову переходящее Красное знамя, сказал:

— Вы честно, самоотверженным трудом уже третий раз завоевали это почетное знамя. Знаю, нелегко даются победы и в бою, и в труде. Знаю, вам пришлось не только напряженно работать, но и воевать с теми, кто не боится за чистоту наших вод, наших лесов, воздуха и земли. Но эта награда налагает на ваш боеспособный сплоченный коллектив еще большую ответственность. На вас как на правофланговых будут равняться другие. Значит, вы теперь должны работать еще лучше. Кому много дано, с того много и спросится.

Приказом начальника управления многие инженеры, техники, лаборантки, рабочие награждены значками «Победитель социалистического соревнования», почетными грамотами, дипломами «Мастер — золотые руки», занесены на Доску почета, иным присвоено или подтверждено звание «Ударник коммунистического труда».

После торжественной части к начальнику управления Кирьянову подошел журналист и попросил прокомментировать сегодняшние события.

— В 1967 году, когда я принял водоохранную Азово-Черноморскую инспекцию, я сам не очень верил, что можно добиться каких-то заметных результатов в нашем деле. Недружный был наш коллектив, работал без четкого плана и без огонька. На каждом шагу мы встречали невероятные трудности. Но позже эти трудности сплотили наш

коллектив, сделали его другим, способным выполнить любое задание.

— Григорий Васильевич, у меня сложилось впечатление, что вы своим приказом отметили если не всех, то почти всех работников управления и его подразделений.

— Ну, положим, не всех, а лучших из лучших. Нам, руководителям управления, партийной, профсоюзной и комсомольской организаций, трудно было определить победителей соревнования. Все наши люди работали хорошо!

— А что вы, Григорий Васильевич, сказали бы о перспективах охраны природы, в частности водных ресурсов?

— Охрана природы, окружающей человека среды становится уже всенародным делом, как борьба за мир на нашей планете. Человек создал эту проблему, он должен и устранить ее. Тут нет ничего фатального. Главное, чтобы люди быстрее осознали, что природа не может дальше терпеть такого нерадивого, а часто и варварского отношения к ней. В странах социализма этому вопросу уделяется много внимания. Сложнее решать эти проблемы в капиталистических странах, где все определяет не человеческий разум, а чистоган. Вот вам свежий пример. Вы знаете, что недавно у берегов Франции напоролся на подводные рифы гигантский танкер «Амоко Кадис». В результате аварии почти 250 тысяч тонн сырой нефти вылилось в море. Это небывалая катастрофа. Но ее можно было избежать, если бы в это дело не вмешались соображения чистогана. Когда принадлежащий американской компании танкер, лишившись управления, стал дрейфовать на рифы, капитан танкера и хозяева западногерманского спасательного буксира три часа торговались по радио относительно уплаты за спасение. Время было потеряно. Ес-

ли бы к месту аварии шло советское судно, оно без всякой мзды оказало бы помощь судну, тем более с грузом нефти.

Кирьянов особо подчеркнул: всеми средствами массовой информации изо дня в день вести пропаганду о необходимости охраны природы. Во всех школах, институтах, техникумах надо ввести специальный курс по охране природы. А наряду с массовой пропагандой — повышать ответственность и спрос с тех, кто по своему недомыслию, ради сиюминутных выгод варварски вырубает леса, загрязняет реки и моря, отравляет атмосферу, небрежно относится к земле — кормилице.

— Не за горами уже то время, когда наши реки, озера, моря станут чистыми. Необходимо иметь средства борьбы с большими разливами нефтепродуктов. Пока еще эта задача не решена. Все сточные воды будут проходить полную биологическую очистку, топор лесоруба не сможет бесконтрольно разгуливать по лесам Кавказа и других регионов. Возродятся и наши степные реки, в них будут водиться в изобилии ценные породы рыб. Этот процесс уже начат. Трудны первые шаги..

Я часто привожу руководителям предприятий, всем тем, кто непосредственно причастен к охране природы, высказывание Леонида Ильича Брежнева на торжественном собрании в день пятидесятилетия Великого Октября.

«Бурный рост науки и техники делает особенно актуальной проблему отношений между человеком и природой... Построив новое общество, мы воплотили в жизнь многое из того, о чем могли лишь мечтать предшественники научного социализма. Но природа не утратила для нас своей огромной ценности и как первоисточник материальных благ, и как неиссякаемый источник здоровья, радости, любви к жизни и духовного богатства каждого

человека. Обо всем этом хочется напомнить, чтобы подчеркнуть, как важно беречь природу, охранять и приумножать ее богатства. Хозяйское, рачительное использование естественных ресурсов, забота о лесе, о реках и чистом воздухе, о растительном и животном мире — все это наше кровное коммунистическое дело. Мы должны сохранить и украсить нашу землю для нынешних и грядущих поколений советских людей».

Иншаков П. К.

И74 Дела и дни.— М.: Сов. Россия, 1982.— 208 с.,
1 л. порт.— (Люди Сов. России),

Документальная повесть кубанского писателя Павла Иншакова «Дела и дни» посвящена актуальным проблемам охраны природы. Она рассказывает о каждодневной борьбе коллектива Азово-Черноморского бассейнового управления и его руководителя Григория Кирьянова за чистоту рек и морей Краснодарского и Ставропольского краев, которую они ведут ради жизни и здоровья людей.

И $\frac{1603000000-104}{M-105(03)82}$ 93—82

57(069)

Павел Кузьмич Иншаков

ДЕЛА И ДНИ

Редактор **А. Д. Скопечная**

Художественный редактор **В. М. Носенко**

Технический редактор **Т. С. Маринина**

Корректоры **Э. З. Сергеева, М. С. Никитина,**

Л. В. Конкина

ИБ № 2523.

Кодированный оригинал-макет издания подготовлен на электронном печатно-кодирующем и корректирующем устройстве «Тула-У». Сдано в наб. 24.12.81. Подп. в печать 25.05.82. А02779. Формат 70×108/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 9,10. Усл. кр.-отт. 9,10. Уч.-изд. л. 9,09. Тираж 30.000 экз. Заказ № 515. Цена 40 к. Изд. инд. ХД-415.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой
книге и пожелания присылать по адресу:
Москва, проезд Сапунова, 13/15,
издательство «Советская Россия»